ПИОНЕР

Декабрь

12

Издательство ЦК ВКП(б) „Правда“ 1939.

УКАЗ

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

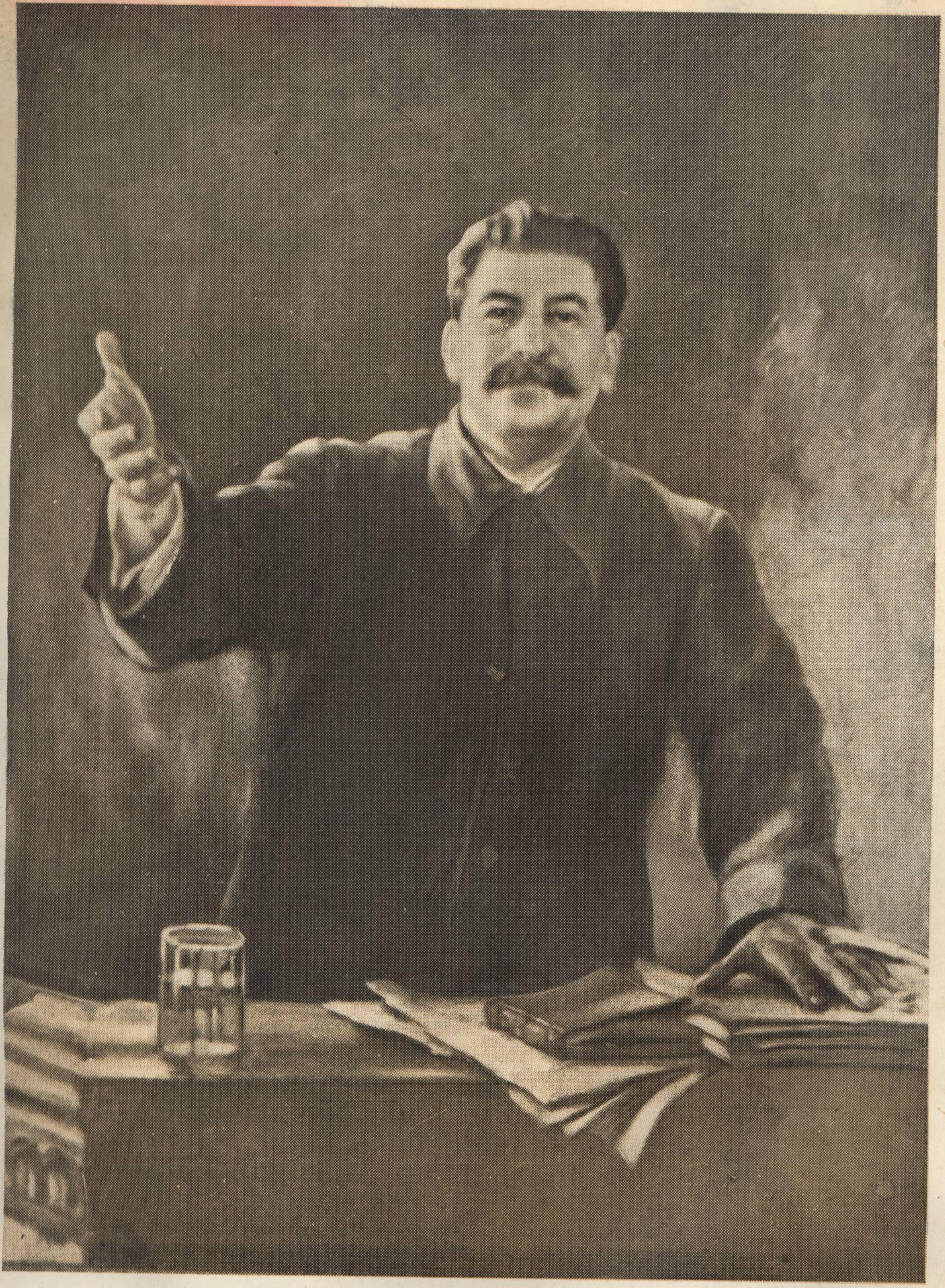
о присвоении товарищу Иосифу Виссарионовичу Сталину звания ГЕРОЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА.

За исключительные заслуги в деле организации Большевистской партии, создания Советского государства, построения социалистического общества в СССР и укрепления дружбы между народами Советского Союза — присвоить товарищу Иосифу Виссарионовичу СТАЛИНУ, в день его шестидесятилетия, — звание ГЕРОЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА со вручением высшей награды СССР — ОРДЕНА ЛЕНИНА.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
М. КАЛИНИН.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
А. ГОРКИН.

Москва, Кремль.
20 декабря 1939 г.

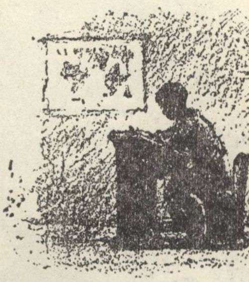
Иосиф Виссарионович Сталин.

С картины А. Герасимова.

Пионер
журнал ЦК ВЛКСМ
№ 12 декабрь 1939 г.

Дорогой, родной Иосиф Виссарионович!

Горячо поздравляем Вас в день Вашего славного шестидесятилетия и желаем многих лет жизни и работы на счастье трудящимся, на страх и горе всем нашим врагам.

Ваш образ, дорогой Иосиф Виссарионович, мы всегда носим в своем сердце; Ваша замечательная жизнь, как яркий маяк, освещает нам жизненный путь.

Мы знаем, что семнадцатилетним юношей Вы организовывали первые революционные кружки, что вместе с Лениным Вы создавали нашу большевистскую партию, вместе с Лениным повели рабочих и крестьян в октябре 1917 года завоевывать власть и победили.

В годы гражданской войны красные бойцы видели Вас в передовых цепях на самых тяжелых, самых грозных фронтах. Когда Ленин умер, Вы повели советский народ по ленинскому пути. Мы знаем, что большие заводы, которые выстроены в нашей стране, колхозы и совхозы, новые улицы и новые города — все это создано под Вашим мудрым руководством.

Школа, в которой мы учимся, детский театр, где мы смотрим интересные спектакли, стадионы, на которых мы закаляем наши мускулы, детские железные дороги, где мы учимся водить настоящие паровозы,— все это плоды Вашей заботы. Вы, Иосиф Виссарионович, заботитесь о всех ребятах Советской страны как отец, горячо любящий своих детей.

В капиталистических странах ребята нашего возраста изнуряются тяжелой работой на фабриках и полях по десять — двенадцать часов в сутки, миллионы их не могут учиться, так как принуждены вести полуголодную жизнь.

И большинству из нас пришлось бы жить в нужде, голоде и холоде, если бы Ленин и Вы, если бы любимая коммунистическая партия не завоевали для нас

свободной, счастливой жизни. Под советской звездой для нас открылись все дороги в жизнь.

И мы всеми силами стараемся достойно ответить Вам и большевистской партии на любовь и заботу. Мы хотим быть такими же бесстрашными, твердыми, как Вы, так же любить народ, как Вы, отдавать свою жизнь делу рабочего класса, как Вы.

Мы знаем, что наш первый патриотический долг— хорошо учиться. И мы постараемся, чтобы каждый из нас и наших товарищей учился так, чтобы Вы, наш дорогой учитель, могли сказать нам:

— Отлично, ребята.

Еще раз желаем Вам, родной наш Иосиф Виссарионович, чтобы Вы долгие-долгие годы вели нашу великую страну от победы к победе.

К борьбе за дело Ленина—Сталина всегда готовы!

ОТЛИЧНИКИ УЧЕБЫ:

Женя Герман — *первый машинист Горьковской детской железной дороги (город Горький).*

Ира Молотникова — *лучшая вожатая пионерского отряда Свердловского района (Москва).*

Володя Ушаков — *инструктор ПВХО 169-й школы (Москва).*

Женя Бычевская — *редактор классной стенной газеты 169-й школы (Москва).*

Коля Бань — *пастух, награжденный орденом „Знак почета“ за доблесть и мужество, проявленные в деле охраны границ родины (БССР).*

Юра Минаев и Сережа Малик — *конструкторы модели гидросамолета с бензиновым моторчиком, установившей международный рекорд продолжительности полета.*

Рая Шашкова — *вожатая октябрят краснознаменного класса 173-й школы (Москва).*

Леня Коган — *скрипач, ученик Центральной музыкальной школы.*

Надя Рецкер — *композитор, ученица Центральной музыкальной школы.*

Витя Богатырев — *конструктор радиоприемника, получившего грамоту на Всесоюзной выставке.*

Маня Ионова — *юный натуралист, участница Всесоюзной сельскохозяйственной выставки 1939 года.*

Володя Аксерт — *юный натуралист, кандидат на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку 1940 года.*

Тоня Козлова — *юный натуралист, докладчик на сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени Ленина.*

Ем. Ярославский

Детство и отрочество И. В. Сталина*

Товарищ Сталин родился 21(8) декабря 1879 года в городе Гори бывшей Тифлисской губернии, в маленьком домике на окраинной улице. «Их комната,— вспоминает сверстник товарища Сталина по школе Д. Гогохия,— имела не более девяти квадратных аршин и находилась около кухни. Ход со двора прямо в комнату, ни одной ступени. Пол был выложен кирпичом, небольшое окно скупо пропускало свет. Вся обстановка комнаты состояла из маленького стола, табуретки и широкой тахты, вроде нар, покрытой «чилопи» — соломенной циновкой». Глубокое волнение переживают десятки тысяч людей, ежегодно посещающих этот маленький домик, где провел свое детство товарищ Сталин. Его родители были бедные люди. Отец, Виссарион Иванович Джугашвили, ремесленник-сапожник, одно время работал рабочим на фабрике Адельханова и очень долгое время занимался у себя дома починкой обуви. Посетители этого домика могут и сейчас видеть сохранившиеся «орудия производства» Виссариона Ивановича Джугашвили: старый, продырявленный стул, колодки, молоток. Мать, Екатерина Глаховна Геладзе, трудолюбивая женщина, должна была неустанно работать, чтобы свести концы с концами в своем бедном хозяйстве. Она вынуждена была заниматься наемной поденной работой. В раннем детстве товарищ Сталин познал нужду, бедность. Кругом себя он

* Отрывок из лекции «Важнейшие вехи жизни и деятельности товарища Сталина», прочитанной на Всесоюзном совещании лекторов при ЦК ВКП(б) 17 сентября 1939 года. Лекция полностью печатается в журнале «В помощь марксистско-ленинскому образованию».

видел нужду рабочих, крестьянской бедноты, и уже рано пробудилось в нем сочувствие к эксплоатируемым классам.

Друзья детства товарища Сталина в своих многочисленных воспоминаниях говорят о нем как о живом, любознательном мальчике, любимце детворы. Семи лет он принялся за азбуку и на восьмом году уже читал, сначала по-грузински, потом по-русски. С 1888 по 1894 год он учился в духовном училище в Гори; учился, как учился Ленин: прилежно, на «отлично». В учебе и в играх он первый, он зачинщик всякого рода игр, прекрасный товарищ, любимец школьников. Он любил читать, рисовать, любил петь.

Еще учась в школе, товарищ Сталин часто беседовал с рабочими и крестьянами, разъясняя им причины их бедственного положения. Сверстник по школе Г. И. Елисабедашвили рассказывает, как однажды, идя по дороге, они подошли к отдыхавшим в поле пахарям:

«Увидев, с каким большим апетитом один из крестьян ел хлеб с лобио, товарищ Сталин спросил:

— Почему так плохо питаетесь? Ведь вы же сами пашете, сеете, собираете урожай. Значит, можно лучше жить.

На это крестьянин ответил:

— Собираем-то мы сами, но приставу надо дать, священнику надо дать. Что же нам остается?

Так завязалась беседа, в ходе которой товарищ Сталин шаг за шагом стал разъяснять, почему крестьянину плохо живется, кто на нем наживается, кто его друзья и кто враги. Он говорил так понятно и увлекательно, что крестьяне просили его придти еще поговорить с ними» [1].

Уже в духовном училище, в самые ранние годы, у товарища Сталина пробуждается критический ум, революционное чувство. Он знакомится с учением Дарвина, становится атеистом.

Сверстник товарища Сталина Г. Глурджидзе рассказывает:

«Я заговорил о боге. Иосиф слушал меня и после минутного молчания ответил:

— Знаешь, нас обманывают, бога не существует...

Эти слова удивили меня. Ни от кого еще я не слышал таких слов.

— Сосо, что ты говоришь?!

— Я дам тебе прочесть книгу, из которой ты увидишь, что мир и вся жизнь устроены совсем по-иному и разговоры о боге — пустая болтовня,— сказал Иосиф.

— Какая это книга? — заинтересовался я.

— Дарвин. Обязательно прочти,— наставительно ответил Иосиф» [2].

Тов. Вано Кецховели (в настоящее время профессор ботаники), учившийся с товарищем Сталиным в Горийском духовном училище, вспоминая о школьных годах, рассказывает:

«Весною и осенью по воскресным дням мы отправлялись за город. Излюбленным нашим местом была маленькая поляна на склонах горы «Гориджвари».

Проходили годы в Горийском училище и уносили с собою наши детские переживания и мечты.

В старших классах мы знакомились с грузинской литературой, но возле нас не было педагога, который руководил бы нашим развитием и дал бы определенное направление нашим мыслям. Больше всего мы увлекались чтением поэмы Чавчавадзе «Разбойник Како». Герои Казбеги пробуждали в юных сердцах чувство любви к родине, и каждый кончал училище с мыслью: «Я буду служить своей родине». Но в чем должно было выразиться это служение, никто себе конкретно не представлял» [3].

В духовном училище в Гори молодой Сталин знакомится не только с Дарвином, но и получает первое знакомство с марксистскими идеями.

Духовное училище в Гори товарищ Сталин окончил в 1894 году с похвальным листом. По окончании училища товарищ Сталин поступил в духовную семинарию в Тифлисе. Трудно было молодому Сталину мириться с порядками, которые были в духовной семинарии. Это было закрытое учебное заведение, в котором воспитанники жили за высокой каменной стеной. Монахи-воспитатели старались внушить им, что они должны почитать бога, царя, церковь, частную собственность. Каждый день, как в монастыре, в определенные часы звонил церковный колокол, созывая воспитанников на молитву. Главным предметом преподавания было богословие. Ученикам задава-

---

[1] «Рассказы старых рабочих Закавказья о великом Сталине», стр. 22—23.

[2] Там же, стр. 18—20.

[3] Вано Кецховели «На заре создания партии рабочего класса». «Заря Востока» № 162 от 17 июля 1939 года.

лись, например, сочинения на тему: «На каком языке говорила валаамова ослица?»

За воспитанниками была организована слежка, целая система шпионажа опутывала их. Конечно, многих эта угнетающая, мертвящая церковная муштра уродовала. Из духовных семинарий выходило немало верных слуг царя и отечества, настоящих мракобесов. Но из стен семинарий, духовных училищ вышло и немало революционеров. Напомню вам имя Николая Гавриловича Чернышевского, имена Ладо Кецховели, Миха Цхакая. Их революционные настроения питались страданиями трудящихся масс, крепли под влиянием чтения запрещенных для школьников книг. Больше того: тот гнет над умами молодежи, который существовал в духовных училищах, семинариях и других царских школах, будил чувство протеста, заставлял искать выхода из этой удушливой атмосферы. Вот как товарищ Сталин сам рассказывает о том влиянии, какое на него оказала духовная семинария. В беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом товарищ Сталин говорил:

«Из протеста против издевательского режима и иезуитских методов, которые имелись в семинарии, я готов был стать и действительно стал революционером, сторонником марксизма, как действительно революционного учения».

Пятнадцатилетним юношей товарищ Сталин связался с марксистами, стал знакомиться с марксистской литературой.

«В революционное движение,— говорит товарищ Сталин в беседе с Эмилем Людвигом,— я вступил с 15-летнего возраста, когда я связался с подпольными группами русских марксистов, проживавших тогда в Закавказье. Эти группы имели на меня большое влияние и привили мне вкус к подпольной марксистской литературе».

Марксистскую литературу тогда было очень трудно доставать в Тифлисе.

На совещании пропагандистов при ЦК ВКП(б) в 1938 году товарищ Сталин рассказывал, как молодые марксисты Тифлиса вынуждены были сложиться по грошам, чтобы переписать от руки единственный имевшийся в то время в Тифлисе экземпляр «Капитала» Маркса. Потом уже в кружке по этому переписанному экземпляру изучали труд Маркса.

В кружках читали Маркса, Плеханова, Чернышевского, Писарева, Белинского, Добролюбова, Герцена.

Лично товарищ Сталин прочел уже к тому времени много книг на русском и грузинском языках, читал переводную литературу. Круг интересов товарища Сталина был очень широкий, его знания были разнообразны, он жадно стремился знать возможно больше, оснастить себя основательнейшим образом. Он записался на получение книг в публичную библиотеку в Тифлисе, хотя это запрещалось ученикам семинарии.

Товарищ Сталин знал хорошо классиков художественной литературы: Шекспира, Шиллера, Толстого; читал Чернышевского, Писарева. Его любимыми писателями были Салтыков-Щедрин, Гоголь, Чехов, которых товарищ Сталин нередко цитирует в своих статьях, в устных выступлениях.

Товарищ Сталин знал грузинских писателей: Руставели, Эристави, Чавчавадзе и других. Он читал много книг по истории культуры, по социологии, интересовался химией и геологией. О его любви к поэзии говорит тот малоизвестный факт, что товарищ Сталин писал очень хорошие стихи. Эти стихи печатались в газете «Иверия» в 1895 году за подписью «Сосело». В одном из этих стихов он писал:

«И знай,— кто пал, как прах, на землю,
Кто был когда-то угнетен,
Тот станет выше гор великих,
Надеждой яркой окрылен».

(Перевод с грузинского А. Канчели).

Так писал шестнадцатилетний юноша, уверенный в том, что настанут другие дни, когда «кто был ничем, тот станет всем».

Стихи молодого Сталина очень ценились передовой грузинской интеллигенцией, одно из его стихотворений было перепечатано в юбилейном сборнике, посвященном писателю Рафаилу Эристави.

Очень интересны воспоминания об этом периоде тов. Г. Паркадзе, рисующие яркую картину самостоятельной работы над собой товарища Сталина и его сверстников:

«Молодежь жадно накапливала знания. Чтобы опровергнуть в семинарской среде, например, миф о сотворении мира в шесть дней, нам нужно было знать самим и уметь доказать геологическое происхождение и возраст земли, познакомиться с учением Дарвина. В этом помогали книги о Галилее, Копернике, увлекательные труды Фламмариона. Помню книгу Чарльза Ляйела «Древность человека» и двух-

Завязалась беседа, в ходе которой товарищ Сталин шаг за шагом стал раз'яснять, почему крестьянину плохо живется, кто на нем наживается, кто его друзья и кто его враги.

томник Чарльза Дарвина «Происхождение человека», в переводе под редакцией Сеченова. С интересом читал товарищ Сталин научные труды И. Сеченова.

Постепенно мы перешли к изучению развития классового общества, вплотную подошли к произведениям Маркса, Энгельса, Ленина. Знакомство с марксистской литературой в те годы преследовалось как революционная пропаганда. В особенности это чувствовалось в стенах семинарии, где такое, например, имя, как Дарвин, подвергалось бешеным нападкам.

Знакомясь с социально-экономической литературой, молодежь продолжала интересоваться астрономией, физикой, химией. Большую помощь нам оказала книга Людвига Фейербаха о сущности христианства.

Товарищ Сталин, знакомя нас с книгами, говорил, что мы прежде всего должны стать атеистами.

У многих начало складываться материалистическое мировоззрение, а богословские предметы оставались без внимания.

Чтение книг по самым различным отраслям науки не только помогало преодолевать бурсацкий дух в семинарии, но и приближало молодежь к восприятию марксистских идей. Каждая книга, будь то по археологии, геологии, астрономии или первобытной культуре, утверждала сознание правоты марксизма.

Современная наша молодежь вряд ли может представить себе все те трудности, какие надо было преодолевать тогда, чтобы не только получать книги, но и прочитывать их. У товарища Сталина, например, был отобран, или, как говорится в донесении помощника инспектора, «конфискован», роман Виктора Гюго «Труженики моря». Такая же участь постигла другую книгу Гюго — «93-й год».

Литературу мы доставали в общедоступной библиотеке на Кирочной улице. Библиотеку эту посещали учителя, интеллигенция. В начале 90-х годов ею пользовался А. М. Горький. Она преследовала просвещенческие цели, и никто не подозревал, какое большое политическое содержание извлекалось нами из самых обычных книг.

Товарищ Сталин объяснял, как надо добираться до основного содержания той или иной книги, как обходиться журнальными статьями, рецензиями и даже заметками в тех случаях, когда по какому-либо вопросу нельзя было найти достаточно литературы. Это приучало к конспектированию, к составлению выписок. Намечая литературу, Сталин подбирал для нас популярную, затем более сложную и подробно объяснял, если кто-либо из товарищей не понимал прочитанного.

Однажды я принес химию Менделеева. Как сейчас помню эту книгу. Ею тогда живо заинтересовался Сталин.

Как известно теперь из архивных материалов, инспектор семинарии иеромонах Гермоген доносил, что Джугашвили (Сталин), «оказалось, имеет абонементный лист из «Дешевой библиотеки», книгами которой он пользуется».

Товарищ Сталин увлекался исторической литературой, и мы даже удивлялись, откуда он ее достает. Запомнились книги по истории Великой французской революции, революции 1848 года, Парижской коммуны, истории России...

Товарищу Сталину было семнадцать лет, когда он в 1896 году создал в семинарии первый марксистский нелегальный кружок и выступал пропагандистом марксизма. Позже подобрался и второй кружок. Я входил в первый, называвшийся «старшим»...

Из книг, которые были прочитаны в те годы Сталиным и его товарищами, помню: «Коммунистический манифест», Энгельса — «Положение рабочего класса в Англии», В. И. Ленина — «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», Бельтова (Плеханова) — «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», книги Адама Смита и Рикардо по политической экономии, Туган-Барановского — «Периодические кризисы в Англии», Спинозы — «Этика» в издании 1892 года, Г. Бокля — «История цивилизации в Англии», Ш. Летурно—«Эволюция собственности», Н. Зибера — «Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях», книги по философии.

Товарищ Сталин любил художественную литературу, читал Салтыкова-Щедрина — «Господа Головлевы», Гоголя — «Мертвые души», Эркмана-Шатриана — «История одного крестьянина», роман Теккерея — «Базар житейской суеты» в двух томах и много других книг. С детства Сталин хорошо знал грузинских писателей, любил Руставели, Илью Чавчавадзе, Важа Пшавела. Увлекаясь литера-

турой, товарищ Сталин в период учебы в тифлисской семинарии написал несколько стихотворений, которые очень понравились Илье Чавчавадзе,— достаточно отметить, что они помещались в газете, которую редактировал Чавчавадзе, на первой странице, на видном месте, хотя воспитанникам семинарии было строго запрещено печататься в каких-либо журналах и газетах» [1].

Другой сверстник товарища Сталина по семинарии, тов. Г. Глурджидзе (в настоящее время учитель бершуетской средней школы, Горийского района), вспоминает:

«Иногда мы читали в церкви, во время службы, притаившись в рядах. Мы прочитывали книги, конечно, с большой осторожностью, чтобы не попасться на глаза надзирателям.

Книга была неразлучным другом Иосифа, и он с нею не расставался даже во время еды.

Обычно Иосиф отвечал на вопросы не торопясь...

Большим развлечением для нас в нестерпимо душной атмосфере семинарии были песни. Необычайное удовольствие испытывали мы, когда Сосо втягивал нас в хор и своим звонким, приятным голосом запевал любимые народные песни» [2].

К какому времени относится первое знакомство товарища Сталина с сочинениями Ленина?

С произведениями Ленина товарищ Сталин ознакомился еще в духовной семинарии.

Там он ознакомился с ранней работой Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» В 1898 году товарищу Сталину удалось прочесть сожженный цензурой сборник «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития», где была помещена статья Тулина (Ленина) «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве».

«Особенно запомнился мне один примечательный факт,— вспоминает тов. Капанадзе, учившийся тогда вместе с товарищем Сталиным в семинарии.— Это было в 1898 году. Однажды утром, после чая, я вышел из семинарии в Пушкинский сквер. Здесь я увидел Сталина, окруженного группой товарищей. Он горячо дискутировал с ними, критиковал взгляды Жордания. Это всех захватило.

И здесь, в саду, мы впервые услышали о Ленине.

Раздался звонок, мы стали расходиться, спеша на урок. Я подошел к Иосифу, пораженный его резкой критикой взглядов Жордания. Иосиф сообщил мне, что читал статьи Тулина (Ленина), которые ему очень понравились.

— Я во что бы то ни стало должен увидеть его,— сказал он мне тогда.

Эти слова, произнесенные в 1898 году, я напомнил товарищу Сталину при встрече с ним в 1926 году, и он вспомнил этот эпизод» [3].

Администраторы семинарии, видя, что товарищ Сталин стал центром притяжения лучших, талантливейших воспитанников семинарии, следили за каждым его шагом, составляли доносы на него. 29 сентября 1898 года ректору семинарии доносили: «В 9 часов вечера в столовой вокруг Иосифа Джугашвили собралась группа, которой Джугашвили читал не одобренные начальством семинарии книги, ввиду чего были обысканы ученики».

Очень интересны записи в «Кондуитном журнале» духовной семинарии:

«Джугашвили, оказалось, имеет абонементный листок из «Дешевой библиотеки», книгами которой он пользуется. Сегодня я конфисковал у него соч. В. Гюго «Труженики моря», где нашел и названный лист. Пом. инсп. С. Мураховский. Инспектор семинарии Иеромонах Гермоген».

Надпись на донесении:

«Наказать продолжительным карцером.— Мною был уже предупрежден по поводу посторонней книги — «93 г.» В. Гюго» [4].

«В 11 ч. в. мною отобрана у Джугашвили Иосифа книга «Литературное развитие народных рас» Летурно, взятая им из «Дешевой библиотеки», в книге оказался и абонементный листок. Читал названную книгу Джугашвили на церковной лестнице. В чтении книг из «Дешевой библиотеки» названный ученик замечается уже в 13 раз. Книга представлена мною о. Инспектору. Пом. инспектора С. Мураховский».

---

[1] Г. Паркадзе «Из воспоминаний о нелегальных сталинских кружках». «Заря Востока» № 46 от 26 февраля 1939 года.

[2] «Рассказы старых рабочих Закавказья о великом Сталине», стр. 20—21.

[3] Там же, стр. 26.

[4] Запись в ноябре 1896 года.

Надпись на донесении:

«По распоряжению о. Ректора,— продолжительный карцер и строгое предупреждение»[1].

«Джугашвили Иосиф (V, I) во время совершения членами инспекции обыска у некоторых учеников V класса несколько раз пускался в объяснения с членами инспекции, выражая в своих заявлениях недовольство производящимися время от времени обысками среди учащихся, и заявил при этом, что-де ни в одной семинарии подобных обысков не производится. Ученик Джугашвили вообще непочтителен и груб в обращении с начальствующими лицами, систематически не кланяется одному из преподавателей (С. А. Мураховскому), как последний неоднократно уже заявлял инспекции. Пом. инспектора А. Ржавенский».

Надпись на донесении:

«Сделан был выговор. Посажен в карцер, по распоряжению о. Ректора, на 5 часов. И. Д.» (иеромонах Димитрий)[2].

Когда однажды инспектор семинарии монах Димитрий после обыска зашел к товарищу Сталину, товарищ Сталин сидел, читая книгу и как бы не замечая вошедшего. Монах спросил его:

— Разве ты не видишь, кто перед тобой?

Товарищ Сталин встал, протер глаза и сказал:

— Ничего, кроме темного пятна, не вижу.

27 мая 1899 года это самое «темное пятно» — монах Димитрий — поставил на обсуждение училищного совета семинарии предложение «уволить Иосифа Джугашвили из семинарии как политически неблагонадежного». Это предложение было принято. Официально товарищ Сталин был уволен из школы за невзнос платы за учение и «за неявку на экзамены по неизвестным причинам». На самом деле причиной исключения была его политическая деятельность. Он был удален из семинарии как человек с опасными для царизма мыслями.

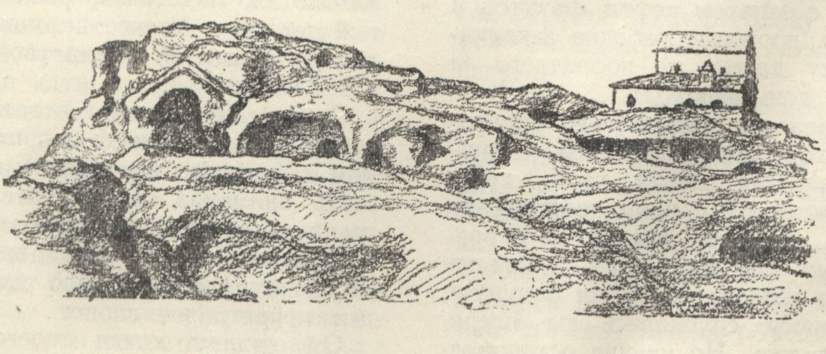
Сам товарищ Сталин в 1931 году в анкете партийной конференции Сталинского района (Москва) на вопрос о своем образовании ответил: «Вышиблен из православной духовной семинарии за пропаганду марксизма».

С этого времени в полицейских, жандармских отделениях начинается слежка за товарищем Сталиным, заводится карточка, в которой записывается каждый его шаг.

К тому времени, когда товарищ Сталин был исключен из семинарии, он обладал уже знанием «Капитала» Маркса и ряда других марксистских работ, имел уже четырехлетний опыт работы в подпольных марксистских кружках, первый опыт издания нелегального ученического журнала. Он имел уже большой запас знаний в различных отраслях общественных и естественных наук. Эти познания товарищ Сталин неустанно умножал, и он поражает даже специалистов своей глубокой осведомленностью по самым разнообразным вопросам.

У товарища Сталина по выходе его из духовной семинарии было уже вполне сложившееся марксистское мировоззрение. У него было и знание жизни низов, из которых он сам вышел. Его ненависть к царскому самодержавию и к социальной опоре царизма с тех пор все более углублялась, в нем росла и крепла глубокая любовь к народу.

[1] Запись в марте 1897 года.
[2] Запись 16 декабря 1898 года.

Оксана Иваненко

Скоро взойдет солнце

Перевела с украинского Е. Живова

Рис. Ю. Коровина

1. Товарищ из Тбилиси

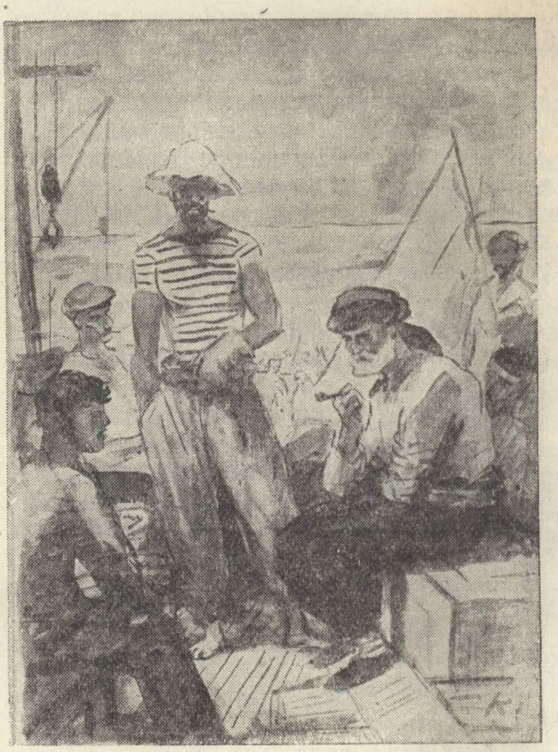
Уходили в далекий рейс наши пароходы, приплывали чужие, паруса вздымались на шаландах, свежие соленые ветры дули с моря, а небо было темное, свинцовое, как перед большим штормом.

Словно подгоняемый ветром, быстро шел по порту смуглый молодой человек. В порту было еще шумно и людно. На пристани, там, где причаливают пассажирские пароходы дальнего плавания, стояла еще нарядная толпа провожающих, дамы махали на прощанье руками, затянутыми в тонкие длинные перчатки, и кивали головами в широких модных шляпах, а на шляпах колыхались пышные перья дорогих южных птиц.

В стороне, не смешиваясь с этой нарядной толпой, стояли люди в чохах, в платках, в башлыках. Они тоже провожали, но тех, которые ехали на палубе, в трюме.

В воздухе звучали слова, произносимые, по крайней мере, на десяти языках: грузинском, русском, турецком, армянском, французском — и трудно было разобрать, кто на каком языке говорит, и кто на каком языке кричит последние напутственные слова. Немного поодаль от этого места, там, где обыкновенно останавливаются товарные суда, где нагромождены тюки, бочки, ящики и все то, что можно увидеть на товарных станциях и пристанях, и где соленый запах моря смешивается с запахом нефти, фруктов и свежей рыбы, портовые рабочие заканчивали погрузку далеко не последнего за сегодняшний день парохода.

Молодой человек внимательно посмотрел на пароход, потом подошел к грузчикам, прервавшим работу, чтобы покурить, и перекинулся с ними несколькими словами. Он, вероятно, сказал что-то приятное, потому что суровое и печальное лицо старого абхазца в черном башлыке, концы которого спускались на плечи, сразу прояснилось. Но юноша остановился не надолго, через минуту он легкой

Грузчики прервали работу, чтобы покурить.

походкой шел уже дальше, а грузчики снова принялись за работу.

— Да хранит аллах его жизнь,— пробормотал старик.

— Хоть бы тебя-то самого он сберег,— захохотал, издеваясь, рыжий веснушчатый парень. — Что-то не очень-то ты ему нужен вместе со всеми твоими родными и земляками.

Старик ничего не ответил: он был здесь чужим, «махаджири» — изгнанником из родного края. Он привык не обращать внимания на издевательства и насмешки, но все же такие слова больно отдавались в его сердце, зато каким дорогим подарком было для него каждое приветливое слово.

Он откинул конец своего башлыка и посмотрел вслед юноше, который нашел

ласковое слово для черных, грязных грузчиков.

А юноша завернул уже за угол и шел по ровной безлюдной улице. После шумного порта она казалась особенно пустынной и тихой. Только на углу стоял сонный городовой и переминался с ноги на ногу. Но вот юноша поровнялся с ним, прошел мимо. Городовой сразу насторожился, и привычный глаз уже отмечал: «Серая тужурка, черная бородка, красный шарф, лет двадцати двух — двадцати трех, студент, что ли? Приказано следить за студентами и за всеми новыми...»

Юноша, вероятно, почувствовал на спине пристальный взгляд городового. Он усмехнулся и спокойно повернул назад.

— Скажите, пожалуйста, как пройти на Пушкинскую улицу?

Городовой оторопел от неожиданности.

— Прямо, а потом направо,— показал он рукой.

Студент пошел по указанному направлению.

«Нет, это, должно быть, так человек,— успокоил себя городовой и снова закрыл сонные глаза.— Если бы из «тех», не подошел бы, можно не следить, пусть идет дальше».

Но «студент» вышел на другую улицу, усмехнулся и пошел не в ту сторону, которую указал городовой, а в противоположную.

Чем дальше отдалялся он от центра города, с красивыми европейскими белыми зданиями, тем вязче становилась почва, и вскоре юноша увидел, что кругом сплошное болото. Вдоль улицы были проложены доски, а люди, изредка попадавшиеся ему навстречу, ходили в деревянных колодках. Маленькие домики стояли на сваях. Удивительно было, как они даже на сваях держались на этом болоте.

Уже наступили сумерки, над болотом навис густой туман, и трудно было разглядеть, куда идти дальше.

Нога юноши завязла в трясине, и он едва вытащил ее. Наконец он добрался до маленького домика и постучал в двери.

— Кто там?—раздался тревожный голос, и из окна высунулась чья-то голова. Но юноша этот был, вероятно, знаком хозяевам, потому что двери сразу открылись, крепкие руки радостно сжали руку гостя и потащили его в комнату.

★

Через минуту из дому прошмыгнул во двор мальчик лет двенадцати. Мальчик остановился около калитки, вздохнул, присел на камень. Куда интереснее было бы сидеть сейчас в доме, смотреть на незнакомого гостя, может быть, он из их краев. Но дядя Миха велел ему почему-то стоять здесь и следить, не идет ли кто чужой. И кто полезет в такое болото?!. Все же мальчик послушался и остался во дворе. Сказано «надо» — стало быть, надо. Он поглядел вокруг, но над болотом стоял такой туман, что ничего не было видно, даже очертания гор. Долго караулить ему не пришлось. Двери домика скрипнули, и два человека в черных бурках вышли из дому. Один из них был дядя Миха, другой — незнакомый гость.

— Иди спать, Гиго: завтра рано на работу,— сказал дядя Миха.— Он тоже работает на нашем заводе,— прибавил он и почему-то вздохнул.

Вскоре обе фигуры скрылись из глаз Гиго.

★

Дядя Миха вернулся домой в полночь. Все уже спали. Спали везде: и на кровати, и на тахте, и просто на полу,— потому что семья была большая и всем места не хватало. Только Гаяне, жена дяди Миха, встревоженная неожиданным ночным путешествием своего мужа, ждала его, сидя у окна, да маленький Гиго ворочался в своем углу с боку на бок и никак не мог заснуть.

— Ну слава богу,—облегченно сказала Гаяне,— я так беспокоилась. Миха, что вы задумали? Не скрывай от меня... Может быть, всего этого не надо, Миха, живем ведь мы как-никак, будем и дальше так жить.

— Живем,— горько усмехнулся Миха, сел за стол, подпер голову руками и обвел взглядом убогую, нищенскую комнату.

— Ты говоришь: «живем». Разве это жизнь, когда работаешь как вол и каждый день ломаешь голову, как прокормить их всех хотя бы одним лобио[1]? Каждый день ждешь, что хозяйка выгонит тебя как ненужную скотину. Нет, он хорошо говорит, вот этот, что приходил, и ему я верю больше чем себе. Он сказал, что нам нужно объединиться и за-

[1] Фасоль.

Пришлось продать овец, которых так любил пасти Гиго.

щищать свои права. Он приехал из Тбилиси. О, там люди не спят!

— Он такой молодой, Миха,— тихо промолвила жена.

— Это не беда. Он, как орел, он наш модзгвари [1]. Его можно слушаться.

— А вот, когда ты ходил в воскресную школу, тебе так нравился тот Карло [2], который собирал рабочих.

— О, нет! Знаешь, жена, этот товарищ из Тбилиси, как гора, как наша гора Казбек, все с нее видно, а Карло только и знает, что внизу копошится. Учился Карло больше чем мы и может рассказать, почему земля вертится, а как сделать, чтобы жизнь по-нашему пошла,— этого он не говорил и об этом он не думает. И к чему это ему и его попу, который читает проповеди в воскресной школе: ведь у нас болит, а не у них, наши дети голодают, а не их.

— Вей-ме!—вздохнула Гаяне.—Бедные дети. Что делать с ними? А Гиго, хоть и чужой он мне, да как посмотрю на него,— сердце кровью обливается. Тяжело ему на заводе, похудел он здесь, скучает, наверно, по дому родному.

— Может быть, у него и дома-то уже нет, — сказал дядя Миха.

[1] Вожак, вождь.
[2] Карло Чхеидзе — меньшевик.

Но Гиго этого, к счастью, не слышал. Поняв, что разговор идет о нем, он не стал прислушиваться, а, наоборот, натянул на уши коврик, которым укрывался, и заморгал часто-часто своими длинными ресницами. Ему стало очень грустно и тоскливо.

Прошло уже несколько месяцев с тех пор, как он приехал сюда, в Батуми, из родной деревушки, спрятавшейся между горами и лесами к югу от Озургети. Дома он чувствовал себя взрослым и сильным. Ведь с того времени, как умер отец, а старшего брата забрали в солдаты, он был старшим в семье, и мать его, бедная вдова Деспине, всегда обо всем советовалась с ним, поверяла ему свои думы и гордилась им. Но вскоре не о чем стало советоваться. Когда должны были забрать брата в солдаты, мать продала единственную корову и поехала в Озургети хлопотать за сына. Люди говорили, что если дать чиновнику денег, то все можно сделать. Но деньги забрали и сына забрали. Как побитая вернулась Деспине. А тут и урожай отобрали. Приехал управляющий помещика-князя, который за взятку сдал ей весной в аренду клочок земли, приехал и забрал две трети урожая. Да подати еще нужно было уплатить. Пришлось продать овец, ко-

торых так любил пасти Гиго на склонах крутых гор... Далеко, бывало, поведет он их, туда, где за пихтовыми лесами начинаются луга с такой ароматной травой. Там пасет овец и старый Осман. Он высокий, сухой, словно солнце высушило его, но он, как кипарис, не гнется несмотря на свои старые годы. Ему очень много лет. Он был еще крепостным, он помнит восстания крестьян, и когда он поет про славного Арсена, Гиго всегда кажется, что он и самого Арсена перед собой видит.

Овец продали. А тут брат дяди Миха, сосед Герасим, решил ехать в Батуми — счастья искать. Много крестьян собралось ехать туда, чтобы весной, когда наступит время пахать, вернуться обратно. Уговорили Деспине отпустить и Гиго. Люди рассказывали, что там охотно берут на работу и маленьких, а сама она, Деспине, нанялась в батрачки к помещику, чтобы отработать старый долг. С маленькими детьми осталась подслеповатая бабушка.

Нет, Гиго не жалел, что он едет в Батуми. Он никогда никуда не выезжал из своего села, он даже в Озургети никогда не был. Он только исходил и облазил все горы и леса, когда пас овец и когда в свободное время играл с мальчиками в абреков.

Кажется, что это было давно-давно. Он вспоминает, как далекий сон, своих товарищей Датико, Нико и маленькую сестренку Нато. Она такая живая и пугливая, эта тоненькая черноглазая Нато, она — ха-ха! — всегда верила всем сказкам, которые рассказывала подслеповатая бабуся. Часто она вскрикивала: «Ой! О-чо-кочи [1] схватит», — хотя Гиго старший и умный (он ведь окончил сельскую школу и умел читать по-грузински и по-русски) уверял ее, что о-чо-кочи и разные русалки и пери бывают только в сказках.

Но про самшитовый лес Нато никак нельзя было разуверить. Она была твердо убеждена, что там живут дэви [2], и через этот лес ходила, только крепко держась за руку Гиго.

Самшитовый лес! Это так далеко, как старый сон. В самшитовом лесу извилистые деревья необыкновенной формы, тонкие деревья, покрытые зеленым мхом, словно затянутые в бархат, и от этого зеленого бархата воздух зеленеет и кажется, что ты на дне морском, или, может быть, вправду в царстве дэви.

Гиго тихонько рассмеялся в коврик, а уголки глаз стали почему-то влажными.

Глупенькая Нато! Дэви — это совсем не страшно. Дед Осман посвятил Гиго во все лесные и горные тайны, и он даже скучает теперь по этим дэви, даже зеленовато-золотистую змейку, которая иногда хитро выглядывает из-за листика, он встретил бы теперь, как родную.

А вот страшней всех дэви приказчик на заводе Ротшильда.

Гиго тихо всхлипнул. Вчера его, Гиго, который в играх был всегда атаманом абреков и которого все мальчишки уважали и боялись, побил приказчик.

При этом воспоминании все далекие милые картины исчезают. Он снова маленький, худой, никому здесь на болоте ненужный, чужой мальчик, и завтра, чуть рассвет, он должен идти на ненавистный завод Ротшильда, где много таких мальчиков работает по двенадцать — пятнадцать часов в сутки и за каждое слово, которым они перекинутся с товарищем, за ничтожный промах на них будут сыпаться оплеухи и подзатыльники. Сколько там таких, как он, всегда голодных, оборванных мальчиков и из Гурии, и из Мингрелии, и из Имеретии, — и все они дрожат перед приказчиком, перед механиком. Когда проходит начальство, хочется провалиться, исчезнуть мгновенно, как ящерица исчезает где-нибудь под камнем или в листве, заслышав шаги. Да что там мальчики! И взрослым не лучше. Разве не наказали недавно дядю Миха и не вычли из его мизерного жалованья штрафа за то, что притупился его инструмент?

Надо было бы уснуть, да сон почему-то не идет.

«А кто этот неизвестный гость, товарищ из Тбилиси, которому так верит дядя Миха, — думает Гиго. — И почему после разговора с ним в словах дяди Миха чувствуется какая-то небывалая до сих пор бодрость и решимость?»

Гиго усмехнулся:

«Ладно, они думают, что Гиго маленький и ничего не понимает, а дед Осман столько рассказывал ему. Он узнает, кто

---

[1] Лесовик, лесной дух.
[2] Сказочные великаны.

этот товарищ из Тбилиси. По словам дяди Миха, он чувствует, что это их друг. Гиго сам скажет дяде, что всегда, когда тот придет, Гиго будет караулить, а если нужно будет, — сможет сделать и поважнее что-нибудь».

2. И для нас засияет солнце

Дядя Миха начал часто уходить по вечерам из дому. Гаяне потихоньку вздыхала, но не спорила. К ним стали часто приходить товарищи дяди Миха — рабочие с заводов Ротшильда, Манташева, Сидеридиса, портовые рабочие, — но того юноши, товарища из Тбилиси, Гиго больше ни разу не видел.

Как ни уставал Гиго за день, все же, лежа в своем углу, он никогда не засыпал, когда приходили эти гости. Ему хотелось знать и понять все то, о чем они говорили.

— Вот видишь, — сказал как-то дядя Миха, — Карло говорил, что в Батуми нельзя вести никакой подпольной революционной работы, потому что здесь, мол, чересчур много прямых и освещенных улиц. А наш Учитель [1] уже на всех заводах организовал рабочих.

— А Карло он и знать не хочет, — засмеялся Герасим. — Учитель, конечно, правду говорит, миром мы от хозяев никакой помощи не дождемся.

— Может быть, малый не спит, а мы разговариваем при нем? — спросил дядя Сильвестр.

— Ничего, — успокоил его дядя Миха, — пусть слышит, учится и растет нам на помощь: он не меньше нас терпит.

Мальчик, конечно, понимал не все; однако ему было ясно, что в рабочих произошла какая-то перемена, что они готовятся к чему-то, ждут чего-то и что перемена эта произошла с того времени, когда среди них появился товарищ из Тбилиси. Гиго не знал, как его зовут; рабочие между собой звали его — Учитель или Пастырь.

Однажды дядя Миха сказал Гиго:

— Когда на заводе будет перерыв, скажи незаметно Теофилу и Герасиму, что сегодня в Барцханах у Вано, а сам забудь про это.

И Гиго понимал, что рабочие собираются сегодня в рабочем селении, в Барцханах. Он с радостью выполнил это поручение и подумал, что если бы его спросил приказчик или старший мастер, о чем он только что говорил с Теофилом, — клещами не смогли бы они вытянуть у него правды.

Иногда собирались неподалеку от их дома, на Чаоби (так называлось это болото, где жили рабочие), но точно где, Гиго не знал. Дядя Миха брал с собой только старшего, восемнадцатилетнего сына Дариспана.

На заводе было так же тяжело, как и прежде, но Гиго казалось, что вот-вот что-то случится: не напрасно ведь Учитель сзывает сегодня на Чаоби собрание рабочих.

Настал декабрь. В Батуми даже в декабре нехолодно и редко идет снег, а если и идет, то большими смешными хлопьями и сразу тает.

Накануне нового года в Батуми, как и везде, на улицах предпраздничное оживление, веселые хлопотливые лица, хозяйки спешат с базара домой приготовить сациви, буглами, шашлык [2] и испечь пироги.

Дядя Миха говорит своей жене:

— Ты не беспокойся, мы с Дариспаном пойдем к Сильвестру Ломджария,— знаешь его? Так вот мы там сегодня будем встречать новый год, — и он весело подмигнул сыну.

— Что это вы придумали? — покачала головой Гаяне.

— Ну и что ж, посидим с товарищами, выпьем вина. И Гиго с нами пойдет.

— Рано ему еще на вечеринки ходить, — возразила Гаяне.

— Нам, дэда [3], нужно, чтобы он пошел, — тихо сказал Дариспан, — он маленький, и на него никто не обратит внимания.

И сказать нельзя, как обрадовался Гиго. Почистил свои пехи [4], надел новую красную рубашку, к которой его родная дэда пришила шестнадцать пуговичек.

Пошли.

— Это придумал Учитель,— тихо объяснял отец сыну, — будто мы на встречу нового года собираемся, а на самом деле — нелегальное собрание. Мальчики, братья Сильвестра и Теофила, и наш Гиго

---

[1] Учитель — подпольное имя товарища Сталина в Батуми в 1901—1903 годах.

[2] Сациви, буглами, шашлык — кавказские блюда.

[3] Мать.

[4] Сапоги.

Учитель говорил горячо и вдохновенно.

будут караулить. Ты ведь, Гиго, молодец, покараулишь?

— Как же! — с жаром ответил Гиго.— Разве я не понимаю?

Немного погодя Гиго стоял с двумя мальчиками, немного постарше его, за углом дома. Брат Сильвестра, Порфирий, оглядывал каждого, кто заходил к ним во двор.

— Это он! — тихо вскрикнул Гиго.

Он узнал человека, вошедшего во двор, несмотря на то что башлык закрывал почти все его лицо. Это был Учитель, товарищ из Тбилиси.

Проходили и другие товарищи.

Гиго узнавал старых рабочих с завода Ротшильда, остальные были, должно быть, с других заводов.

— Иди, Гиго, побудь немного в доме, — сказали ему мальчики. — Отдохни, а потом снова выйдешь.

— Да нет, ничего, я не устал, — запротестовал Гиго, но не слишком сильно. Очень хотелось ему посмотреть, что делается в доме.

Его встретила приветливая хозяйка, посадила в первой комнате, отрезала кусок пирога, наложила всякой еды на тарелку, но глаза и уши Гиго были в соседней комнате.

Сквозь полуоткрытые двери он видит: на стене, на ковре, висит большой портрет Руставели, висят оружие, чонгур [1], в углу — разукрашенное новогод-

[1] Музыкальный инструмент.

нее чичилаки[1]. Но чичилаки сейчас не интересует Гиго. За столом сидит много людей, и среди них дядя Миха, Дарispан и он, Учитель.

Вечеринка только началась. Тамада Миха Габуния поднял чашу и сказал:

— Слово для тоста предоставляется товарищу Сосо.

Товарищ Сосо... Кто это? Все повернули глаза к Учителю, и он встал. Он начал говорить.

Гиго бывал иногда в селе на вечеринках, он слышал, как торжественно произносят там разные тосты, но это был совсем не тост. Учитель говорил горячо и вдохновенно:

— Взгляните вокруг! Эти пароходы, заводы, все это богатство — разве не создано оно руками рабочих? А рабочему от всего этого не остается даже на кусок хлеба. Он создает, а пользуются другие...

Долго говорил Сосо, и все слушали его, затаив дыхание, и маленький Гиго тоже слушал и понимал все, все.

То, что говорил Учитель, было таким близким Гиго. Ему даже казалось, что Учитель был в их селе и все видел собственными глазами. Земля принадлежит помещикам, но обрабатывают ее крестьяне, и они ничего от этого не имеют. Им тоже нужно вместе с рабочими бороться против самого крупного помещика — царя, против самодержавия.

— Будем бороться, — сказал Сосо, — против тех, кто угнетает нас, и вместе с рабочим классом России под красным знаменем пойдем на врага, чтобы вернуться победителями с поля битвы. Мы не должны бояться смерти. Так пожертвуем же нашей жизнью за дело освобождения рабочих!..

Дальше Гиго не слышал. Его позвали мальчики. Он стоял в карауле за углом дома и думал о том, что он слышал. Он хотел бы жизнь отдать за Учителя, который, как Казбек-гора, выше всех, все видит и понимает.

Когда он во второй раз вошел в дом, он услышал, как товарищ Сосо воскликнул:

— Счастье в борьбе! Побеждает смелость!

И Миха Габуния, тамада, не выдержав, вскочил со своего места и закричал:

— Отныне не дай бог мне умереть дома, в своей постели!

И все до единого клялись быть верными делу рабочих, и все пили за здоровье Учителя и за новый Батумский комитет, выбранный здесь, на собрании, которое проходило под видом новогодней вечеринки.

Тихо запели незнакомую Гиго русскую песню:

«Отречемся от старого мира,
Отряхнем его прах с наших ног».

Но эту песню нельзя было петь. Пели «Хасан-Бегура» и другие песни.

Что-то грохнуло во дворе.

— Кто-то идет!

Гиго испугался, но тамада нарочито пьяным голосом запел:

«И я пил, и ты пил,
Только он, он не пил...»

Тревога оказалась напрасной. И снова начали говорить о великом деле и с надеждой и верой слушали Учителя.

Гиго задремал на тахте. Светало. Запели петухи, Гиго протер глаза. Сосо поднял свой стакан.

— Вот уже рассвело! — сказал он. — Скоро встанет и солнце. Это солнце будет сиять для нас! Верьте в это, товарищи!..

3. Кони и люди

Обязанность кладбищенского сторожа — копать могилы и следить, чтобы покойникам хорошо и спокойно было лежать, чтобы никто их не беспокоил, чтобы мальчишки не рвали цветов на их могилах, чтобы хулиганы не ломали крестов. Нельзя сказать, чтобы уж очень много хлопот было у Иллариона с мертвыми. Выкопает могилу, зароют несчастного. Он и лежит себе.

Но сегодня Илларион чем-то озабочен.

Утром пришли к нему две женщины: старая Гаяне и молодая Нато.

— Здравствуй, Илларион, — взволнованно сказала Гаяне.— Учитель передать велел: ночью опять соберутся здесь, на кладбище.

— Слышишь, Илларион, — начала рассказывать возбужденная Нато, и слова ее кипели гневом. — Триста восемьдесят девять человек выбросили на улицу с завода Ротшильда, всех старых рабочих.

[1] В Западной Грузии крестьяне вместо елки украшают ствол орешника; это и есть чичилаки.

Объявлена забастовка... Все началось с того пожара.

Нато говорила о пожаре, вспыхнувшем в конце января на заводе в распилочном цехе. Заводская администрация призвала всех рабочих тушить пожар и за это обещала им награду. Пожар грозил охватить весь завод. Рабочие потушили пожар, а администрация отказалась уплатить им.

— Пожар тушить — это не работа, — сказал управляющий.

Рабочие возмутились.

— Как же так? Мы рисковали жизнью, столько трудились, и нам не хотят платить!

Тогда Учитель, товарищ Сосо, собрал комитет, предложил составить список товарищей, тушивших пожар, и передать его хозяевам с решительным требованием об уплате обещанного вознаграждения. Администрация испугалась и выдала по два рубля. Рабочие Ротшильда прозвали это «двухрублевой победой».

Женщина присела на серый могильный камень.

— Мужа моего уволили. Что делать? — вздохнула Гаяне.

— Не тужи, генацвалэ [1], — ласково сказала Нато, положив ей руку на плечо. — Чувствует сердце мое, мы победим, мы не можем не победить, пусть не сразу, но победим. Ой, ни разу еще не видела я Учителя, но когда услышала, что он и женщин призывает к работе, к борьбе, еще больше верить в него стала.

— Хорошо, что он приехал, — сказала Гаяне, — рабочие забастовали, а без него и не знали бы, что делать.

— Разве его в городе не было? — спросил Илларион.

— Нет, он ездил куда-то, брата моего за ним посылали, чтобы он рассказал ему обо всем, что здесь творится.

Нато тихонько дернула Гаяне за конец платья, подумала: «Может, лишнее что при Илларионе говорит?»

— Ничего, — поняв ее, сказала Гаяне, — Иллариону можно знать все то, что мы знаем, он наш, он и на собрания ходит и тут, на кладбище, собрание устраивал.

— Тогда мне дождь помог, — рассмеялся Илларион. — Такой дождь лил всю ночь напролет, все следы смыл. А пристав все же приходил потом. Спрашивал: «Люди какие-то у тебя здесь ночью, на кладбище, ходили?» «Мое дело — днем работать, а ночью я сплю», а сам могилу копаю, будто меня это не касается. Постоял он, постоял, плюнул — и пошел. А сегодня что-то дождя не предвидится, — добавил Илларион, взглянув вверх.

— Ничего, — сказала Гаяне, — мы утром придем, поможем тебе прибрать, да и других женщин приведем.

★

Вечером потянулись к кладбищу Соук-Су тени из села Махмуди. Илларион будто возился около могил, а сам внимательно оглядывал каждого приходящего, чтоб чужой какой не пробрался, и показывал, куда идти. В самом глухом месте кладбища, под широкими чинарами, расселись рабочие.

Много было старых, была и молодежь. Но как старые, так и молодые знали, что наилучший совет даст Учитель, товарищ Сосо. Он и говорил сейчас о том, чего должны требовать забастовщики. Нужно добиваться сокращения рабочего дня, увеличения заработной платы. Дирекция должна вежливо обращаться с рабочими, а не так, как обращается теперь, и должна оплачивать простои, если рабочие не работают по вине дирекции.

— Да,— твердо сказал Сосо.— К этим требованиям своим мы припишем: когда мы работаем, мы получаем деньги, но когда работы нет, то и тогда администрация завода должна выплачивать рабочим заработную плату.

— Никогда они на это не пойдут, — покачал головой седой рабочий, — скорее, подавятся.

— Не согласятся они, — сказал и дядя Миха.

— И я знаю, что не согласятся, — добавил Сосо. — Но все же пусть это будет стоять в конце требований. Не думайте, что это уж так много, это — право каждого животного.

И он предложил написать так: «У вас есть лошади, которых вы кормите, когда заставляете их работать, но и тогда, когда они не работают, вы тоже даете им корм. Мы, люди, требуем такого же права».

---

[1] Милая, душенька.

— Дай бог тебе здоровья! — не выдержав, воскликнул в волнении Теофил.— Где ты был до сих пор?

Долго сидели рабочие, тесным кольцом окружив Сосо.

Взошла луна и бросила свой серебряный луч на кресты и могилы. Нужно было кончать.

Рабочие расходились, каждый с листовкой за пазухой или в кармане.

Когда и где печатали эти листовки — это было тайной. Но для всех было ясно, что к этому причастен Сосо. И каждый берег эту листовку, как драгоценный клад. Он прочтет ее и передаст другому, другой — третьему, — так много рабочих услышат слова правды.

★

Забастовка продолжалась. Рабочие расставили свои пикеты и не пускали штрейкбрехеров на завод.

Гиго будто играл с мальчиками в мяч, а сам внимательно следил со своего поста, чтобы тут же, когда нужно будет, позвать Дариспана.

Рыжий, веснушчатый паренек приближался к заводским воротам.

— Вот мразь, думает заработать там, где другие бастуют, — возмутился Гиго.

Гиго оглянулся, чтобы подать знак Дариспану. Но его не было вблизи. Как же задержать рыжего? Гиго будто нечаянно ударил паренька мячом в спину. Тот обернулся.

— Куда идешь? — спросил Гиго.

— Тебе какое дело, щенок паршивый! Я тебе покажу как мячи в людей бросать,— толкнул его паренек и хотел уже взяться за ручку заводской калитки.

Гиго с отчаянием оглянулся. Где ж Дариспан? Его не было видно. Как же он, Гиго, пропустит штрейкбрехера?

И он вцепился руками в хилого паренька и, забыв все наставления, закричал не своим голосом:

— Дариспан!

Перед пареньком сразу выросли три сильных фигуры.

— А ты в мутной воде рыбу ловить хочешь, предатель проклятый! — закричал Дариспан.

Парень размахнулся, но не успел ударить Дариспана: товарищи крепко схватили его и потащили за собой.

На шум прибежал городовой, но, пока он бежал, парней и след простыл.

★

Всю Чаобу, Барцхани и Городок вмиг облетела весть: из Кутаиси приехал губернатор «приостановить беспорядки и успокоить забастовщиков», передал, чтобы рабочие завода Ротшильда пришли для переговоров. А на заводе все же поставили пехоту.

Вечером собрались у Сосо на Чаоби, чтобы выбрать делегатов, посоветоваться, хотя Сосо не верил, чтобы что-нибудь вышло из этих переговоров.

Утром на заводском складе собрались делегаты. Гневные взгляды бросал на них управляющий. Волновался начальник стражников Леван Гуриели. Нервно поглаживал выхоленную бородку старый губернатор.

Теофил спокойно и уверенно выступил от имени рабочих. Он рассказал об ужасной тяжелой жизни рабочих, о их требованиях и под конец сказал те слова, которые слышал от Сосо и которые так взволновали его:

— Сегодня заводские лошади не работают, но их все же кормят. Неужели человек не достоин того же отношения, что и лошади?

Губернатор не выдержал и свирепо закричал:

— Где это видано, чтобы рабочие не работали, а деньги получали!

Теофил спокойно ответил:

— Так было после того, как сгорел Путиловский завод. До тех пор, пока его не отстроили, рабочие получали половину своей заработной платы.

— Как отец ваш, я приказываю вам завтра же стать на работу! — закричал губернатор. — А кто не послушается, — в Сибирь.

Ни с чем вернулись рабочие домой. Сосо был прав. И с чего бы это губернатору стать на сторону рабочих? Наоборот, по его «отцовскому» приказу, следующей ночью делегатов арестовали.

4. Накануне

Тревожная, беспокойная ночь спустилась над Батуми.

Усиленные посты городовых, казачьи разъезды, какие-то подозрительные личности, сновавшие по всем закоулкам рабочих предместий, и волнующие события дня встревожили даже равнодушных обывателей.

А в рабочих кварталах, на Чаоби, в Городке, в Барцханах, там никто, вероятно, и спать не ложился.

— Кто идет? — загремел городовой.

Из темноты вынырнула какая-то маленькая фигурка.

— Это я, я здесь живу, — невинным голоском быстро затрещал Гиго, — я бегал к тетке Фатиме, знаете тетку Фатиму, что тут, за углом, торгует? Я бегал к ней одолжить керосину.

Нехорошо это он выдумал про керосин, потому что городовой громко выругался и заворчал:

— Пусть твой умный отец не бастует, тогда и керосину не придется одалживать.

Гиго поднял глаза и хотел еще что-нибудь соврать, чтобы как-нибудь выкрутиться, но вдруг весь побледнел: возле городового стоял тот самый рыжий паренек, с которым он сцепился несколько дней тому назад.

Гиго быстро пробормотал что-то невнятное, подался тихонько назад — и давай удирать со всех ног. Пробежав закоулок, он перепрыгнул через невысокую каменную ограду, завяз в болоте, еле вылез, но все же, наконец, добрался до своего дома. Он быстро, нетерпеливо постучал и вдруг почувствовал, что если ему сейчас не откроют, он упадет тут же, на крыльце: сил больше не хватало. Он только что был и в порту и в Барцханах. Где только он не был,— и везде он передавал поручение Дариспана: «Завтра около завода Манташева».

Но когда он вошел в комнату и увидел тетю Гаяне, сидевшую с сурово сжатыми губами возле маленькой лампочки и молча чинившую сорочку Дариспана, он почувствовал, что если бы надо было, то он смог бы еще раз обежать сейчас весь Батуми: ведь он передавал рабочим приказ собраться, чтобы пойти освобождать арестованных. Среди арестованных был и дядя Миха.

Это произошло сегодня.

Рабочие «Бнито» — так назывался в Батуми завод Ротшильда — решили вместе с Сосо идти требовать освобождения рабочих, арестованных после разговора с губернатором. Женщины шли вместе с мужчинами, все пели народные песни. Подошли к тюрьме. Сквозь решотки смотрели знакомые, родные лица.

— Здравствуйте, товарищи! — кричали из-за решоток.

— Освободите наших братьев или арестуйте нас тоже! — кричали демонстранты.

Солдаты бросились в толпу, но разогнать ее не смогли. Дариспан стоял возле Гиго, — вот тогда ему и разорвали сорочку. Рабочие кричали:

— Освободите невинных!

Потом вышел какой-то офицер и сказал, что арестованных переведут в пересыльные казармы и там освободят.

Арестованных действительно вывели. Но как это случилось, что часть демонстрантов оказалась вместе с ними окруженной солдатами? Вначале на это не обратили внимания. Шли вместе с товарищами, которые просидели уже несколько дней за решотками и теперь так радостно встретились с друзьями, пели вместе с ними. Но вот вошли во двор пересыльных казарм, и вдруг тяжелые ворота затворились. Раздались вопли, крики женщин.

Гиго видит: там, на дворе, остался дядя Миха, остался Порфирий, с которым он караулил тогда, под новый год. И еще и еще.

Более трехсот человек попали в ловушку.

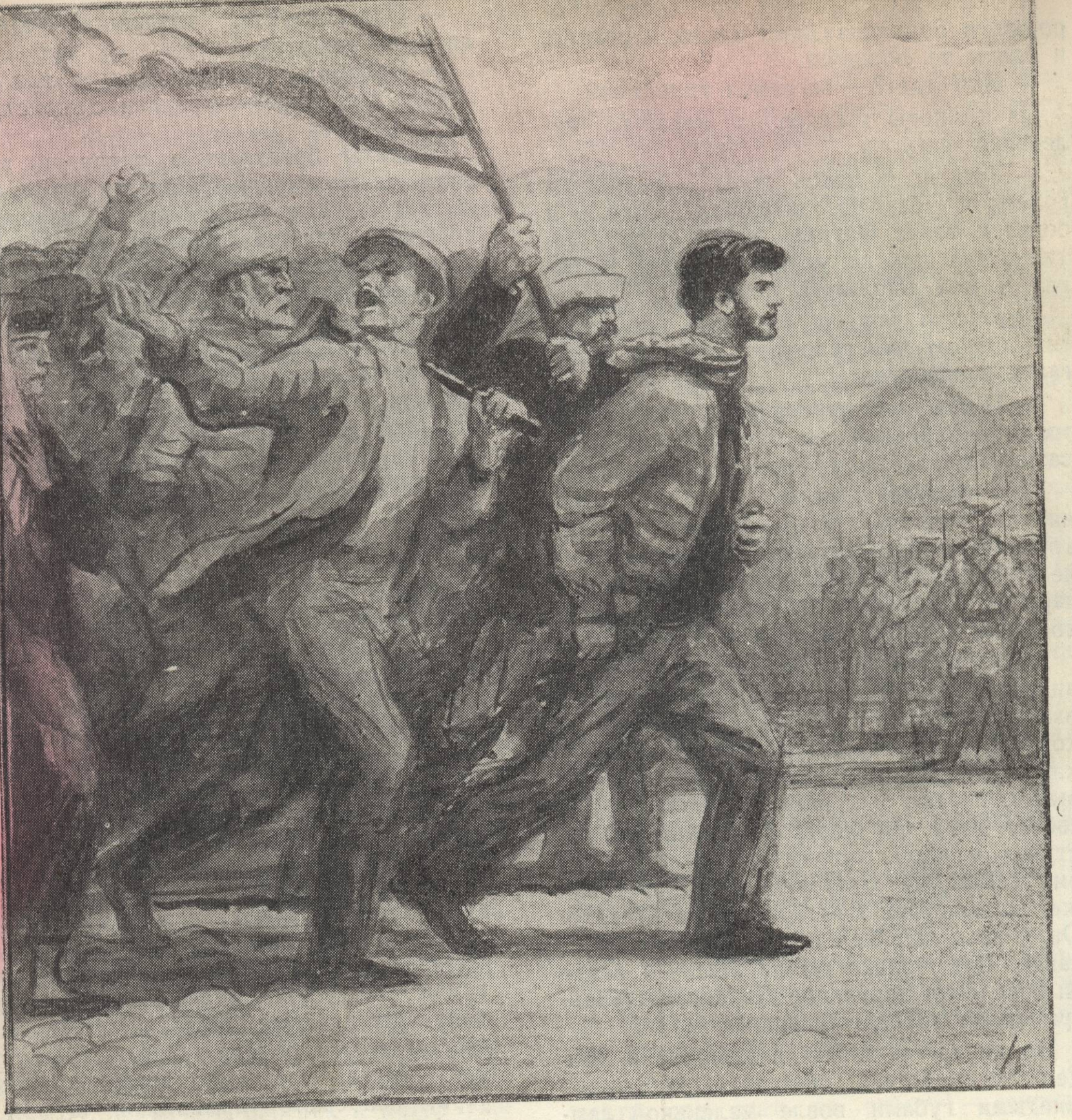
Тревожная ночь нависла над Батуми.

5. Незабываемый день

Золотое солнце выходило из-за гор, а туман заколебался и стал отступать, потому что солнце было непримиримым врагом его, и рядом с ним не было туману места. Наступило весеннее южное утро, напоенное ароматами, шумом и красками.

Но какое дело несчастным, оклеветанным людям до запаха магнолий, до цветущего миндаля и до ласкового плеска морских волн!..

Даже маленький Гиго, который раньше, казалось, жил одной жизнью со своими лесами и горами, теперь не обращал никакого внимания на красоту природы. Он шел серьезно, как взрослый, и вместе с ним шло много таких же мальчиков, мучившихся, так же как и он, в жестяных и распилочных цехах завода. Казалось, запах керосина и нефти навеки убил для них те чудные ароматы, которые так щедро разливала вокруг южная весна.

Демонстрация шла нерушимой стеной.

Рядом с ними шли старые рабочие, шли и тетя Гаяне, и Нато, и еще женщины. Их ряды с каждой минутой росли. Вот присоединились заводы Манташева, Сидеридиса, портовые рабочие.

Вдруг подбежал какой-то старик, худой, в черном разорванном башлыке.

— Куда они идут, куда они идут? — взволнованно спрашивал он.

Гиго догадался по произношению, что это абхазец. Над абхазцами почему-то постоянно издевались. Но Гиго слышал, как рассказывали, что Сосо всегда приветлив и внимателен ко всем. Сосо говорил, что хозяевам наруку, если рабочие ссорятся между собой, что все рабочие — и абхазцы, и русские, и армяне — братья и все одинаково страдают. Поэтому Гиго особенно приветливо ответил старику, и в словах его сейчас чувствовалась серьезность взрослого и уважение к тому, о чем он говорил.

— Мы идем в тюрьму, дедушка. Если у тебя есть сыновья и если они где-нибудь работают, — иди тоже с нами. Мы будем освобождать арестованных рабо-

чих. Они хлопотали за нас, и их арестовали.

И Гиго потеснился, чтобы дать место старику.

— Кто научил тебя, мальчик, так говорить? — спросил старик. — Пусть он будет счастлив всю жизнь.

Гиго приподнялся на цыпочки и указал дедушке на смуглого юношу в рабочем пиджаке и зеленой блузе.

— Видишь, дедушка! — восхищенно воскликнул он. — Это наш Учитель.

— Мои старые глаза плохо видят, — заволновался старик, — но я его узнаю. Я знаю, где я его видел. Я иду с вами. Мой старший сын погиб на заводе, младший — где-то в солдатах, и разве я сам не бедный, презираемый всеми махаджири?..

Никогда в Батуми не видали такой массы народу. Несколько тысяч людей шло могучими рядами. Сурово и грозно звучала их старая народная песня. А навстречу этой песне зазвучали голоса из пересыльных казарм.

Загудела казарма, зашевелилась... Гиго схватил стоявшего рядом с ним мальчика Манука за руку:

— Посмотри: они сейчас выломают ворота, они видят, они слышат нас.

— Смотри: войско,— прошептал Манук.

— Антадзе, капитан Антадзе! — пронеслось по рядам.

Но демонстрация шла нерушимой стеной.

— Пли! — послышался вдруг резкий голос капитана Антадзе.

Солдаты выстрелили в воздух. Послышались еще выстрелы — несколько рабочих упало.

Потом все запрыгало в глазах у Гиго. Он видел, как Антадзе с остервенелым лицом стреляет прямо в толпу. Солдаты бьют прикладами безоружных демонстрантов. Площадь пустеет, но Сосо в самой гуще толпы. Гиго видит: Дариспан бросает камнями прямо в городового, и вдруг Дариспан покачнулся. На лице его кровь, а рука Антадзе направлена на него. Дариспан падает, он падает и кричит:

— Братья! Продолжайте наше дело!

Забыв все, Гиго бросается на Антадзе, но чьи-то крепкие руки хватают его, прижимают к белой каменной стене, и сильные удары сыплются на него. Он поднимает голову — она вся в крови, из носу и из разорванной губы течет кровь. Гиго видит перед собой веснушчатое лицо и рыжий чуб.

— Собаки! Собаки! — кричит Гиго, но все перед ним уже как в тумане. Вдруг он видит неподалеку от себя Сосо. Сосо ведет раненого. Вера Ломджария вцепилась в околоточного, рвет на нем погоны и кричит и плачет, как безумная.

— Не я убивал, не я убивал, — испуганно говорит тот, — это Антадзе.

Площадь пустеет. Только слышны стоны и крики «Спасите!»

Нато, Деспине, Вера подбирают раненых. Несут их. Гиго лежит под стеной, они его не замечают. Ему хочется крикнуть, но нет сил. Может быть, он умирает? Ему больно повернуться и кажется, что не осталось живого места на теле.

Вдруг черные концы башлыка опускаются на его лицо. Гиго не в силах даже поднять глаз. Чьи-то морщинистые коричневые руки осторожно берут его, старик бормочет что-то, но Гиго ничего уже не слышит.

6. Дэда

Не пели похоронных песен, не голосили плакальщицы, молча, сурово шли ряды рабочих за гробами товарищей, и цокание подков было единственным траурным маршем: это ехали казаки, тесным кольцом окружившие процессию.

Гаяне не плакала. Несли ее Дариспана, ее первенца, ее любимого сына. Ветер растрепал кудри на ее красивом, еще молодом, но теперь таком бледном лице. И Миха где-то в тюрьме.

Но здесь она плакать не будет: это могут увидеть жандармы, которые убили ее дорогого сына. Может быть, потом, дома, она выплачется, но сейчас она должна идти гордо, высоко подняв голову, потому что сын ее отдал жизнь за великое дело.

Весь рабочий Батуми провожал убитых товарищей. Насыпали высокую братскую могилу.

Гаяне сидела под чинарой. Голова ее раскачивалась, как маятник, и глаза, как у безумной, смотрели и, казалось, ничего не видели. Дариспана нет. Миха нет. Гиго нет. Где маленький Гиго? Не нашли его ни среди убитых, ни среди раненых.

Қ ней подошли Нато и какой-то чужой паренек.

— Хочешь, дэда, мы тебе прочтем листовку? Видишь, сколько их здесь роздали? — ласково спросил парнишка.

Гаяне молча кивнула головой: сил не было ответить, а от слова «дэда» еще сильнее сжалось ее сердце.

Нато начала читать:

«Хвала вам, убитые за правду, хвала грудям матерей, вскормившим вас, хвала вам, украсившим себя терновыми венками и умирая шептавшим нам о борьбе дрожавшими, побледневшими устами. Хвала вашим теням, беспрепятственно кружащимся над нами и шепчущим нам в ухо: «Отомстите кровью...»

— Хвала матерям... — прошептали губы Гаяне, и частые слезы полились из глаз по лицу, которое, казалось, застыло, окаменело.

Гаяне смахнула слезы и встала.

— Сын мой, дочка моя, — сказала она, обняв парня и девушку, — мы отомстим за них.

— Да, дэда,— сказали парень и девушка, и эти слова звучали как клятва.

7. Дома

Гиго долго пролежал без памяти в избенке старика. Старик ухаживал за ним, как за родным сыном, поил какими-то травами, и Гиго понемногу начал выздоравливать.

Он все время беспокоился о том, что происходит дома, не в деревне, а на Чаоби.

— А что на заводе, работают? — спрашивал он старика, когда тот возвращался домой.

— Где там!.. Стоит «Бнито», вот читай, — он вынул из-за пазухи кусок бумаги, и Гиго прочитал: «Пока жив хотя бы один из бастующих рабочих Ротшильда, заводу начать работу не удастся».

— Это он писал, Сосо! — радостно закричал Гиго.— Дедушка, я не хочу больше лежать, я уже здоров, я хочу к Сосо.

Но встать не хватало сил.

Однажды старик принес еще одну новость. В порту говорили, что около пятисот арестованных высылают в их родные села.

— И что им там делать? — бормотал старик. — С голоду умирать, что ли? Они ученые теперь, на помещика работать не будут.

— А завод стоит?

— Стоит, шени чериме[1], стоит, — хитро усмехнулся дедушка. — Пусть попробуют без нас обойтись.

И еще раз рассказал старик, что Сосо собрал портовых рабочих и разговаривал с ними.

Гиго больше не мог выдержать:

— Пойдем, дедушка, пойдем на Чаоби.

И они пошли.

Гаяне давно уже в своих мыслях похоронила Гиго. Қаково же было ее удивление, когда он живой предстал перед ней! Но он так вырос, вытянулся, и лицо у него стало, как у взрослого.

У Гаяне сидел дядя Герасим. В доме было чисто, прибрано, но как-то холодно и пусто.

— Қак вырос! — сказала Гаяне.— Садись, мальчик, может, съешь что-нибудь? Садитесь, прошу вас, — обратилась она к старику и поставила на стол мчади и сыр.

— Тетя Гаяне, — несмело спросил Гиго, — а Учителя вы видите?

— Учителя? — грустно сказала Гаяне. — Нашего Сосо? Его вчера забрали.

Но Герасим добавил голосом, полным бодрости и решимости:

— Не тревожься: он нас многому научил. И не такой он человек, чтобы долго в тюрьме сидеть. А мы с тобой, Гиго, поедем домой, в село, и повезем крестьянам подарки, которые передал для них Сосо. Қаждый, кого теперь высылают, везет с собой такой подарок,— и он вынул из сапога пачку листовок. — А завод все-таки будет стоять, пока они не согласятся на наши условия. Борьба не кончилась, она только начинается.

И Гиго очутился в родных лесах, в родных горах. Но он был уже не тот маленький мальчик, который играл в абреков.

Он привез подарки от Сосо и на резвом коне, которого дал ему дядя Герасим, развозил эти подарки по селам.

Стояло жаркое лето, мать работала в имении князя, куда отдали на работу маленькую Нато. Она, кажется, служила там судомойкой. Ей некогда было уже

[1] Ласковое обращение, дословно: твоя болезнь на меня.

Он привез подарки от Сосо и на резвом коне развозил эти подарки по селам.

слушать сказки, а Гиго так хотелось рассказать ей не сказку, а правду — все то, что он пережил за этот год, рассказать про другую, храбрую Нато, которая сидит теперь в тюрьме, рассказать про Сосо.

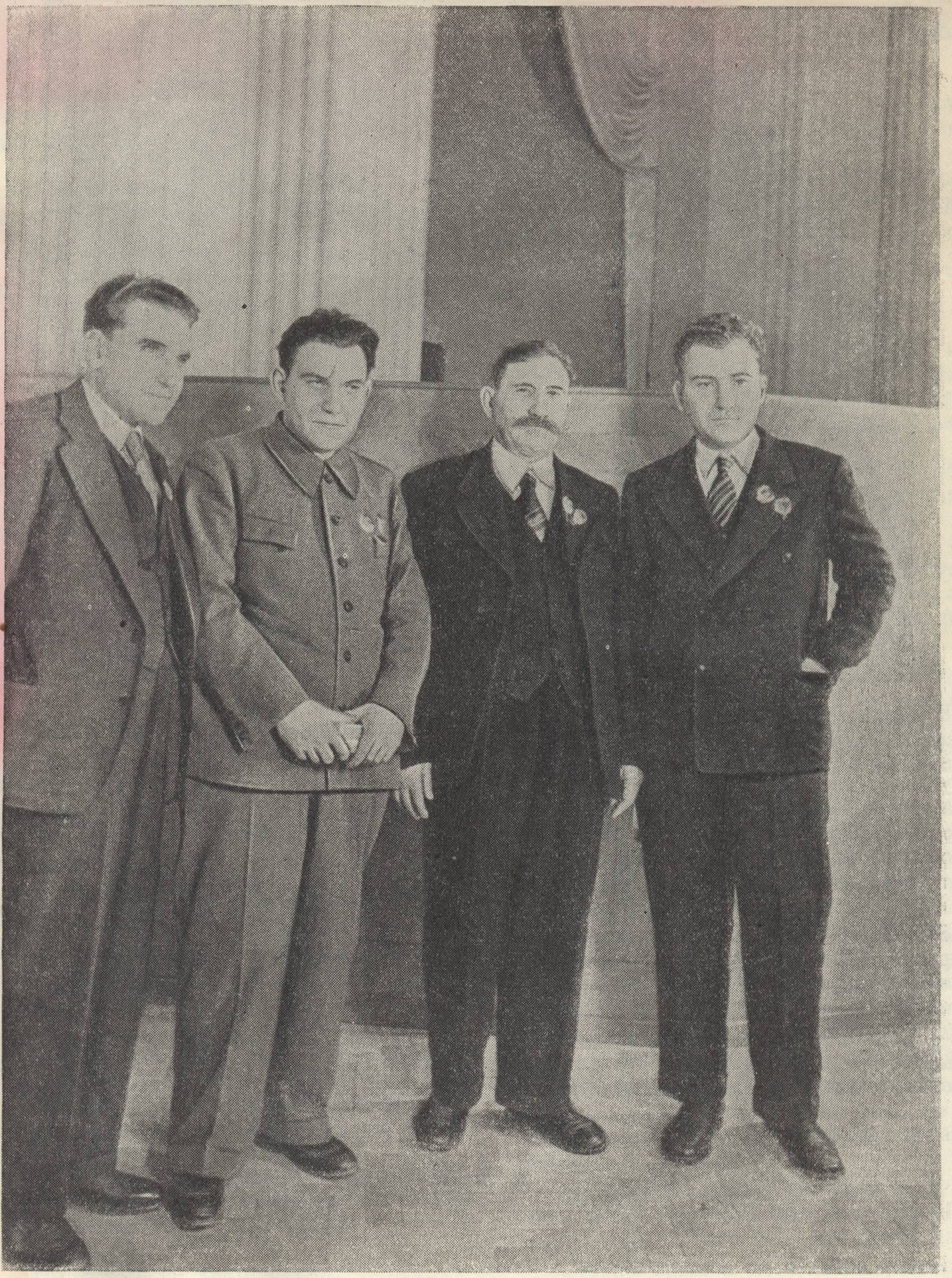
Зашел он однажды вечером к дяде Герасиму. Дядя Герасим, веселый, напевая, чинил небольшой кожаный хурджин.

— Слышал генацвалэ?— спросил он.— Мы победили. Приехали звать нас. Завод стоит до сих пор. Они согласны на наши условия. Мы и впредь будем так побеждать. Не напрасно учил нас Сосо. Что ж поедем, Гиго?

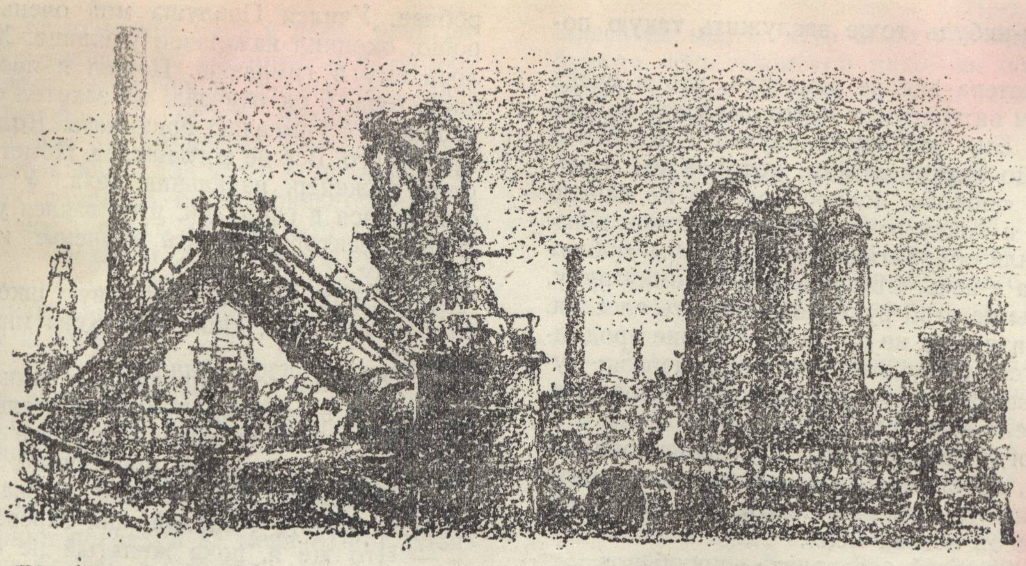
Перед глазами Гиго промелькнули цветистый Батуми, порт, завод. Конечно, он поедет. И не только для того, чтобы работать на заводе Ротшильда: он будет работать и для того великого дела, за которое борется Сосо.

Он знал, что впереди еще много горячей борьбы, но скоро, скоро взойдет солнце.

★ ★ ★

Семья доменщиков Коробовых: Иван Григорьевич (третий слева) и его сыновья: Павел, Николай и Илья.

РАССКАЗ ДОМЕНЩИКА

И. Г. Коробов

С пятнадцати лет на заводе

Если вы никогда не видали доменной печи, то вам и представить себе трудно, что это за махина. Высотой она с пятиэтажный дом. Вагонами ест руду, кокс, а через лётку рекой выливается расплавленный чугун.

На домне, как на войне. Опасности подстерегают на каждом шагу. Расплавленный чугун шутить не любит. Здесь и дисциплина и сноровка должны быть военными. Людям боязливым у домны делать нечего.

Я на печах с пятнадцати лет работаю. Пятнадцатилетним мальчиком привез меня отец из деревни в Донбасс и определил на завод.

Сначала я работал дробильщиком, разбивал молотком большие куски камня и руды. За двенадцать часов работы получал сорок копеек в день. И хотя работа была тяжелая, на заводе мне нравилось. Стал я интересоваться, что кругом делается. На обед нам полагалось два часа. Я поем, а потом не сплю, как другие, а иду к дяде, который на формовке работал, ему помогаю или осматриваю доменную печь. Всю ее излазил.

Пришел как-то в весовую будку. Там никого не было. Смотрю: к электрической лампочке тянутся тоненькие проволочки. Это был оголенный провод, о чем я, конечно, не имел никакого понятия. Мне подумалось: «Вот хороши были бы для балалайки струны». Взялся я за эти проволочки — и вдруг будто меня кто ударил. Посмотрел кругом — никого. Берусь опять. Только цапнул — опять как ударит. Я даже под стол заглянул: нет ли там кого. В это время входит весовщик. Я ему говорю:

— Дяденька, тут у вас струны хорошие висят, я хочу пощупать, а меня кто-то бьет.

Он как расхохочется:

— Это электрические провода, по ним электричество идет.

Скоро я узнал весь завод, лазал во все туннели, на все вышки. Мне нравилось смотреть, как разливали из бессемера сталь, как прокатывали рельсы. Огня я не боялся: думал, раз другие в огне работают, чего мне бояться. Было очень интересно глядеть, как жмут раскаленный кусок металла и вытягивают его в длинные полосы. Я гордился, что понимаю, откуда берутся рельсы.

С интересом слушал я рассказы старых рабочих о доменных печах, о разных случаях. «Лихой доменщик», «отчаянный доменщик» — эти слова были для нас лучшей похвалой человеку. Я мечтал

когда-нибудь тоже заслужить такую похвалу.

Мастера вскоре заметили, что я очень делом интересуюсь и что смелость во мне есть. Был раз такой случай. Железное кольцо внутри домны, которое мы называем «юбкой», покоробилось и не давало руде и коксу равномерно ссыпаться вниз. Решили обрубить заклепки, чтобы «юбка» упала в печь. Стали сыпать в домну руду, чтобы на этой руде могли стоять слесаря. А внизу кокс не потушен, горение продолжается. Потушить доменную нельзя: чугун застынет, получится, как мы говорим, «козел» — и печь пропадет.

Когда насыпали много руды на горящий кокс, опустили в печь лестницу, но никто не захотел первым лезть. Тогда мастер Чибисов позвал меня.

— Полезай,— говорит,— коробёнок.

Меня тогда все «коробёнком» звали.

Посмотрел я в доменную, стало мне интересно, никогда я там не бывал. Да и храбрость свою показать хотелось. Обвязал вокруг пояса веревку и полез. Потоптался там по руде. Видят слесаря, что нестрашно, и за мной полезли.

А другой раз такой случай был. Расплавленный чугун разъел бок печи и вылился наружу. «Ушел», как мы говорим. Ковш наполнился до краев, а чугун все льет, залил рельсы, остановилось движение. Увезти ковш по рельсам нельзя, притащили в цех подъемный кран, поставили его над ковшом, а в ковше расплавленный чугун. Положили на ковш доски, на эти доски нужно было стать и зацепить ковш стальными канатами. Никто не решается: боятся над чугуном орудовать. Опять за мной послали. Начальник цеха спрашивает меня:

— Можешь сделать?

Я ответил:

— Могу.

Полез и зацепил канаты за кольца ковша.

В скором времени стал я горновым, внимательно перенимал от старых рабочих доменную премудрость. Тогда нас в школах и техникумах не учили. В 1913 году я стал мастером. Это был первый случай в Макеевке, когда русский доменщик стал мастером. До этого времени мастерами у нас были только французы или немцы.

В том же году мой старший сын Павел поступил в первый класс макеевской гимназии. Об этом стоит рассказать подробнее. Учился Павлуша мой очень хорошо, окончил начальное училище. Хотелось ему в гимназию. Пошел я просить директора, а он отказал: не захотел сына рабочего в гимназию принимать. Долго я просил его. Все не соглашался. Помог мне один инженер, начальник цеха. У него сын учился в гимназии, и он взялся упросить директора принять в ученье моего Павлушу.

Через год окончил начальную школу и второй мой сын, Николай. Жена мне говорит:

— Николай тоже просится в гимназию.

Хоть и зарабатывал я сравнительно с другими рабочими хорошо, все же учить двух детей сразу было мне трудно.

— Подождет год, мал еще, — сказал я.

Услыхал это Николай, как заревет:

— Что же я, пока женатый не стану, все буду учиться в начальной школе.

Эти его слова у нас в семье до сих пор помнят.

Уговорила меня жена, Ольга Митрофановна: отдал я и второго сына в гимназию, упросил, приняли его.

Недолго проучились сыновья. Война, а потом революция прервали их учебу. В 1918 году Павел ушел с красными: он был у нас в Макеевке одним из организаторов комсомола. Мы с Николаем по деревням ездили, за хлеб работали: голодное было время. Завод не работал, домны потухли.

Испытание

Доменную печь мы задули в седьмую годовщину Октябрьской революции, 7 ноября 1924 года. Для меня, как и для всех макеевских доменщиков, это была большая радость. За годы разрухи соскучились мы по настоящей работе.

Но лично для меня эта радость была связана с одной неприятностью.

Главным инженером был у нас тогда Бардин. С ним на завод пришло много новых инженеров и мастеров, все ученики знаменитого доменщика Курако, как мы их называли, — «куракинцы».

Вызвал меня Бардин и говорит:

— Вы не обижайтесь, Иван Григорьевич; я знаю, что вы дело понимаете, но я вызвал из Енакиева других мастеров, а вы пока по двору распоряжаться будете.

Обиделся я, но ничего не поделаешь. Проходит две недели. У нас на заводе действовал газомотор, который питался

газом от доменной печи и давал электрическую энергию во все цехи. А на доменной печи часто горели фурмы. Это такие приспособления, через которые идет дутье. Как сгорит фурма, надо ее менять и останавливать для этого доменную печь. А как доменная останавливается, так и весь завод стоит, потому что газомотор остается без газа. А каждую фурму меняли подолгу: по получаса, иногда по часу.

Однажды идет по цеху Бардин, я подхожу к нему:

— Иван Павлович, когда я опять на печах буду работать?

— Обождите, Иван Григорьевич, вот наладим дело...

— Да я лучше всех, Иван Павлович, налажу.

Бардин поглядел на меня из-под своих густых бровей и говорит:

— А сумел бы ты сменить фурму, не останавливая доменную печь?

То, что он предложил, было совершенно невозможным делом. Не останавливать доменную печь — это значит дуть в нее. И вот представляете, в печь поступает дутье, а в это время мы должны открыть одно отверстие, из которого будет вылетать пламя и огненная пыль, и сменить в этом отверстии приспособление.

А Бардин продолжает:

— Каждая остановка печи нам в пятьдесят тысяч рублей обходится. Если сумеете сменить без остановки, хорошая премия вашей бригаде будет.

А мне в таком деле премия уже мало интересна. У меня самолюбие мастера разыгралось, захотелось свое искусство показать, сделать то, чего другой не может.

И, еще не обдумав, я смаху отвечаю:

— Сделаю, Иван Павлович.

Он посмотрел и распорядился поставить меня старшим мастером в ночную смену.

Пошел я к печам, долго-долго стоял и ходил вокруг, как будто в первый раз доменную видел. Потом пошел к нашим самым лучшим макеевским доменщикам, с которыми двадцать лет вместе работали.

Все вместе обдумали, все заранее подготовили, каждую затычку осмотрели и решили взяться.

Когда сгорела фурма, я снизил давление дутья, перевел печь на самый тишайший ход, на одну минуту дал полную остановку, и сразу же у нас новая фурма оказалась на месте. Это было сделано так быстро, что газомотор даже не остановился. Тотчас же дали дутье, и опять побежал по трубам газ.

Америка в Макеевке

Поработали мы несколько лет на старой печи. А потом однажды встречает меня инженер Луговцев, который вместо Бардина у нас работал, и говорит так радостно:

— Знаешь, Иван Григорьевич, где будет Америка? Здесь у нас, в Макеевке. Будем строить самую большую печь в Союзе. Скоро не мы будем ездить в Америку, а американцы — к нам. Наша печь будет больше американской.

Тут же в цехе, в конторке, расположилось проектное бюро. Все создавали мы сами, не по американским чертежам, а заново. Здесь в конторке обсуждали мы, как делать самую малейшую деталь. Часто инженеры советовались со мной, старым доменщиком. Я-то давно думал о том, как получше строить доменную печь. Всегда при всех ремонтах залезал внутрь печи и изучал там прогоревшую кладку. Доменщик, как следопыт, многое может понять по следам огня, оставшимся на кирпиче. Я и раньше кое-что изобретал по доменному делу, а теперь мысль заработала еще ходче. И я с гордостью могу сказать, что первая механизированная печь, построенная в Советском Союзе, — в какой-то маленькой доле печь коробовская.

В той же конторке, где велось проектирование, работал мой третий сын, Илья.

Он был у меня самый бедовый. С ним, пока он не окончил школу, беспокойства было больше чем с другими сыновьями. Он рос отчаянным парнем. Два раза ему в драках пробивали голову. До сих пор на голове у него два широких шрама. Он окончил семилетку, учился в ФЗУ, потом в цехе работал два года, затем поступил в институт, туда же, где учились раньше Павел и Николай. Они к тому времени уже стали инженерами.

Металлургию все они проходили у академика Павлова. Илья и там постоянно спорил, всегда Павлову на лекциях вопросы задавал.

Павлову он понравился. Когда Илья окончил институт, Павлов спрашивал:

— Нет ли еще Коробова? Неужели это у меня последний Коробов?

В институт Илья уехал в 1927 году, как раз когда мы закончили проектировать новую печь. А из Москвы приехал Павел. Он только что стал инженером. Поработал год в Макеевке, а потом перешел в Енакиево сменным инженером доменного цеха.

С новой печью нам сначала пришлось принять много горя. Ведь никто еще в СССР на такой большой печи не работал. Мы ошибались в шихтовке, воздуху давали меньше, чем печь просила, постоянно ломались у нас механизмы. Особенно мучили нас скипы. Скипом называется вагон, который поднимается по наклонному помосту на вершину печи и там опрокидывается, ссыпая в печь руду, кокс. Чуть не каждый день сходили скипы с рельсов. Я ночи не спал, думал, почему это так получается. Потом несколько дней просидел под рельсами, глядел, как ходят скипы, и понял: тормоза слишком слабые, при опрокидывании они не удерживают вагон. Сначала мне не поверили, тормоза у нас были такие же, как и в Америке. Потом проверили, оказалось, что я прав.

„Доктор доменных печей"

В 1932 году к нам на завод приезжал товарищ Серго Орджоникидзе. Долго мы с ним говорили, я ему завод показывал, на непорядки жаловался. Много он нам помог. После его приезда все на заводе переменилось: и паровозы мощные нам дали, в которых нуждались, и железнодорожные пути перешили, новые цеха отстроили.

Товарищ Орджоникидзе спросил, не мой ли это сын Павел на Енакиевском заводе работает. Я сказал, что мой.

— Смотрите, обгонит он вас, — сказал шутливо товарищ Серго.

Я сказал, что, если нам предоставят все, что требуется, никто нас не побьет.

— И Кузнецкий завод побьете? — спрашивал Серго.

— Побьем, товарищ Орджоникидзе, — говорил я.

— Ну, хорошо, через год приеду, погляжу.

Свое слово мы сдержали: обогнали Кузнецкий завод. Правда, енакиевцев мы к тому времени еще не побили. У них так выросла выплавка, что мы прямо диву давались. Это было тем более удивительно, что работали они на старых, немеханизированных печах. Мне было немного завидно, но и приятно, потому что начальником доменного цеха на Енакиевском заводе был мой Павел.

Товарищ Орджоникидзе приехал к нам второй раз в 1933 году. Сначала заехал в Енакиево, а потом к нам. Он меня узнал, подошел, пожал руку и сказал:

— Вы в прошлом году старше выглядели, а сейчас помолодели.

А я ответил:

— Жизнь получшела, и я помолодел. Еще лучше жизнь будет — еще помолодею.

Вскоре сына моего Павла перевели из Енакиева в Днепропетровск. Многие профессора и даже академики советовали Днепропетровский завод закрыть, как совершенно устаревший, который всегда будет работать плохо. А Серго послал туда моего Павла, и Павел показал там класс работы, на практике разбил все доводы профессоров, положил на обе лопатки академиков и вывел завод чуть ли не на первое место в Советском Союзе.

И меня, старика, часто посылали на помощь другим заводам. Кто-то назвал меня в шутку «доктором доменных печей».

Первый выезд у меня был на завод имени Ворошилова. Позвонил директор и сказал, что, по распоряжению товарища Серго, я должен выехать в Алчевск, чтобы помочь там «вылечить» доменную печь. В Алчевске я застал целый консилиум ученых-доменщиков во главе с моим старым знакомым инженером Луговцевым.

Он обрадовался мне и сказал:

— Пойдемте, Иван Григорьевич, посмотрим доменную печь, дело исключительно сложное. Мы сидим около нее целую неделю и не можем разобраться.

Я посмотрел. Печь механизированная, американского типа, такой же величины, как и наша макеевская. Долго я лазил по всем закоулкам. Будто бы все в порядке. Что за чорт! Решил полезть в самое пекло, в аппарат «Гризли», это там, где кокс сортируется. Полез туда в яму, сразу стал как трубочист черный, смотрю: решотка, на которой кокс просеивается, слишком наклонно стоит и куски кокса ссыпаются прямо в бункер. «Вот оно в чем дело, — решил я. — Вот почему печь болеет». И пошел в гостиницу мыться. Навстречу Луговцев:

Иван Григорьевич Коробов (второй слева) с товарищами по работе.

Фото М. Альперт

— Ну, как Иван Григорьевич, что-нибудь нашел?

— Нашел.

— Что?

— Собирай, Максим Власович, свою комиссию, я сначала вас послушаю, а потом сам скажу.

После обеда собралась комиссия. Стали все высказывать свои мнения. Один говорит, что внутри печи образовался холодный столб и нужно его разогреть. Другой говорит, что все дело в химическом составе шлаков. Потом выступает третий, четвертый. Дошла очередь и до меня. Я говорю:

— Завтра же эта печь у меня даст не 150 тонн, а 500 или 600.

— Как так, почему?

— Там всего-навсего аппарат «Гризли» надо немного подправить.

Со мной не соглашаются. Что же, пусть не соглашаются. А назавтра взялись за «Гризли», дали правильный наклон решотке, и на следующий же день печь выдала 530 тонн.

В Москву

В декабре 1934 года ко мне на квартиру позвонил заместитель директора и сказал, чтобы я сейчас же собирался ехать в Москву. Туда едет от завода целая делегация.

Дочь моя Клава жила в Москве. И я прямо с вокзала поехал к ней. Постучался и услышал, как она сказала за дверью:

— Это папа.

Она знает мой стук. У нее уже сидели Павел, который приехал из Днепропетровска, и Николай.

Пришли мы в наркомат, и там нам сказали, чтобы все собрались вечером в половине шестого. Говорили, что поедем в Кремль. Настроение у всех было приподнятое. Чувствовали, что нам, съехавшимся в Москву со всех металлургических заводов, предстоит в этот вечер что-то особенное.

«Неужели там будет Сталин?»— думал я. Мне как-то не верилось, что я увижу Сталина.

К половине шестого пришли в наркомат. Там, на площади, стояло много машин.

Они были приготовлены для нас. Разместились по машинам и поехали в Кремль. Через Спасские ворота проехали к зданию Совнаркома. Там я никогда не бывал. Подымаюсь по лестнице и все кругом разглядываю, все хочется заметить: и светящиеся часы, и лепку на стенах, и двери вдоль коридора, на которых висят таблички с фамилиями членов правительства.

Зашли в зал заседаний Совнаркома. Расселись, ждем. Между собой переговариваемся. Вдруг все стихло. Я обернулся и увидел, что дверь открылась и в зал вошел товарищ Сталин. За ним показались товарищи Молотов и Орджоникидзе. Они шли вдоль столов, а мы все стояли и хлопали, хлопали, выражая этим свои чувства, свое счастье, свой восторг.

Товарищ Сталин улыбнулся и поднял руку, чтобы мы перестали аплодировать. Но мы не переставали и стали хлопать еще сильнее. Наконец, в зале стало тихо. Товарищ Серго сел на председательское место и начал было открывать собрание, а потом прервал сам себя на полуслове:

— Что же я сел на чужое место. Здесь председатель Совнаркома...

И уступает место товарищу Молотову. А товарищ Молотов отвечает:

— Твои металлурги — тебе и председателем быть.

— Они такие же твои, как и мои.

Все-таки председателем сел товарищ Молотов. Никакой речи он не говорил, а сразу спросил:

— Кто, товарищи, хочет взять слово?

Все молчат. Он еще раз спросил. Тогда поднялся наш главный инженер Бардин. Он сначала смотрел вниз, смущался, но говорил прямо и откровенно. Он сказал, что долгое время не верил в большевистские планы. Ему казалось, что большевики не создадут могучей промышленности. А теперь у него сомнений нет. Он, старый беспартийный инженер, должен сказать, что большевики поступали правильно, поступали революционно от начала до конца. И, подняв голову, обращаясь к товарищу Сталину, Бардин сказал, что Сталин и партия совершили революцию и в его душе, в душе старого беспартийного специалиста.

Закончив, Бардин сел.

Товарищ Молотов опять спросил, кто хочет говорить. И опять все молчат. Тогда поднялся товарищ Сталин:

— Придется, видно, мне сказать.

Он начал с ответа на слова Бардина. Он сказал, что все победы Советской страны нельзя приписать лишь партии, что наши успехи завоеваны также усилиями таких честных беспартийных тружеников, как Бардин и другие. Говорил он спокойно, негромко, с ласковой улыбкой, с шутками. Он говорил, что когда начали строить новые заводы, то задумались: что делать раньше, людей ли посылать заграницу, чтобы они там учились, или покупать заграницей оборудование, ставить на новые заводы и учиться — пусть с ошибками, с поломками, с авариями. Решили скорее строить, не бояться. Так сделали и не ошиблись. Вышло хорошо.

Я слушал Сталина и вспоминал, как мы мучились в Макеевке и как легко стало работать потом, и от всей души соглашался с каждым словом товарища Сталина.

Затем он говорил о молодых кадрах, о том, что мы должны воспитывать людей так, как садовник растит свой любимый сад.

Одет он был очень просто: в тужурку из серого коверкота, в такие же брюки.

В черных волосах была заметна небольшая проседь.

После его речи наше собрание стало совсем другим. В президиум посыпались записки, каждый просил слово, всем захотелось выступить.

Сталин внимательно слушал всех, кто говорил. Он часто поднимался с места и медленно прохаживался, покуривая трубку.

Наше собрание закончилось поздно ночью. Когда народ поднялся и стал выходить, меня подозвал Серго, взял под руку и подвел к товарищу Сталину:

— Вот, товарищ Сталин, это товарищ Коробов, металлург-доменщик. Он работает в Макеевке с основания завода. У него три сына — металлурги. Старший в Днепропетровске начальником доменного цеха и еще два доменщика.

Товарищ Сталин пожал мне руку—рука у него сильная, крепкая — и сказал:

— Молодец, товарищ Коробов, что таких сыновей воспитал.

А я отвечаю:

— Молодец-то, молодец, да если бы не было советской власти, не было бы из меня молодца.

Потом товарищ Серго подозвал Павла и тоже представил его товарищу Сталину:

Самый молодой представитель семьи Коробовых Лева на руках у деда.

— Это сын Коробова, которого мы недавно решением ЦК в члены партии приняли.

Сталин пожал руку Павлу и сказал:

— Раз заслужил, то и приняли.

Сталинский тост

В 1937 году мне посчастливилось второй раз встретиться и разговаривать с товарищем Сталиным. В Москве собралось Всесоюзное совещание металлургов, его проводил наш новый нарком Лазарь Моисеевич Каганович.

Я смотрел на него и удивлялся: какой он всегда свежий, живой, энергичный. Мне говорили, что Лазарь Моисеевич ежедневно работает до четырех часов утра, а никакой усталости в нем не видно. Когда он со мной поздоровался и заговорил, я ему это высказал. А он ответил:

— А я на вас, товарищ Коробов, не нарадуюсь: сколько уже вам лет, сколько сынов, а сам какой молодец.

В другой раз подошел ко мне и, смеясь, говорит:

— Дайте усы ваши посмотреть, вы не красите усы?

— Не крашу.

— Честное слово, не красите?

— Честное слово.

— И волос не красите?

— Нет.

— Как вы свою молодость так долго сохранили?

— Работаю со вкусом, а не из-под палки, вот и весь секрет.

Эти слова Лазарю Моисеевичу понравились.

Закрывая совещание, товарищ Каганович сказал, чтобы все мы в шесть часов вечера собрались в наркомате. Люди стали вставать с мест, а он поднял руку и крикнул:

— Кто не придет, тот очень пожалеет.

Я пришел в наркомат вовремя, а Николай опоздал. В Москве в тот вечер стоял такой туман, какого я никогда в жизни не видел. Трамваи не ходили, легковые машины еле двигались. В таком тумане Николай добирался пешком в наркомат из Бауманского района.

Металлурги ушли из наркомата в Кремль, а у меня был пропуск на Николая, и я остался его ожидать. Наконец, он явился, и мы, едва различая в тумане дорогу, тоже направились в Кремль.

Нас привели в здание Грановитой палаты. Когда мы вошли в огромный, ярко освещенный зал, где уже давно сидели металлурги, я сразу увидел Сталина. Он сидел за столом, который стоял немножко повыше других столов, рядом с ним сидел Стаханов, наш донецкий шахтер, здесь же сидели Лазарь Моисеевич Каганович, Калинин, Ворошилов и другие руководители партии и правительства.

Для меня было оставлено место недалеко от стола, за которым сидел Сталин.

Лазарь Моисеевич несколько раз предоставлял слово товарищу Сталину. Я сильно опоздал и потому не слышал некоторые тосты Сталина. При мне он поднял тост за средних и малых командиров промышленности, за скромных работников советской индустрии. Затем он говорил о донецких шахтерах: Стаханове, Дюканове, Рябошапке, — о том, что таких людей, таких героев, миллионы среди нашего народа. Потом говорил о народе, о том, что руководители приходят и уходят, а народ

остается, народ бессмертен. Я видел, как к Сталину подошел Рябошапка, седой, шестидесятилетний шахтер, и Сталин крепко пожал ему руку.

Затем вижу: Лазарь Моисеевич делает мне знаки, чтобы я подошел к нему. Я сомневался, думал, это мне кажется. Тогда Лазарь Моисеевич прислал за мной одного товарища, который повел к столу, где сидели наши вожди.

Лазарь Моисеевич подвел меня к товарищу Сталину и сказал:

— Вот, товарищ Сталин, познакомьтесь со старым доменщиком Коробовым.

А Сталин ответил:

— Я его и так хорошо знаю. Мы уже знакомы.

Иосиф Виссарионович пожал мне руку, спросил, как мое здоровье и сколько мне лет. Я сказал, что пятьдесят шесть.

Потом товарищ Сталин спрашивает:

— А сын ваш где?

— Сейчас его позовут, — сказал Лазарь Моисеевич. — Здесь у него не один сын, а двое.

Он послал позвать Павла и Николая. Товарищ Сталин что-то шепнул Лазарю Моисеевичу, тот поднялся и крикнул:

— Тише, товарищи. Слово товарищу Сталину.

Иосиф Виссарионович налил нам по бокалу красного вина, встал и среди полной тишины сказал:

— За здоровье старых и новых бойцов доменного дела в металлургии и прежде всего за здоровье доменщика товарища Коробова. За Коробова-отца, за сына его, за всю семью доменщиков Коробовых...

Я слушал и ушам не верил, а товарищ Сталин продолжал:

— За то, чтобы семья Коробовых не отстала от новых методов работы!

Когда товарищ Сталин кончил, я словно ошалел от счастья. Мне следовало бы сказать что-нибудь в ответ, но я ничего не мог придумать и только говорю:

— Товарищ Сталин, я уже старик, но я положу все свои силы, чтобы выполнить ваши пожелания и быть впереди других металлургов.

В 1938 году меня выбрали в Макеевке депутатом Верховного Совета УССР. На предвыборных собраниях я рассказывал избирателям о себе, о том, что довелось мне увидеть и пережить за сорок лет жизни в Макеевке.

Рассказывал я и о нашей трудовой семье. Павел был в то время директором Магнитогорского завода, самого большого в стране. Правительство наградило его орденом Ленина, а народ избрал депутатом Верховного Совета СССР. Николай преподавал теорию металлургии в институте имени Сталина и в промакадемии. Наш нарком Лазарь Моисеевич взял его в то время на пост заместителя главного инженера всей металлургической промышленности.

И об Илье я рассказал подробно. Когда говорил о нем, своем младшем сыне, мне было радостно и немного обидно. Илья отбил у нас, макеевцев, первенство, забрал красное знамя, которое мы держали много лет. Он был в то время начальником доменного цеха Криворожского завода и работал лучше всех металлургов Союза.

Сказал я и о Клаве, которая училась тогда в киношколе и играла роль жены рабочего в кинокартине «Ленин в Октябре». Она говорила мне, что, играя эту роль, старалась быть похожей на свою мать, на нашу покойную Ольгу Митрофановну.

Всюду, где я ни выступал, меня просили, как можно подробнее рассказать о Сталине, всюду я видел сердечную любовь к нему, глубокую веру в него, в нашего Сталина, который сделал нас, людей труда, первыми людьми в государстве.

Со слов рассказчика записал А. Бек.

Незабываемые встречи

А. Беляков,
Герой Советского Союза

Память навсегда сохранит день нашего возвращения с острова Удд в родную Москву.

Самолет катился по знакомому полю аэродрома. Наперерез ему мчалось несколько автомобилей.

Наконец самолет остановился. Остановились и автомобили. Из передней машины показался товарищ Сталин. Его моментально окружили пионеры — дети летчиков, живущих при Щелковском аэродроме. Некоторые протягивали ему цветы.

Товарищ Сталин с улыбкой обратился к пионерам:

— Вы кому цветы приготовили? Чкалову? Так бегите и отдайте!..

Ребята сообразили и бегом пустились к самолету. Вслед за ними спокойной походкой шел товарищ Сталин вместе с Серго Орджоникидзе и Климентом Ефремовичем Ворошиловым.

Чкалов в это время стоял на крыле. Увидев Иосифа Виссарионовича, он поискал глазами стремянку, махнул рукой, сел на крыло и, соскользнув на землю, побежал навстречу.

Стараясь быть серьезным, Чкалов вытянулся и рапортовал:

— Товарищ Сталин, ваше задание выполнено!

Сталин дружески улыбнулся, широко раскинул руки, крепко обнял Чкалова и расцеловал. Потом он передал Чкалова в объятия Ворошилова, а сам шагнул к растерянному Байдукову и ко мне и поцеловал нас, как детей.

Его первые слова были:

— Не устали вы? Мы вас не будем долго мучить: вам нужен отдых. А сейчас пойдем к трибунам.

Мы были так растроганы, что почти не могли говорить.

Прошло несколько дней. Мы в Кремле рапортуем нашей великой стране об очередном достижении советской авиации, о благополучном завершении перелета по Сталинскому маршруту. И здесь я услышал слова, которые ясно указали мне, как работать дальше.

Говоря о летчиках, товарищ Сталин сказал:

— Смелость и отвага — это только одна сторона дела. Другая сторона — не менее важная — это уменье: я за таких летчиков, которые умеют сочетать смелость и отвагу с уменьем.

Я понял, что, детально изучая штур-

А. Беляков.

манское дело как одну из отраслей авиационной техники, я нахожусь на правильном пути. Я сказал себе, что впредь буду совершенствоваться в своем деле. Уменье — не менее важная сторона дела чем смелость и отвага.

★

Я никогда не забуду встречи с этим великим, простым и обаятельным человеком, когда он отдыхал на юге. Здесь не надо было говорить о делах: можно было разговаривать обо всем, что на душе.

Это было вскоре после окончания перелета по первому Сталинскому маршруту.

Товарищ Сталин пригласил нас к себе на дачу.

Помню, шли мы небольшой аллеей. У входа на дачу увидели товарища Сталина. Рядом с ним стоял товарищ Жданов. Настроение у нас было приподнятое и радостное. Мы подошли всей гурьбой и поздоровались. Поздоровались и не знаем, что делать дальше.

Товарищ Сталин, видя, что мы еще не знакомы с окрестностями, сказал нам:

— Ну, походите кругом и посмотрите, что здесь насажено.

Он повел нас по саду, показал беседку, где часто сидит по утрам. На столе лежала «Правда». Товарищ Жданов рассказывал, что, когда сюда приезжал Серго Орджоникидзе, они подолгу с товарищем Сталиным ходили по саду обнявшись и, как правило, сидели в этой беседке.

Мы обошли дачу вокруг и увидели много лимонных деревьев со спелыми плодами. Один огромный лимон привлек мое внимание. Товарищ Сталин, видя, что лимоны нас занимают, сказал:

— Если они вам нравятся, сорвите кто сколько хочет.

Желая сохранить что-либо на память об этом дне, я немедленно воспользовался разрешением, и самый большой лимон очутился в моем кармане.

Гуляя по саду, мы обратили внимание на незнакомую нам породу деревьев.

— Это эвкалипты,— сказал товарищ Сталин,— очень ценное дерево.

При этом он сорвал несколько листьев, растер пальцем на ладони и дал нам понюхать. Запах, напоминающий запах скипидара, приятно защекотал ноздри.

Товарищ Сталин объяснил, что эвкалипты отгоняют малярийных комаров и что их полезно сажать там, где хотят избавиться от малярии.

Мы заметили, что около дачи растет какая-то сосна особой породы с длинной пахучей хвоей.

— Здесь раньше рос дуб,— сказал товарищ Сталин,— но он был чем-то болен, и мы решили заменить его сосной. Агрономы и садоводы говорили, что сосна здесь расти не будет, но мы все-таки решили попробовать, и, как видите, сосна растет, и даже очень хорошо.

— Видно, товарищ Сталин,— сказал Чкалов,—всякое дело можно выполнить, если к нему руку приложить.

— Да, верно, — сказал товарищ Сталин,— только не нужно унывать при неудачах. Если не выходит, надо второй раз попытаться. Если прямо нельзя взять, надо со стороны обойти. Этому нас, большевиков, еще Ленин учил.

Незаметно, в дружеском разговоре черпал я для себя уроки большевистской мудрости.

Солнце уже село, но около дачи было еще тепло.

Товарищ Жданов оказался знатоком сельского хозяйства и метеорологии. Он объяснил нам, что внизу, у подножья холма, ночью бывает холоднее, потому что наступает инверсия. Я хорошо знал это слово. Оно означает обратный, ненормальный ход температуры, когда она с высотой не понижается, а повышается. После упоминания инверсии разговор как-то естественно перешел на авиационные темы. Товарищ Сталин хорошо знал, что на больших высотах летчики страдают от холода. Он начал сетовать на то, что занимающиеся авиацией люди мало думают об обогреве кабин и электрически обогреваемой одежде, а ведь сколько летчики терпят от холода!

Попутно товарищ Сталин укоризненно заметил, что напрасно летчики иногда рискуют и не пользуются парашютом даже в тех случаях, когда положение становится явно угрожающим.

— Вот недавно был случай, один из наших самолетов потерпел аварию в воздухе, на нем было четыре человека: трое выпрыгнули, а один остался на самолете и погиб. Когда мы вызвали тех, что благополучно спустились на парашютах, и стали расспрашивать, как это все произо-

шло, один из летчиков стал оправдываться. Выпрыгнув с парашютом, он считал себя виноватым.

— Какая у вас, летчиков, ломаная психология,— продолжал товарищ Сталин,— мы его хотели наградить за то, что он выпрыгнул с парашютом, а он стал доказывать нам, что он виноват. Жизнь одного летчика нам дороже многих машин.

Какая огромная любовь к людям, какое сердечное отношение к летчикам сквозили в этих словах, заботливых и задушевных.

Стало темнеть, товарищ Сталин пригласил нас в столовую. При этом он очень жалел, что сегодня за столом не будет хозяйки. В школах уже начались занятия, и его маленькая хозяйка—дочь Светлана — несколько дней назад уехала в Москву. С большой любовью и нежностью говорил он о своей дочери, повидимому, скучал без нее.

Во время обеда товарищ Сталин принялся нас развлекать, стал заводить патефон, сам выбирал пластинки. На многих пластинках была его собственноручная надпись «хорошо», «отлично» или еще что-нибудь.

Несколько раз товарищ Сталин ставил аробные песни.

Это народные песни Кавказа.

Я спросил:

— Что такое аробные песни?

Товарищ Сталин объяснил мне:

— Едет грузин, предположим, в город и везет что-нибудь для продажи из своего хозяйства. Сидит он на арбе и поет, что придет на ум.

Товарищ Сталин заводил много русских народных песен. Часто ставил «Стонет сизый голубочек», «Уж ты, сад, ты, мой сад». Особенно ему нравятся волжские бурлацкие песни.

Внимательно слушал товарищ Сталин пластинку «Истоптали мы зеленые тропки вдоль по бережку реки». Это протяжная волжская песня. Текст написан поэтом Колычевым.

Товарищ Сталин об этой песне сказал:

— В ней ужас и угроза.

Эти слова я понял так: ужас положения бесправных и полуголодных бурлаков и угроза отомстить притеснителям.

Быстро летели часы. Я старался запечатлеть каждый жест товарища Сталина, запомнить каждое его слово.

После обеда играли в бильярд. Играли вчетвером: товарищ Сталин и Жданов составили одну партию, а Байдуков и я— другую. Я-то игрок неважный, а Байдуков играет прилично.

У каждого своя манера играть. Товарищ Жданов играет сналета: не успеешь даже уследить — и удар уже произведен. Товарищ Сталин ударяет кием по шару с

расчетом: сперва подойдет, хорошенько прицелится и только после этого толкнет шар.

В случае неудачного удара товарищ Сталин говорил:

— Извиняюсь, виноват,— добродушно улыбался и шутил.

Наступила минута прощания.

Я подошел к товарищу Сталину и попросил его написать в мой блокнот хотя бы два слова. Но товарищ Сталин сказал, что сейчас уже поздно, все устали, а завтра он удовлетворит мою просьбу.

Мы уехали.

Я, конечно, и не думал, что товарищ Сталин запомнит свое обещание: и без моих просьб у него много дел.

Каково же было мое удивление, когда на следующий день я получил с посыльным от товарища Сталина фотографию его дочери Светланы с надписью вверху, в левом углу: «Светлана», — а внизу: «т. Белякову на память. И. Сталин».

Когда я вечером после трудового дня смотрю на этот подарок, передо мною вновь встает образ великого человека, такого обаятельного, так покоряющего своей мудрой простотой.

Каждый раз, когда на приеме в Кремле выступал товарищ Сталин, я, приходя домой, заносил в свою записную книжку его слова и свои впечатления.

Сейчас мне хочется рассказать о приеме в Кремле 20 января 1938 года по случаю закончившейся сессии Верховного Совета.

Товарищ Сталин уделяет очень много внимания Красной Армии, очень любит ее бойцов, командиров, руководителей и нашего первого маршала Советского Союза товарища Ворошилова.

Сам товарищ Сталин проделал немало походов в эпоху гражданской войны, руководя нашей Красной Армией на самых ответственных участках.

И вот на этом приеме он сказал:

— У нас в стране много героев на всех фронтах нашего строительства, но мы не должны забывать о героях гражданской войны эпохи борьбы молодой Советской республики за свое существование. Вспомним о тех, которые были первыми, о которых теперь молчат, но которые заставят о себе заговорить.

Это был его тост за героев гражданской войны.

Товарищ Сталин много занимается авиацией. С его помощью наша авиация стала самой мощной в мире.

Свое отношение к авиации товарищ Сталин выразил на том же приеме следующими словами:

— После героев гражданской войны я больше всего люблю летчиков, и советская власть делает для них все возможное, чтобы улучшить условия их работы. Авиация первая примет на себя удар в грядущей решительной схватке с капиталистическим миром.

Вы знаете, что у нас в последние годы уделяется много внимания артиллерии. Товарищ Сталин придает этому роду оружия очень большое значение. Он говорил тогда же:

— Дело не в одной авиации, она начинает сражение, наводит страх, но не может добить врага окончательно. Чем брал Наполеон в своих войнах? — Артиллерией. Немцы в войне 1870 года? — Артиллерией. Артиллерия — великое дело, уверяю вас, — говорил, улыбаясь, товарищ Сталин.

Хотелось бы отметить еще такую черту товарища Сталина: он умеет обратить внимание не только на отличившихся, на руководителей, но всегда помнит и очень любовно относится к рядовым, мало заметным работникам.

На приеме в честь героического перелета Осипенко, Гризодубовой и Расковой товарищ Сталин провозгласил такие здравицы:

— За рядовых летчиков, за простых летчиков, имена которых неизвестны, но которых очень много!

— За летчиков, которые решают судьбы войны, если она начнется!

Обычно приемы в Кремле заканчиваются концертом, особенно часто выступает ансамбль красноармейской песни и пляски под руководством профессора-орденоносца Александрова.

В красивом Георгиевском зале гремит народная музыка.

Товарищ Сталин очень любит все доподлинно народное. Многие выступления отдельных актеров и в особенности выступления ансамбля красноармейской песни и пляски происходят по программе, которую сам товарищ Сталин просматривает. Мы видим, что нравится товарищу Сталину, что вызывает у него радость, чему он улыбается, и радуемся вместе с ним.

Подарок

Повесть в стихах

А. Борисов

Рис. Ф. Полищук

Вступление

1

Это было на Волыни,
Где течет река в долине,
Где с крутыми берегами,
И широким морем хлеба,
И суровыми дубами
Разговаривает небо.
От Карпат идут туманы
На зеленые долины.
За рекою спят курганы,
Старой крепости руины.
Зашумят леса густые —
То припомнили деревья
Ураганные кочевья
Диких воинов Батыя.
Слышен ветра голос детский,
Плач ребячий в отдаленьи,
Словно входит Вишневецкий
В разоренные селенья.
Но звенит коса стальная
Средь притихшего покоса,
Словно шашка боевая
Атамана Кривоноса.
И стоят крутые горы,
Достигая небосвода,
Как величье и бессмертье
Украинского народа.
Эти ясные долины
И базальтовые горы —
Это нашей Украины
Нераздельные просторы.

2

Это было на Волыни,
И не в сказке, не в былине.
Там река бежит, струится
В берегах из глины белой,
Там прорезали границу
По ее живому телу.
И стояли две деревни,
Словно две сестры родные.
Одинаковые певни
Пели им в часы ночные.
Две деревни на Волыни,
Над рекою, на полянах,
Где хатенки в белой глине,
Как в сорочках полотняных.
Для мальчишек быстроногих
Пять минут всего дороги
Через кладку, через мостик...
Не ходили дети в гости,
Потому что шла граница
По реки живому телу.
Приуныла, помертвела
Деревушка за рекою
Под крылами злобной птицы —
Под шляхетскою рукою.
Но стояли грозно горы,
Достигая небосвода,
Как величье и бессмертье
Украинского народа.

Глава первая,

в которой рассказывается о том, как ребята были в ночном, как их часовой увидел незнакомца, что говорил ребятам гость.

1

Испугавшись страшной кручи,
Лес отпрянул от обрыва.
А в костре трещали сучья,
И картошка говорливо
Клокотала в котелке.
Над костром клубятся тучи,
Волоча седую гриву.
Оседает дым летучий
На невидимой реке.
Слышен голос комариный,
Кони сонные сопят.
Под облезлою овчиной
Дремлют трое пастушат.
Спит Ясько рыжеголовый,
На плечо к Дмитру прилег
Самый маленький, бедовый,
Ясноглазый Василек.
Так бы спать им на опушке,
Не вставая до утра...
Отчего кричит кукушка?
Ей ведь тоже спать пора!
Куковала то не птица —
У ребят обычай свой.
— Стражник! Надо притаиться,—
Извещает часовой.
Хлопцы это услыхали —
Видно, слух у них остер!
Забросали, затоптали
Догорающий костер.
Ну, скажи-ка ты на милость,
Кто бы, что бы здесь узнал:
И картошка не варилась,
И костер не полыхал.
И обратно под овчину
Лезут хлопцы с головой.
— Молодчина
Часовой!
...— Вылезайте! Это свой!
То Петрусь. А с ним мужчина,
Незнакомый, городской.
Улыбнулся через силу,
Тяжело на землю лег...
Говорит Петрусь:
— Васылю,
Разведи-ка огонек!

2

Нанесли ветвей лохматых,
Котелок опять кипит.
Тихо слушают ребята,
Что прохожий говорит.
— Как до города добраться?
Заблудился я, на грех.
И потом... поесть бы, братцы,
Если хватит вам на всех.
Сели есть. Прохожий с ними.
Озаряет красный свет
Над ладонями большими
Кандалов кровавый след.

3

«А в том клятом Тарнополе
Решотка стальная.
Плачет жинка, плачут дети,
Плачет мать родная».
И звучит напев старинный,
Песня грустная ребят...
Слышен голос комариный,
Кони сонные сопят.
Под облезлою овчиной
Пять товарищей лежат.
Обняла их тишина,
И никто не скажет слова,
И негромкая слышна
Песня с берега другого:
«Ты пройди по Украине,
По зеленой стороне.
Реки быстры, небо сине,
Вишни в розовом огне.
Ты спроси, какая сила
Колос бронзовый взрастила —
Скажет весь народ:
— Это сталинская сила,
Это сталинская дума,
Это сталинское сердце
Нас ведет вперед».
И товарищи привстали,
Песне радостной внимая;
А над их печальным краем
Тишина была немая.
— А скажите, дядя, Сталин
Знает, как мы пропадаем?!
Как работаем мы тяжко —
От зари до ночки,—
Как на панскую работу
Ходим без сорочки,
Как не родит нива даже
По два колосочка?!

4

— Знает, хлопцы! Знает, дети,
Ваши муки и печали.

Человека нет на свете,
Чтоб о нем не думал Сталин.
Что ребята полуголы
И бывают редко сыты,
Что никто не ходит в школу,
Что она давно закрыта,—
Это все его тревожит.
Верьте, хлопцы, он поможет
Уничтожить все обиды.
— А какой он, Сталин, с виду?
— Он шинель простую носит,
В волосах пробилась проседь,
А в глазах его орлиных
Ясной молодости свет.
Он из горного местечка,
Над такой же быстрой речкой.
Так же бегал босиком он,
Так же слушал птичий гомон.
Видел пахаря он в поле,
Помогал ему за плугом.
Всем, кто в горе и неволе,
Сталин вечно будет другом.

5

Ветерок прошел долиной
И крылом задел ребят.
Стихнул голос комариный,
Кони чуткие храпят.
По Волыни ходит лето
Две последние недели.
Время близится к рассвету —
Вот и звезды улетели,
Вот уже проснулись птицы,
Все ночное улеглось.
— Мне пора поторопиться,—
Говорит ребятам гость.
Хлеб и яблоки-кислицы
Отдают ему ребята,
Чтобы мог он хорониться
Здесь, в лесу, от пана-ката.
— Ну, ребята, на прощанье
От меня примите это...
— Дядя, денег нам не надо!
— Это, хлопцы, не монета.
И растаял гость в тумане,
Всем рукой послав привет,
А рассвет лучист и ярок
Освещает теплым взглядом
Дорогой его подарок —
Сталинский портрет.

Глава вторая,

в которой рассказывается, что случилось на второй день, как Петрусь повел ребят на берег реки, и что они там увидели.

1

Снова день. И снова горе:
И печей еще не топят,
А на панское подворье
Сына мать уже торопит:
— Ты вставай, сыночек милый,
Ты плесни в глаза водицы
Да беги, что хватит силы,—
Надо, надо торопиться.
А на панском на подворье
Все ребята в полном сборе.
К молотилке, к барабану,
Знай, носи снопы пшеницы,
А не то потащат к пану —
Он покажет, как лениться.
Надо, надо торопиться!
Плечи ноют, ломит тело,
От пшеничной серой пыли
Вся деревня поседела...
На обед уже пробили.
Вот Петрусь мигнул. Ребята
Улыбнулись: дескать, знаем,—
Вмиг собрались под сараем.
Говорит Петрусь ребятам:
— И у нас нашлася хата,
Есть и нам где приютиться.
А ни зверю, а ни птице,
Ни жандарму, ни солдату
Не найти вовек ту хату.

2

Время близится к закату.
Осторожные ребята
Озираются вокруг
И бегут, бегут гурьбою
К синей речке, к водопою,
Через поле, через луг.
У далекого обрыва,
Где склонила ветви ива,
Там пещера есть.
Вот какая это «хата»,
Вот куда бегут ребята.

3

Над пещерой птичий лепет,
А в пещере словно в песне,
Словно в сказке древних лет,
А, пожалуй, интересней:
И чего, чего тут нет!
Здесь Петрусь давно уж лепит
Скакунов тяжелогривых;
Зайцев быстрых, сов пугливых.
И вошли ребята чинно,
И зажгли они лучину,
И увидели секрет:
На стене, на глине белой
Под рукой Петруся смелой
Вырастал портрет.
И смотрели дети с верой —
Зарумянилися лица —
На вождя в шинели серой,
Как у воинов границы.
В этой сумрачной пещере
Вождь беседовал с сынами,
И глядел советский берег
Зоркими его глазами.
И улыбка осветила
Детские худые лица,
Словно сталинская сила
В них сумела перелиться.
На убитый пол из глины
Сели медленно ребята,
И чадившая лучина
Озаряла дом богатый.
Ведь Неправде нету входа
И Обиде входа нет
В дом, куда глядит свобода,
В дом, где сталинский портрет.

4

И в пещере тихо стало,
И Петрусь сказал друзьям:
— Хлопцы, в сердце мне запало,
Что сказал прохожий нам.
Он сказал простое слово,
Чтобы мы не забывали:
«Человека нет такого,
Чтоб о нем не думал Сталин!»
Мы слова запомним эти...
Хлопцы, в голову пришло мне:
Человека нет на свете,
Чтоб о Сталине не помнил!
Так пошлем ему подарок...
Голос мальчика был жарок.
И внезапно зашумели,
Вся пещера загудела,
Словно прокатился гром:
— Молодец!
— Вот это дело!

— Только что ж ему пошлем?
Встал Дмитро широкоплечий,
Парень сумрачный и смелый,
Не любил он долгой речи,
Если ж молвит, — значит, дело:
— Ты слепи из глины белой
Пана жирного с нагайкой,
Ты, Петро, из глины сделай
Мужика под той нагайкой,

Но чтоб видел батько Сталин,
Что мужик терпеть не будет,
Чтобы видел, чтобы знал он,
Как хотят подняться люди,
Чтобы помнил батько Сталин,
Чтобы все в Москве узнали:
— Всё паны у нас забрали,
Только душу не отняли.

Глава третья,

в которой рассказывается о том, что произошло на третий день, о том, как ребята признались в своей вине, о том, где был Петрусь.

1

Что за доблестный вояка
Подскакал к убогой хатке,
Заломив конфедератку,
Раскричался:
— Эй, собака,
Подавай скорее внука!
(Ох, и грозен! Ох, неистов!)
Будет им вперед наука,
Чтоб не прятать коммунистов!..
Для Васька, Дмитра и Яся
Путь-дороженька сошлася.
По своим ребятам плачут
Матери родные.
В той проклятой панской гмине
Решотки стальные.
Стражник по столу как стукнет:
— Где скрывается преступник?!
Вам придется — слово свято! —
Всем ответить по закону!
Непонятливы ребята
И молчат недоуменно.
Снова стукнул стражник строго:

— В среду ездили в ночное?
Жгли костер вы у границы?
Коммунисту из острога
Помогали схорониться?
Расскажите остальное!
Говорят ему ребята:
— Правда, пане! Виноваты!
В среду ездили в ночное,
Для костра набрали сучьев;
Скажем пану остальное —
Нам признаться будет лучше:
Мы... картошки натаскали.
Коммуниста не видали.
Стражник смотрит лютым зверем:
— Все узнаем! Все проверим!
Все покажем вам на деле —
Не рассказывайте басен.
Коммуниста где вы дели —
Верховодит ведь у вас он?!
А в ответ ему молчанье.
Лишь Ясько:
— Не знаем, пане!
— Значит, так никто не скажет!
Что-то больно вы отважны.
Это вам язык развяжет...
И взмахнул нагайкой стражник.

2

На зеленой, на Волыни,
Где течет река в долине,
Где обрывист белый берег,
Есть пещера.
В той пещере
Светит тусклая лучина
И податливая глина
Оживает вся как будто
И твердеет под руками
Словно камень.
Это вечер, или утро,
Или ходит ночь лесная?
Ничего Петрусь не знает.
Лепит он из глины белой
Пана жирного с нагайкой,
Лепит он из глины белой
Мужика под той нагайкой.
Посмотри — в движеньи оба
И застыли как живые.
Холодит у пана злоба
Очи тусклые, пустые.
И взмахнул помещик плетью,
Плетью толстой и шершавой.
Это — злое лихолетье,
Это польская держава.
Мужику взгляни ты в очи
И увидишь без обмана:
Он ответит,
Он не хочет
Погибать под плетью пана.
Нет! Мужицкая дубина
Встретится еще с врагами.
Вот что скажет эта глина
Под умелыми руками.

3

А у стражника нагайка
По ребячьим спинам ходит:
— Ну, щенок, ты отвечай-ка,
Кто у вас там верховодит?
А в ответ ему — молчанье.
Лишь Васыль:
— Не знаем, пане!

4

Но в пещере свет лучины,
Тлеет маленький огарок,
И растет из белой глины
Детский искренний подарок.
И ребята в это верят
И не скажут о пещере,
Где оставил сердце каждый.
— Зря лютуешь, пане стражник!

5

Вышел на крылечко стражник,
Видит: в поле мчится всадник.
Подлетел.
Слезает важный,
Сытый господин осадник.
Слышно, шепчутся:
— ... теперь их...
— Над рекою... в белом камне...
— ... У ребят...
— ... Тайник? В пещере?!
— ... Так сказали сыновья мне...
Стражник снова к детям входит,
По лицу ползет улыбка:
— Врали, хамово отродье!
Все узнал я без ошибки.
Завтра встретимся... в пещере!
И захлопнул стражник двери.
Вот подходит время к ночи,
Всходит месяц острый.
Выплакали кари очи
Матери и сестры.
Спят ободранные хаты,
В черной гмине спят ребята,
Но не спит Петрусь в пещере,
И не спит советский берег.

Глава четвертая,

в которой рассказывается о том, какие бывают сны и какая бывает правда, о том, какой подарок получили ребята, о том, кто исправил петрусеву работу.

1

Сон летит быстрее птицы.
Ночь длинна.
И Ясю снится:
Распахнулись двери гмины,
Ясно небеса синели,
Воздух был почти хрустален;
И вошел товарищ Сталин
При винтовке и в шинели
И обнял его как сына —
Так тепло на сердце стало;
Люди пели и кричали:
— Хай живе товарищ Сталин!
Слава Армии Червоной!
Словно вдруг его позвали,
Ясь проснулся.
Разметались
Василек с Дмитром
И сонно
Дышат.
Только за стеною
Неумолчное, родное:
— Слава Армии Червоной!
— Хай живе товарищ Сталин!
— Сплю я, хлопцы?
Все не спали,
И сквозь тьму глаза сверкали.
— Значит, вправду мы слыхали
Звуки украинской речи?!
— Хлопцы! Сам товарищ Сталин
К нам пришел!
Расправив плечи,
К двери кинулись ребята.

2

Распахнулись двери гмины —
Ясно небеса синели,
И вошел в шинели длинной,
В серой сталинской шинели,
Человек — его моложе,
Не такой, но как похожий!
На петлицах три квадрата...
И сказал им:
— Ну, ребята,
Выходите без опаски!
Вам понятно — безборонно!
За окном цветы — как в сказке,
Шум народный — как в былине.
То проходит по Волыни
Наша Армия Червона.

3

Торопясь, перебивая,
Говоря не по порядку,
Все секреты раскрывая,
Жарко, сбивчиво, негладко
Говорят бойцам ребята,
Что терпеть нельзя им дольше,
Что была вся жизнь проклята
Для народа в панской Польше.
Ничего не утаили,
Рассказали, все доверив,
Как их долго в гмине били,
Чтоб сказали о пещере.
Но они ведь не сказали,
Как Петрусь подарок лепит,
Чтоб узнал товарищ Сталин,
Что спадут с народа цепи,
Люди выйдут из застенка.

4

Командир сказал:
— Стеценко,
Вы вот жаловались, дескать,
Очень скучно без работы.
Вы бригаде этой детской
Помогите,
— Есть! С охотой!
И боец, винтовку вскинув,
Говорит:
— Пошли мы, что ли!
И идут они из гмины
Через рощу, через поле,
Где реки нарядный берег,
Где один Петрусь в пещере.
— Покажите ваш подарок!
Только плохо видно что-то.
И зажег боец фонарик.
— Да, хорошая работа.
Ты, Петрусь, слепил умело,
Но вот поза устарела.
Глина твердая, что камень,
Но привычными руками
Плетку мнет боец-художник,
Придает ей форму ловко,
И уже в руках надежных —
У крестьянина — винтовка!
— Надо пану сбавить спеси,
Спесь теперь им не годится:
Не бывать уж больше здесь им,
Так что нечего гордиться!

5

Вышли хлопцы на дорогу
И пошли с бойцами в ногу.
— Где граница?
— Нет границы!
И у танков быстроходных
Открываются бойницы,
С мерной песнею походной
Шаг чеканят пехотинцы.
Звонкой песнею народной
Их встречают украинцы:
«Ты пройди по Украине,
По широкой стороне.
Реки быстры, небо сине
И вольней простора нет.
Ты спроси, какая сила
Этот край освободила,
Нашу землю пробудила, —
Скажет весь народ:
Это сталинская сила,
Это сталинское сердце,
Это весь Союз Советский
Нам подарок шлет».
По Волыни шли колонны,
Ясно небеса блистали.
— Славься, Армия Червона!
— Хай живе товарищ Сталин!

★ ★ ★

Дорогие ребята города Львова!

Примите самый горячий братский пионерский привет от пионеров и школьников школы № 204 имени Горького города Москвы. Мы все очень и очень обрадовались, когда узнали, что наша Красная Армия взяла под защиту население Западной Белоруссии и Западной Украины, и с огромным волнением каждый день слушали по радио сообщения об освобождении городов, сел и деревень от польских угнетателей, каждый день читали газеты. Мы радуемся вместе с вами: теперь больше никогда уже не будут угнетать польские паны ваших родителей. Вы, так же как и мы, будете учиться в школе, будете говорить на своем родном языке. В СССР в школах учатся и русские, и украинцы, и белоруссы, и евреи вместе. Все мы дружны между собой. Скоро и вы, ребята, будете так же, как и мы, весело и хорошо жить: у вас будут свои театры, дворцы, клубы. Ребята! У нас очень богатая страна, и все, что у нас в стране есть, достигнуто нашим народом под руководством партии большевиков и нашего вождя, лучшего друга всех ребят товарища Сталина.

Дорогие ребята! Мы хотим с вами вести переписку, хотим помочь наладить работу. Мы расскажем вам о том, как отдыхаем в пионерских лагерях, как учимся. Пока посылаем часть подарков от нашего отряда — 5-го класса «А». Желаем вам вступить в пионеры и хорошо учиться. Пусть растет и крепнет дружба детей всего Советского Союза. Ждем с нетерпением от вас ответа. Привет вашим учителям и всем ребятам школы.

По поручению пионеротряда
5-го класса «А»

Галя Шабаева, Люся Владимирова

Это ученики 5-го класса школы имени Данилы в городе Львове. Они прислали 5-му классу 204-й школы Москвы свою фотокарточку и ответное письмо, в котором горячо благодарят за присланные подарки. «И мы готовим вам свои подарки,— пишут львовские ребята.— До скорой встречи с вами!»

Ферганский канал имени Сталина

Н. Розенкноп

С двух сторон улица сжата глиняными заборами. Многие разваливаются, никто не замазывает дыр. Из-за заборов видны плоские крыши. Дома стоят спиной к улице, их окна выходят во двор. По бокам улицы арыки. Это канавы, по которым обычно течет вода. Но сейчас они пересохли. На потрескавшемся дне лежит сухой мусор.

В кишлаке Грум-Сара тысяча домов, но можно пройти все улицы, не встретив ни одного человека. Иногда кажется, будто близко слышны голоса; завернешь за угол — никого нет. Улица безлюдна.

Обычно в кишлаках дороги усажены деревьями, по заборам стелется виноград. Около арыков растет свежая трава.

В Грум-Саре зелени нет. Только на главной площади стоит один карагач. Он похож на облезлую березку, худой, невысокий, с серыми редкими листьями.

Здесь нет воды. Люди бросили свой кишлак. Ветер начисто подмел их дворы, в пустых домах поселились летучие мыши. Ночью они вылетают из своих гнезд и кружат по двору, растопырив перепончатые крылья.

Из Грум-Сары ушло пятьсот семей. По пыльным улицам тянулся караван арб, груженых домашней утварью. Проезжая через свои поля, люди видели сухую землю, жалкие кустики засохшего хлопка и молча погоняли лошадей. Они шли искать новые места, где много воды, где можно сажать хлопок и рис, где можно жить.

Вечером было колхозное собрание. Пришли все оставшиеся. Подстелив халаты, они уселись на землю у карагача. Все угрюмо молчали. Все думали о том, что надо бросить Грум-Сару, пойти искать воду вслед за теми, что уже ушли. Но никто не решался этого сказать. Первым заговорил Сатымбай Маназаров. Он сидел, опустив седую голову; на коленях у него лежала корявая палка.

— Всем придется уйти из Грум-Сары,— медленно сказал он,— если мы не добудем воды. А я знаю, откуда ее взять.

Мимо нас течет река, в горах она полна водой, но по дороге к нашим полям вода уходит в землю. Я знаю, как удержать ее. Пойдемте, я покажу вам.

Река неслась с гор клокоча, она налетала на берег и поднимала со дна серую муть. Но у полей она теряла свою силу. Словно сквозь решето просачивалась она в мягкий грунт.

— Надо прорыть новое русло, камнями выложить дно. Тогда вся вода придет на поля,— сказал Сатымбай.

Колхозники решили строить канал.

Из района приехал инженер.

— Ничего не выйдет,—сказал он,—все равно вода уйдет в землю. Может спасти цемент, но это сложно и дорого.

Инженер уехал, но в Грум-Саре не переставали думать о канале. Некоторые вспоминали Худояр-хана.

Это был грозный повелитель Кокандского ханства. Ему принадлежала вся вода Коканда: все речки, ручьи и озера. Все зависели от него. Без полива в Узбекистане ничего не растет. И если Худояр-хан хотел, целые кишлаки вымирали от голода.

Худояр-хан задумал оросить Кара-Тепинскую степь. Со всего ханства к нему пригнали людей. Они вырыли четыре канала, но ни в один вода не пошла. Каналы остались сухими. Худояр-хан заставил рыть пятый. Он поставил свою палатку на берегу и целые дни глядел, как люди рыли его. Но вода, загнанная в тупик, прорвала дамбу и вырвалась в степь.

В шатер Худояр-хана пришли муллы. От имени бога они дали совет, как остановить поток.

— Давайте всех людей с именем Тохтасын! [1] — крикнул Худояр-хан.

Гонцы ринулись в разные стороны. К полудню они пригнали сто человек. Люди были в заплатанных халатах, босиком, в порыжевших от солнца тюбетейках.

— Бросьте их в воду,— приказал грозный Худояр-хан,— пусть остановят поток!

Людей связали по двое и по трое, бросили в узкий прорыв и закидали камнями.

Но совет мулл не помог: вода подминала под себя людей и мчалась в степь. По степи плавали тела мертвецов.

И теперь в Грум-Саре боялись строить канал: вдруг вода не пойдет? Но хлопок погибал, и колхозники начали строить. Надо было прорыть канал длиной в девять километров, от гор до полей. Канал шел параллельно руслу реки на расстоянии километра от нее. Все, кто мог держать в руках кетмень, вышли на работу. Их было всего семьдесят пять человек.

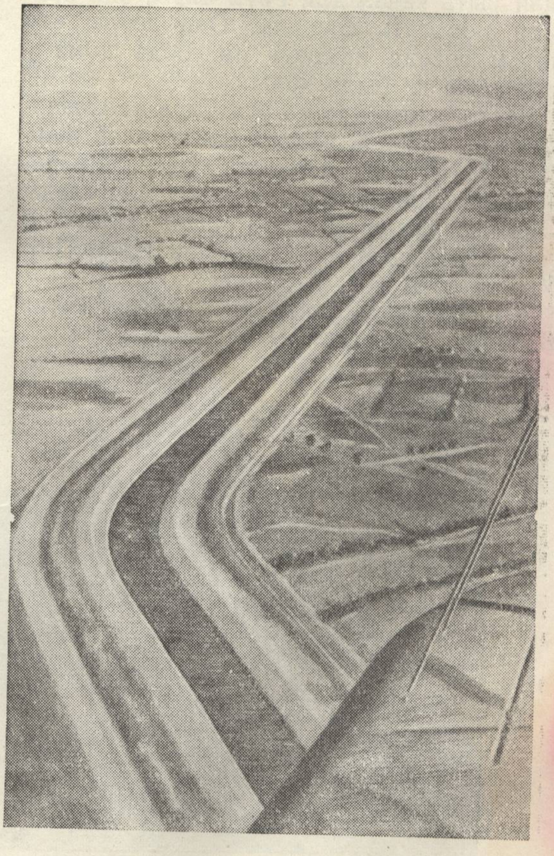
Как-то по дороге проехало несколько всадников из колхоза «Победа». Они остановили коней.

— Не знайте усталости,— сказали они работавшим,— вам еще много работы.

— А вы пришли бы помочь, работы хватит на всех,— ответили им.

— Придем,— ответил один.

Никто не поверил его словам, потому что между Грум-Сарой и тем кишлаком была давняя вражда. Между их полями протекал один арык. Воду из него брали поочереди. Как-то четверо дехкан из Грум-Сары взяли воду не в свой черед. Всю ночь вода шла на их поля. Утром дехкане соседнего кишлака увидели свои поля сухими. В следующую ночь они выслали сторожей воды. Добрососедские отношения кончились.

Ферганский канал. Вид с самолета.

[1] Тохтасын — по-узбекски — остановись.

На строительство!

Однако люди из колхоза «Победа» пришли рыть канал для Грум-Сары, они пришли помогать соседям. Они знали, что потом соседи помогут им. Ведь дома у них тоже не было воды.

Весть о том, что в Грум-Саре колхозники строят канал, разнеслась по всей Фергане. Из разных колхозов приезжали делегации. Приехали колхозники Маргелана. Они задумали строить свой канал. В Грум-Сару приехал секретарь ЦК КП(б) Узбекистана тов. Юсупов.

Колхозник Усманов из колхоза имени Ворошилова сказал ему:

— Грумсарцы хорошо придумали. Если вода пойдет по этому каналу, мы тоже будем строить. Мы возьмем воду из Нарына. В этой реке столько воды, что хватит на тысячи колхозов.

Прошло шесть месяцев, и Грумсарский канал был построен.

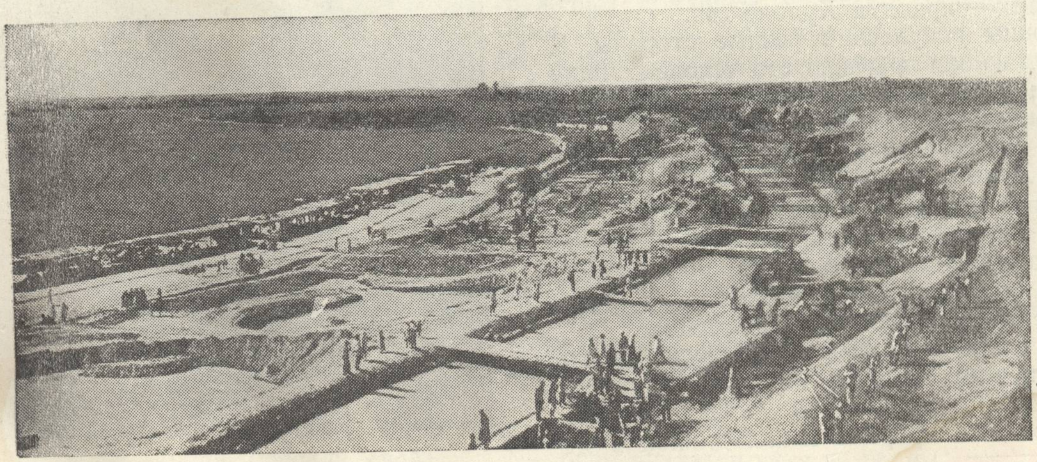
Сильная вода пришла и напоила хлопок.

В Грум-Сару стали возвращаться колхозники. Один из них, Алимшай Кушназаров, рассказывал:

— Я обошел всю Фергану. Был в Чусте; уже месяц там нет воды; видел сухие поля в Янги-Кургане. И куда я ни приходил, все говорили о воде. Я был в колхозе-миллионере. У них свой театр и клуб, но они сказали, что будь больше воды, они засеяли бы хлопком все пустые поля, и каждый выстроил бы себе дворец. Там я услышал о канале, который вы построили, и пришел сюда. Сейчас везде говорят о Нарыне, о большом канале для всей Ферганы.

И верно, везде говорили о большом канале — на полях, в чайханах, на колхозных собраниях, в ЦК КП(б) Узбекистана. Но все знали, что Нарын силен и с ним справиться труднее чем со ста горными реками. И тогда ЦК партии решил посоветоваться с опытными колхозниками. Они собрались в Фергане. Они помнили то время, когда вода была у баев и ею торговали.

— Я все отдал, мне нечем уже было платить за воду,— сказал один старик.— Все погибло на полях. Нас ждала голодная смерть. Тогда ранним утром я пошел

На седьмом строительном участке.

к байскому арыку и пустил его воду на свое поле. Бай застал меня и хлестнул кнутом по спине. Он скинул с моей головы тюбетейку и сказал:

— Твоей воды здесь столько, сколько войдет в тюбетейку.

После Великой Октябрьской социалистической революции вся вода пошла на поля дехкан. Никто не притеснял больше свободный узбекский народ. Стали расти колхозы, с каждым годом им нужно было больше воды. Ее опять стало не хватать. А водой Нарына можно было оросить сразу двадцать четыре района.

Старики сказали, что надо строить канал. Колхозы теперь настолько богаты, что смогут своими силами, своими средствами построить Большой Ферганский канал.

— Надо, чтобы к Сталину поехал верный человек и рассказал про наш план,— сказал один старик.— Сталин помог победить баев, Сталин поможет победить пустыню.

В Москву к Сталину поехал Юсупов. Его ждали с нетерпением. Вот, наконец, он приехал.

— Сталин одобрил,—сказал он.—И поможет.

В тот же день об этом узнала вся долина. Тысячи коммунистов разъясняли значение Большого канала. На строительство захотело идти больше 200 тысяч человек, нужно было 100 тысяч. Колхозы выбирали самых надежных и сильных людей.

Колхозы заготовляли провизию, откармливали коров и баранов.

В это время инженеры уже отмечали путь канала. В степи появились колышки проектировщиков и глубокие колодцы геологов.

Строительство решили начать первого августа. Но задолго до первого колхозники тронулись в путь. Из каждого колхоза выезжала половина колхозников.

Узкие дороги были запружены вереницами арб. На них ехали колхозники в белых шолковых одеждах, ехали музыканты. Они били в бубны и играли на дутарах.

— Мы идем на канал! — выкрикивали певцы.

По бокам дороги лежали огромные дыни и арбузы.

Это был национальный праздник: люди шли добывать воду.

На канал вышло сто шестьдесят тысяч колхозников. Им предстояло прорыть канал длиною в двести семьдесят километров. Он проходит через Уч-Курганскую пустыню, через топкие поля Кувы, пробивает себе путь сквозь пески Багдада.

Начинается канал в Уч-Кургане, здесь протекает большая река Нарын — приток Сыр-Дарьи. До сих пор вода Нарына уходила в Аральское море, а ее столько, что можно напоить все поля Ферганской долины. Воду Нарына решено было пустить по каналу, а от канала прорыть арыки, по которым вода разойдется на поля.

На своем пути канал оросит 500 тысяч га земли. В начале канал будет нести 90 кубометров воды в секунду, а к концу придет всего 4 кубометра. Вся вода останется на полях.

Поэтому в начале канал шире и глубже, а чем дальше, тем он становится меньше.

В Уч-Курган приехало четыре тысячи комсомольцев. До них здесь никто не жил. Давно потерялись следы колес, дороги были занесены серой пылью. По огромной пустой степи гулял ветер и поднимал до неба столбы раскаленной пыли.

Комсомольцы разбили свой лагерь на берегу сурового и мрачного Нарына. Они поставили брезентовые палатки, постели-

Кетменями долбили камень.

Под звуки карнаев работа спорилась.

ли цыновки и ковры, слепили глиняные печи, вмазали в них казаны.

Степь таила в себе много неожиданностей. Сверху она была покрыта мягкой пухлой пылью, под этой пылью лежали твердые каменные скалы. Чтобы разбить их, нужна была большая сила и выносливость. Недаром в песне, которую сложили на канале, комсомольцев называли богатырями.

Они вставали до рассвета и в 70-градусную жару, задыхаясь от пыли и зноя, долбили камень. Они кончали работу в темноте, когда в лагере уже горели костры. Самые сильные и упорные оставались работать ночью. Когда не было луны, они втыкали факелы в расщелины камней и ими освещали темный забой.

Этот участок назвали «особым». Сюда пришел работать колхозник Дунан Дусматов. Он пришел на канал одним из первых. А на «особый» участок он пошел потому, что здесь было труднее всего.

Он долбил камень и вместе с товарищем таскал на носилках сухой, твердый грунт.

Дусматов стал думать о том, что один может вынести столько, сколько они выносят вдвоем. Он бросил носилки и пришел в забой с одеялом. Расстелив его он наполнил его землей и взвалил на плечи. В этот день он выкинул 32 кубометра земли — 600 процентов нормы! За ним и другие стали работать без носилок, с мешками и одеялами. Их называли дусматовцами. Вскоре дусматовцы перегнали самого Дусматова и стали выполнять норму на 1000 процентов.

В Куве строителей встретили топкие рисовые поля. Земля был синяя и липкая. Едва подняли первый слой, как появилась соленая грунтовая вода. Ни у кого не было резиновых сапог, работали босиком. Ноги болели от долгого стояния в холодной воде, она доходила до пояса. Землю вытаскивали из-под воды, она соскальзывала с кетменя и падала в воду, поднимая грязные брызги.

Надо было спустить воду. Рыть траншею пришлось бы долго. Пригласили подрывников.

После взрыва в сторону от канала пошла глубокая канава. Вода из канала схлынула в нее. Но дно попрежнему было мокрое и вязкое.

За Багдадом канал идет через пески.

Берега канала делались из грунта. В Багдаде грунт был песчаный, из него нельзя было делать дамбы.

В земле песок лежал тяжелым, мокрым пластом, но, когда его вынимали, он быстро высыхал, становился легким, и ветер сдувал его.

Как-то в обеденный перерыв трое колхозников, сидя у дувала[1], пили чай. Парень, который стоял в стороне, крикнул им, что падает дувал. Они вскочили. Через минуту дувал упал на землю и рассыпался. Это испугало строителей. Им не жалко было дувала, но ведь из этого же грунта были сделаны дамбы. А дамбы должны быть крепкими, как бетон, плотными, без единой щели. Сквозь песчаные, дырявые дамбы вода могла бы просочиться, затопить кишлаки. Достаточно одной дыры, чтобы труд 160 тысяч людей пропал даром.

Но откуда взять иную землю? Об этом думали все. Кругом был только песок или поля, засаженные хлопком. Под хлопком земля была крепкая и плотная.

— Эту бы землю для дамб,— сказал как-то один инженер.

Строители пошли в колхоз.

— Нам нужна земля,— сказали они.— Чтобы вода не размывала берега канала, их нужно сделать из плотной земли. Но такая земля только под хлопком.

Строители ждали, что председатель откажет. Ведь надо было отдать целое хлоковое поле. Председатель сказал:

— Вот беда: трактор занят.

— О чем вы говорите? — спросил его инженер.

— Как перевезем землю?

— Мы пришлем грузовики.

— Грузовики нужны на строительстве,— ответил председатель.— Мы сами привезем землю, на арбах.

Дамбы в Багдаде были сделаны из плотной земли.

Рыхлую землю надо было трамбовать, но трамбовок не хватало, катков не было совсем. Нужно было найти какую-то тяжесть, чтобы земля осела под ней. Колхоз «Уч-Кун» привел на дамбы скот. С утра до позднего вечера взад и вперед по дамбе ходили кони, коровы и связанные четверками грузные черные волы.

Наступили последние дни августа. Созрел хлопок, надо было заканчивать строительство и идти на уборку.

[1] Дувал — небольшой земляной забор, такими дувалами бригады отделяли свои участки.

В эти дни на канал пришел 74-летний Таджимат Хидыров. Это был суровый и гордый старик. Прежде на канале работал его сын. Но сын вернулся домой до срока. Старик, увидев его дома, хмуро сдвинул брови, но ничего не сказал. Ранним утром он взял свой огромный, тяжелый кетмень, захватил на дорогу две лепешки, виноград и ушел, ни с кем не попрощавшись. Он пришел в ту же бригаду, где работал его сын.

Когда-то давно Таджимата звали Большим конем, потому что у него не было лошади и он сам впрягался в арбу. У старика и сейчас были сильные руки. Своим кетменем он ворочал большие глыбы земли. Через несколько дней на канал вернулся его сын.

На 25-м участке колхоз «Янги-Хаят» соревновался с соседним колхозом имени Ахунбабаева. Оба колхоза шли вровень. Чтобы обогнать соседей, колхозники «Янги-Хаята» вышли работать ночью. Подходя к каналу, они увидели факелы: их соседи уже работали.

Сколько колхозы ни старались обогнать друг друга, ничего не получалось: силы были равные. Оставались последние кубометры. Колхозы привели своих лучших коней и поставили их у берега канала. Тот, кто первый доставит рапорт в штаб, окажется победителем. Но и в штаб они прискакали вместе.

И вместе же на следующее утро оба колхоза вышли помогать отстающим.

По всем расчетам старых инженеров, такой огромный канал надо было строить 5 лет. Народ построил его за 1 месяц и 20 дней.

Как же это случилось?

Все расчеты инженеров были верные, но они не могли себе представить, что строить канал выйдет 160 тысяч человек. И люди эти работали, не жалея сил. Каждый из них выкинул целую гору земли.

Они работали так потому, что освобождали свою долину от страшного врага — безводья. Они завоевывали воду. И поля, по которым пойдет эта вода, принадлежат не Худояр-хану, не русскому царю, а каждому из строителей, всему народу.

★ ★ ★

Фото М. Калашникова.

Наш папа работал тогда в Научно-испытательном институте. Летом мы приезжали к нему за город и жили около аэродрома. Однажды папа пришел домой радостный и сказал нам:

— Сегодня прилетит Чкалов. Собирайтесь на аэродром. У меня есть для вас пригласительные билеты.

Мы и сами знали, что прилетает Чкалов, но попасть на аэродром даже и не мечтали. Мы уже облюбовали себе местечко около главных ворот аэродрома, где должна была проехать машина Чкалова, и оттуда собирались смотреть на героя-летчика, а тут вдруг такое счастье!

Мимо часового мы промчались, как ветер. Когда сел самолет, все встречавшие побежали к нему. Побежали и мы. Летчики стояли окруженные густой толпой друзей. Здесь мы увидели Сталина. Заметив нас, Сталин улыбнулся и очень ласково сказал:

— Ну, ребята, будем знакомы. Что вы здесь делаете?

— Чкалова встречаем.

— Я тоже,— сказал Сталин, протягивая нам правую руку и обнимая нас.

Мы побежали к трибуне, там уже было много народу. Пионеры окружили товарища Сталина и хотели подарить ему цветы. А он сказал, что сегодня не его встречают, а Чкалова и что цветы надо преподнести Чкалову.

Дома папа спросил нас, куда это мы от него удрали, он нас по всему аэродрому искал, а мы ответили ему:

— Беседовали с товарищем Сталиным!

Перебивая друг друга, мы рассказывали родным, как в толпе летчиков случайно встретили Сталина, как он поздоровался с нами за руку, как Вовка проводил его до машины. Мы точно не помним, кому из нас Сталин пожал руку первому потому что все это произошло неожиданно.

Все на нас смотрели с удивлением и не хотели верить. А через два дня в «Правде» был напечатан портрет Сталина, около которого стоим мы. И мы увидели, что руки он пожал сразу обоим.

Всеволод Андреев. Владимир Андреев.

422-я школа Таганского района, Москва.

Мой сын

Анна Никитишна Кулешова

Вы меня о моем сыне спрашиваете? Хорошо делаете. Кто может знать его лучше меня — матери? Большой уже он теперь: 17 лет ему. А я каждый день его жизни помню.

Не скажу, чтоб плохой он был. Нет. Все же бед натерпелась я с ним немало. И все из-за характера. Характер у него самостоятельный, справедливый.

Дружил он всегда со старшими ребятами. Все за ними тянулся. Шесть лет ему было, когда перепугал он меня до смерти. Ребята постарше пасли лошадей за деревней. Собрали картофельную ботву и подожгли ее. Когда ботва прогорела, ребята стали прыгать через золу. Прыгнул и мой Миша. Да куда ему, шестилетке, — прямо голыми ногами попал в горячую золу. Стоит по колени в золе и кричит так, что на деревне слышно. Принесли ребята Мишу домой на руках, посмотрела я на ноги и тоже заревела не своим голосом.

Мучилась я с ним, шесть месяцев таскала по докторам. Ночи не спала и все же вылечила. Да разве он об этом помнит? Только мать никогда не забудет.

Пришло время идти Мише в школу. Сшила я ему из холстины сумку для книг и тетрадей. Починила и постирала штанишки да и рубашку и проводила в школу. Учись, дорогой мой сын. И он стал учиться. Приходит он как-то из школы, а на шее у него красный галстук.

— Это что еще у вас за новая мода появилась? — спрашиваю я его.— Откуда у тебя красный галстук?

— Я теперь пионер,— гордо отвечает он,— все пионеры носят такие галстуки.

Что такое пионер, я, по правде сказать, тогда и не знала.

Мы тогда уже в колхозе были. Заработали много трудодней и хлеба получили столько, сколько никогда у нас не было, когда мы были единоличниками. Живем, можно сказать, богато. Была у

Товарищи Сталин, Молотов и Ворошилов, улыбаясь, слушали речь Миши Кулешова.

нас в деревне вдова, куча ребят у нее, а работник-то — она только одна. Ну, конечно, хлеба ей не хватило. Помогали ей колхозники. Приходит она как-то и к нам.

— Одолжите мне, — говорит, — немного хлеба, заработаю, отдам.

Отец в это время лежал на печи, а Миша сидел за столом, делал уроки. У отца была думка — приберечь хлеб и весной, когда хлеб подорожает, продать его на базаре. Одним словом, хотел на хлебе подработать. И вдове он сказал, что хлеба у нас нет. Тут Миша как вскочит.

— Неправда,— говорит,— хлеб у нас

Этих коней ребята готовят для Красной Армии. Через год — полтора на них можно будет ездить верхом.

есть! Хлеба у нас много, и нужно дать ей взаймы до нового урожая.

— Замолчи! — кричит отец с печки.— Не в свое дело не суйся.

А Миша ему наперекор:

— Ты зачем говоришь неправду? Хлеб у нас есть!

Встал Миша из-за стола, надел валенки да и убежал в сени, а потом приходит с двумя хлебами и сует их вдове:

— Возьмите пока. И еще приходите: хлеб у нас есть. А ты, отец, запомни: если вздумаешь наживаться на хлебе, пойду в сельсовет и скажу, что ты спекулянт.

Я даже перепугалась, думала, встанет отец с печки и надерет Мише уши. Но отец, видно, понял, что правда не на его стороне. Не слезая с печки, он буркнул:

— Делайте, как знаете.

Собрались мы один раз с отцом в гости к моей сестре, в соседнее село. У них был престольный праздник, и она сказала, что без нас за стол не сядет.

Достали мы из сундука праздничные платья, нарядились. И случилось так, что нельзя было уйти, не оставив никого дома. Стали мы просить Мишу, чтобы он посидел дома, посмотрел за хозяйством. А он глянул на нас, покачал головой и говорит:

— И не стыдно вам просить меня об этом? Разве вы не знаете, что сегодня — не воскресенье и я должен быть в школе? Вы хотите сорвать мне уроки? Очень хорошие родители, спасибо вам! — и поклонился.

Отец — на что большой говорун, спорщик, но и он ничего не сказал сыну. Покраснел и говорит мне, как будто я во всем виновата:

— Сын прав. Незачем нам срывать ему учебу. Нечего в рабочее время по гостям шляться.

Раз зимой в лютый мороз пришел Миша из школы и прямо на печку. Что такое, думаю. Всегда, как из школы придет, давай ему обедать, потом за уроки садится. А тут на печку потянуло. Не заболел ли?

— Что ты! Я здоров,— смеется он.— А на печку залез, потому что замерз. Я из школы без пальто и валенок шел.

У меня глаза на лоб полезли.

— Ты это что, смеешься надо мною? — говорю я ему.— Как же ты мог придти так из школы? Это ведь почти две версты?

— Вот две версты я и прошел в одной рубашке и в носках.

Что же вы думаете? Читали они в школе какую-то книжку, как белые расстреливали красноармейцев. Они их раздели, в одном исподнем поставили над обрывом и стали стрелять. Все были убиты, а комиссара только ранили. Верст десять он, обливаясь кровью, на морозе полз до села. И вот кто-то из ребят сказал, что этого не может быть, что в рассказе все придумано. В одном белье человек и двух верст не может не то что проползти, но и пробежать. Так этот сорванец, чтобы доказать товарищу правду, взял да и пробежал по снегу без пальто и валенок две версты.

Бывало, чуть светать начнет, все еще спят, а Миша шмыг с печки, оденется,

возьмет в руки сапоги и на цыпочках, чтобы я не услышала, пройдет в сени, обуется и убежит на конюшню. Я все это видела, но молчала. Пусть бегает на конюшню, если ему это нравится, лишь бы не озорничал. А тут встречает меня старший конюх Павел Иванович Козлов и зло говорит:

— Попридержи своего парня. Он раньше меня приходит на конюшню и очень уж непорядков много замечает.

— А что я с ним сделаю?

— Ты мать.

— А ты старший конюх. Если Миша неправильно делает, возьми метлу, намочи да и отстегай его.

— Стегать нельзя. Это тебе не прежнее время!

— Ну, как хочешь, я тебе ничем помочь не могу.

— Ну, я сам найду управу.

— Находи, если он что плохо делает.

Жаловались мне на Мишу и телятницы:

— Твой сын всех ребят взбаламутил. Чуть свет приходит с ребятами на коровник, свои порядки устанавливают. Муха какая в молоко попала, кричат: «Не смей давать такое молоко теленку!» Да так кричат, будто этим молоком хотят их кормить, а не телят. Что он привязался к нам?

Было у нас в колхозе шесть телят и два жеребенка. Вот над ними-то и шефствовали пионеры. Я на своем веку много телят выкормила, но чтобы так за ними ходили,— не видела. Ребята сделали щетки и скребницы. Утром они телят чистили, вечером водили на прогулку. Смешно было нам, старикам, смотреть, как ребята шагают по улице с телятами. Никогда этого не было, чтобы телят на прогулку водили.

Тут какая-то телятница напоила телят молоком, в котором был мусор. Ребята взяли да и написали в районную газету.

Пионерки звена Миши Кулешова шефствуют над телятами. Пионер Сережа Холодов сфотографировал их во время прогулки.

И разве кто думал, что эта статья дойдет до товарища Сталина? Никто не думал. А она дошла. Вот звонят от товарища Сталина в Белев и просят, чтобы прислали в Москву на совещание Мишу Кулешова. Колхозники думают, что здесь ошибка произошла, может быть, товарищу Сталину неизвестно, что Миша Кулешов — только пионер и ему всего двенадцать лет и одного его в Москву без матери пускать опасно. Да нет, не ошибся товарищ Сталин, знал он, кто такой Миша Кулешов.

Проводили мы Мишу в Москву. А дней через пять приносят мне газету и говорят: «Гордись, мать, своим сыном». Смотрю на газету и не верю своим глазам. Миша мой сидит в газете и тут же подпись, как товарищ Сталин его погладил, как подставил под ноги скамеечку. Стоит Миша на трибуне и произносит речь. Сталин, Молотов, Ворошилов слушают его и улыбаются. Откуда только смелость взялась у моего Миши, прямо при всех обращается он к товарищу Сталину и говорит:

— Вы бы нам подмогнули Дом пионеров в колхозе построить.

НАША ЖИЗНЬ

Приехал Миша домой. Залезли мы с ним на печку, замерз он с дороги, я и прошу его: расскажи матери, как ты ездил в Москву, близко ли к Сталину сидел. А он мне отвечает:

— Я, говорит, с товарищем Сталиным разговаривал так же, как вот разговариваю с тобой.

— И ты не боялся?

— Ой, мамочка, нет. Будто вот с тобой говорю. А Ворошилов что-то шепнул Сталину и сказал мне:

— Возьмем, возьмем твоих коней!

С тех пор, как Миша приехал из Москвы, он словно переменился. В нашем доме всегда народу полно. Приходили и пионеры и взрослые: пионеры, чтобы обсудить свои дела, а взрослые,— послушать их. Все Мишу расспрашивали. Орден рассматривали.

Из Москвы Миша привез велосипед. И как снег растаял, все звено стало учиться кататься. Даже старший конюх, и тот, кажется, катался. Стало мне жалко машину. Сломают ведь. И говорю я Михаилу:

— Дал бы отдохнуть велосипеду. Сломают ребята, и самому не на чем будет покататься.

— Пусть катаются. Сломают, новый купим. Велосипед подарили не мне, а всему звену.

Раз приходят ребята из школы, видят: около правления колхоза стоят какие-то незнакомые люди. А один, в кожаном пальто, поздоровался с ребятами и сказал:

— Мы приехали к вам по поручению товарища Сталина. Нам поручено построить в вашем колхозе Дом пионеров. Это тот дом, о котором просил товарища Сталина Миша Кулешов.

И построили. Одно только здание, каменное, светлое, 190 тысяч рублей стоило. А сколько денег истратили на музыкальный инструмент, радиоприемник, коньки, лыжи,— и сосчитать трудно.

Окончил Миша семилетку. Сейчас он в Белеве учится, это 35 верст от нашего колхоза. На его место ребята выбрали Ваню Козлова. Ваня Козлов — тоже толковый малый, старательный. Недавно коня, за которым Ваня три года ухаживал, в Красную Армию взяли. Из нашего колхоза взяли двух лошадей, обеих воспитывали пионеры. Ребята в это время в Москве на выставке были. Приезжают домой, им сообщают новость. Вот уж ребята радовались, что их лошадей в Красную Армию взяли! Приезжает как-то из города наш директор Дома пионеров и говорит ребятам:

— Видел ваших лошадей. На «Петушке» проскакал командир с двумя кубиками.

— Лейтенант! Лейтенант! — закричали ребята.

— «Снигиря» я тоже видел: он вез походную кухню.

Как услышал это Женя, который готовил «Снигиря», так сразу чуть ли не в слезы. А ребята его успокаивать:

— Не нужно зря волноваться, ведь и кухню кому-то возить надо...

Заговорилась я с вами, а мне ведь обед нужно готовить. Сын в гости приехал. Часто я сижу одна вечером дома и задумываюсь: совсем недавно провожала я Мишу по утрам в школу, штопала ему носки, по долгим зимним вечерам залезали мы с ним на печку, я вязала, он делал уроки.

Однажды он мне сказал, этого я никогда не забуду:

— Ну и кормить я тебя буду, когда вырасту большой.

— Кем же ты будешь, когда вырастешь? Конюхом? Ты ведь любишь коров и лошадей.

— Нет, не конюхом. Я на земле работать не буду. Я буду работать в небе. Хочу быть летчиком.

Было это сказано давно. Жил тогда Миша дома, а сейчас он мой гость. Приедет на денек и опять уедет... В будущем году он кончит десятилетку, уйдет в Красную Армию. Страна наша большая, кто знает, куда занесет его судьба. Но я-то хорошо знаю своего сына, знаю, как бы далеко он ни был, никогда не забудет свою мать, хоть на часок, да приедет к ней.

Баллада*

Стихи Марка Татаринова (Сухуми)

Рисунок Иры Поповой (Москва)

Я видел стремнины и блеск ледников,
Высокие травы альпийских лугов,
Все склоны они устилали ковром,
Хребты молчаливо вздымались кругом.

Я шел неприметной, заросшей тропой,
Болтался походный мешок за спиной,
Еды в нем немного, да смена белья,
И песен любимая книга моя.

Наполнилась чувством восторга душа,
Я радостно думал: «Как жизнь хороша!»
Пронесся, как птица, стремительно день,
Сгустилась в низинах и пропастях тень.

И солнце исчезло у дальних вершин.
Вдруг мне повстречался пастух-осетин,
Одетый в папаху и теплый бешмет,
На вид ему было под семьдесят лет...

Привел он меня в свой плетеный шалаш,
Дал сыру овечьего, вкусный лаваш...
Я съел и запил родниковой водой,
Уставшим ногам был приятен покой.

---

* Из стихов, присланных на конкурс в Центральный дом художественного воспитания детей.

НАША ЖИЗНЬ

У входа в шалаш развели мы костер,
Негромкий и плавный потек разговор.
Я стал говорить о далеких местах,
И слушал старик со вниманьем в глазах.

Вокруг пеленой все окутывал мрак,
Лишь издали лай доносился собак.
Я смолк, и старик вдруг спросил, погодя:
«Скажи мне, ты Сталина видел — вождя?

Всю жизнь свою долгую здесь я прожил,
О Сталине мудром я песню сложил.
Я знаю, каков он, творец мудрых дел...»
И громко пастух эту песню запел:

«Я стар уж летами и сед головой,
Но, песню запев, молодею душой.
Я песнь посылаю в небесную ширь,
Услышь ее, Сталин, мудрец-богатырь!

Как крепость бездонная, ум твой глубок,
А мысли быстрее чем горный поток,
Улыбка твоя ярче солнца лучей,
Ты зорче орла, Геркулеса сильней.

Под взором твоим зеленеют луга
И тают в горах вековые снега.
Бессмертных законов ты славный творец,
Наш мудрый учитель и добрый отец.

Сияй ты, как солнце на небе, всегда,
Пусть мимо тебя пронесутся года.
И мудрый твой лоб пусть не знает морщин...
Сложил тебе песню старик-осетин».

Он пел, и от теплых, волнующих слов,
Казалось, и ночь раздвигала покров,
И голос несло его звонкий, как сталь,
Крылатое эхо в бескрайнюю даль.

★

НАША ЖИЗНЬ

„Малая Красноярская"...

Письмо Саши Сереброва
(Красноярск)

Рисунки Володи Куликова и Игоря Папуша
(Москва)

У нас есть детская железная дорога. «Малой Красноярской» она называется. Длина ее — 1200 метров. История этой дороги интересная. Ученики школы ФЗУ при паровозоремонтном заводе города Красноярска построили маленький паровоз. Строили они его совсем не для детской дороги, а просто для практики. Испытывали во дворе школы на специально проложенной для этого узкоколейке. Начали разжигать паровоз. У всех одна мысль: пойдет или не пойдет? По техническим расчетам, должен не только пойти, но и потащить еще несколько вагончиков. А все-таки строители беспокоились.

Растопили, подняли пары, еще раз осмотрели машину. Все в порядке. Инструктор взялся за ручку регулятора и включил пар. Паровозик медленно тронулся и пошел. Сначала инструктор не решался сесть на паровозик (а вдруг не потянет!) и шел рядом. Потом сел на него, потом село еще несколько человек, а паровозик идет как ни в чем не бывало.

Тогда построили две платформочки с диванчиками. Снова стали испытывать. На этот раз село человек тридцать. Облепили поезд со всех сторон. А паровозик преспокойно идет и идет. Тогда руководители школы ФЗУ решили показать работу учеников перед красноярцами на майских торжествах и стали прокладывать узкоколейку на площади Революции.

Я тогда еще ничего не знал ни о паровозе, ни о дороге. Примерно 25 апреля я проходил по площади и заметил странное оживление. Группа рабочих укладывала рельсы. Мне стало интересно, и я спросил у одного рабочего:

— Зачем это?

Он ответил, что будет детская дорога. С этого дня я то и дело забегал на пло-

щадь и каждый раз видел что-нибудь новое. Вот появилась станция, вот депо, вот стрелочные будки, вот два переезда.

1 Мая я был на площади уже с девяти часов утра и все время вертелся у депо, дожидаясь, когда выйдет паровоз. Площадь стали заполнять демонстранты, а паровоз все не выходил. Наконец часов в одиннадцать двери депо растворились, и из них медленно вышел долгожданный паровоз. Я стоял и не шевелился. Это был самый настоящий паровоз. Его ярко начищенные части блестели на солнце.

К концу демонстрации погода стала портиться, на небе появились тучи, стало холодно. Я был одет легко, начал мерзнуть, но мне все не хотелось уходить. Так я провертелся на площади до часу дня, весь продрог и проголодался. Когда начали кататься пассажиры, я тоже хотел прокатиться, но билетов не продавали, а катали отличников учебы. В то время я еще не был отличником и твердо решил, что буду, и скоро стал отличником.

С тех пор каждый день после уроков я шел на площадь. Приду, бывало, стою у паровоза и все расспрашиваю, разглядываю. Но как-то раз я пришел, смотрю: ни станции, ни депо, ни рельсов. Я очень удивился: куда девалась дорога? Но ничего не узнал и ушел огорченный. Потом оказалось, что дорога не пропала. По просьбе школьников Красноярска ее перенесли в парк культуры и отдыха. И вот летом появились афиши о том, что дорога будет открыта 12 июня. А я к этому времени уже постарался поступить помощником машиниста в депо. Это было три года тому назад. Уже на следующий год я был машинистом. В моей работе было много интересных случаев.

Один был такой. К нам на дорогу приехали кинооператоры. Во время киносъемки поезд поручили вести мне. Я сел на паровоз, а помощником был мой товарищ Гена Матонин. Взялся я за регулятор, чтобы включить пар, а регулятор не открывается, как я ни старался. Тогда мне стал помогать Гена, но у него сорвалась рука, и он больно стукнулся о крышу паровозной будки (так как наш паровоз маленький, мы сидим на тендере, и наши головы выше будки).

Снова я взялся за регулятор и снова попытался его открыть. Регулятор жег руки и никак не хотел открываться. Не знаю, сколько бы еще мы его открывали, если бы не пришел нам на помощь инструктор.

Был еще такой случай. В день своего дежурства я пришел пораньше, растопил паровоз, смазал, ну, словом, сделал все, что требуется. Получаю распоряжение выезжать под состав. Открываю регулятор, а паровоз ни с места, стоит, как вкопанный. Я туда, я сюда, а он все не двигается. Тогда побежал я за инструктором. И что же оказалось? Рычаг, который служит для перемены хода назад и вперед, стоял на центре, что значит — давление пара в цилиндрах уравновешено. Поэтому паровоз и не трогался с места. Пока я понял, в чем дело, раз десять вспотел.

Это было тогда, когда я еще не привык к работе, нетвердо знал паровозное дело. Теперь таких вещей со мной никогда не случается.

А еще был такой случай. Ясный, солнечный день, на небе ни облачка. Поезд пошел в первый рейс. Тихо кругом. Нарушают тишину только равномерное пыхтение паровоза да порой сирена автомобиля, проходящего по улице за оградой парка. Выезжаю я из-за поворота, гляжу: от поезда метрах в пятидесяти поперек линии лежит огромная плаха. «Ну,— думаю,— сейчас будет крушение». А сам вспоминаю свое обещание работать без аварий. Принимаю срочные меры к остановке. Даю контрпар, и у самой плахи паровоз останавливается. За это я получил благодарность от инструктора.

Однажды было так. Ехал я с машинистом Витей Лобанцовым. Выезжаем из-за поворота, глядим: около линии копошится путевой обходчик, Шура Капустин. Мы смотрим на него, а он на нас. Потом вдруг Шура вскочил, быстро схватил красный флажок, замахал руками, а сам кричит:

— Колесики соскочили, колесики соскочили!

Мы, не понимая в чем дело, останавливаем поезд. Сошли с паровоза, смотрим: оказывается, соскочили с рельсов бегунки.

После работы Витя подошел к Шуре, поблагодарил за внимательность и сказал:

— Шура, а колесики эти называются бегунками, или передними поддерживающими.

Нашей дороге три года, четвертый. И уже в 1938 году на ней работало 120 человек — лучшие отличники городских и транспортных школ. Все мы взяли на себя обязательство работать без аварий и очень хорошо выполнили это обязательство. У нас есть очень хорошие, образцовые работники. Начальник станции «Октябренок» Валя Пуделкина окончила учебный год только с отличными отметками, получила похвальную грамоту и была премирована путевкой на экскурсию в Ленинград. Валя на дороге работает два года.

Лучший кондуктор, Тома Лебедева, любит свою работу. За все время работы она не имеет ни одного опоздания, ни одного прогула. С пассажирами Тома обращается вежливо, заботится о них. Она вежливо усаживает их в вагоны, следит за ними. За отличную работу Тома имеет благодарность от начальника станции.

Один из лучших стрелочников — Толя Яковлев. Стрелка у него всегда в чистоте и в исправности.

Но больше всего ребятам хочется изучать паровоз. И сейчас у нас есть свои подготовленные машинисты. Лучшие из них — Витя Лобанцов, Валя Плаксин, Саша Тропин и Нина Закирзанова.

За отличную работу группа наших машинистов получила разрешение сделать поездку на большом, настоящем паровозе по большой настоящей дороге.

Нас было двенадцать. Сначала поехали шесть человек: три человека на станцию Клюквенная и три — на станцию Чернореченская. Было солнечное утро. Мощный красавец-паровоз серии «ФД» стоит под составом, готовый к отправлению. Три юных машиниста, в том числе и я, должны вести его.

Впереди зажигается зеленый огонь светофора. Машинист дает свисток, паровоз медленно трогается и, увеличивая скорость, постепенно удаляется от залитого солнечным светом Красноярска. Нам очень весело, и мы то и дело выглядываем из окна. На переездах паровоз деловито дает свистки.

В этой поездке на настоящем паровозе мы узнали много нового: например работу стокера (механического кочегара). Домой возвращались на другой день вечером и, когда подъезжали к Красноярску, мы смотрели на огни города, и нам не терпелось поскорее увидеть своих товарищей и рассказать им о своей поездке. Ведь это была большая честь — вести настоящий паровоз!

От поезда метрах в пятидесяти поперек линии лежит огромная плаха...

Прощальный костер*

Стихи Маруси Плаховой *Рисунок Джона Агаяна*

...Сегодня бархатный купол глубже
И как-то особенно звезды блещут.
И, с небом сливаясь, безбрежное, тут же
Раскинулось море и тихо плещет...
И вечер сегодня лазурные крылья
Над берегом, нежно ласкаясь, простер.
И огненной пылью, горячею пылью
Горит наш последний, прощальный костер.
И ветки сухие, ломаяся с треском,
Недолгий с огнем завели разговор.
И кажутся строже при огненном блеске
Вечерние тени на выступах гор.
И мысли несутся у нас далеко
К тому, кого знает земля.
И с мудрой улыбкою ласковый вождь
За нами следит из Кремля.
Прощальный костер... Мы разъедемся скоро
К простору широкому рек,
От теплого моря к холодным озерам,
Но мы не забудем Артек.
Разъедемся скоро, и к снегу и к стуже,
Но пальмы запомним мы шопот.
Навеки в Артеке связала нас дружба
И моря ласкающий рокот.
И южные песни споем мы повсюду,
И всюду нас встретит простор...
А я, никогда я тебя не забуду,
Последний, прощальный костер!

* Из стихов присланных на конкурс в Центральный дом художественного воспитания детей.

Как мы спасли Нолика

Письмо Шуры Балух

(г. Комсомольск)

Рисунки Инны Дунаевой

(Москва)

Ко мне приехали из города двое моих товарищей — Лева и Нолик — и сразу начали меня просить пойти с ними в тайгу. Покушав, мы стали собираться. Я надел резиновые сапоги, захватил на всякий случай перочинный ножик, и мы пошли.

Мы стали собираться.

Пройдя километра два, мы свернули направо и стали подниматься на сопку, где росли почти одни осины. Мы решили собирать пока подосинники, а потом уже боровики, маслята, лисички, шампиньоны и другие грибы. Возле ручья мы спугнули зайца, и он стремглав удрал в кусты. Попив воды из родника и отдохнув, мы принялись за дело.

Кошолочки наши быстро наполнялись. Собирая грибы, мы разбрелись. Я поднялся выше всех, Лева был недалеко от меня, а Нолик — метрах в десяти от нас. Вдруг я услышал резкий испуганный крик Нолика:

— Змея!

Я схватил палку и бросился к Нолику, но змея уже заползла в кучу валежника. Это была наредкость черная и большая — метра в полтора длиной — змея.

— Она меня укусила! — еще более испуганно закричал Нолик.

Я думал, что он шутит, но, увидев на его лице испуг и слезы, бросился к нему.

Я когда-то слышал от охотников, что нужно делать при укусе змеи, и быстро принялся за дело. Мы с Левой побросали свои кошолочки с грибами, взяли на руки Нолика и понесли его к ручью. Надо было перевязать ему ногу, но чем? У нас не было ни ремня, ни веревочки. И тут мой взгляд упал на Леву. Он был в коротеньких штанах с лямками.

— Снимай живей! — почти крикнул я, указывая на штаны.

Лева моментально сбросил штаны, оставшись в трусиках.

Посадив Нолика на пень и оторвав лямки, мы принялись перевязывать ему ногу. Перевязали в двух местах: чуть выше щиколотки и ниже колена. Укус остался посредине перевязок. Сделав это, я сказал, чтобы Нолик опустил ногу в ручей. Нога быстро пухла. Из ранки вместе с кровью выходил яд. Но Нолик стал жаловаться, что ему становится все больнее и больнее. Тогда мы взяли его на руки и побежали что есть мочи домой.

Нолик с Левой на катере уехали в город.

Нолик остался жив. В больнице сказали, что мы правильно перевязали ногу, а то Нолик мог бы умереть.

Посадив Нолика на пень, мы принялись перевязывать ему ногу.

Мы пулеметчики!

В. Троцюк
(Смоленск, 9-я школа)

— Можно записаться в военный кружок? — обратились мы к пионервожатому Дома пионеров Виктору Семеновичу Пашину.

— А в какой бы кружок военного отдела вы хотели? — спросил он нас.

— В стрелковый,— выпалили мы.

— В стрелковом нет больше мест, а если хотите, можете записаться в пулеметный,— посоветовал он.

— Ну, давайте в пулеметный,— немного разочаровавшись, согласились мы.

— Зайдите в выходной день, в одиннадцать часов утра.

И вот подошел выходной день. Встал я рано, еще было темно. Оделся, умылся, покушал и стал ждать Виктора Кулаженкова: мы условились, что он зайдет за мной в 10 часов. Но еще не пробило и 9, как слышу стук. Открываю дверь — и... вижу передо мной стоит Виктор.

— Чего так рано? — спрашиваю я.

— Знаешь, не утерпел,— признался он.

Ровно полдесятого мы вышли из дому. Шли, как нам показалось, очень медленно, но когда подошли к Дому пионеров, то удивились: на часах городского телеграфа было без 5 минут 10. Мы не поверили часам и пошли в Дом пионеров узнать, сколько времени. Часы оказались правильными, в Доме никого, кроме уборщиц, еще не было, и нас попросили погулять в саду, пока дом уберут. Нехотя мы вышли из этого прекрасного здания и уселись на первой попавшейся скамейке.

Постепенно стали собираться ребята из других кружков. Среди них было много наших знакомых. С некоторыми из них мы заговорили насчет пулемета.

— Игорь! Ты видал когда-нибудь пулемет? — спросил Виктор.

— Еще бы! Я даже за него держался. Будь уверен — надежная машинка! — похвастался Игорь.

В 10 часов 45 минут нас позвали на занятие кружка. Мы, робея, вошли в кабинет оборонного отдела. Тут мы увидели столько разных приборов и вещей, что у нас разбежались глаза. Среди военного имущества мы увидели два пулемета: один из них, «максим», знакомый нам по кинофильмам «Чапаев», «Федька», и другой, маленький, на двух ножках, с каким-то кругом сверху. Как мы потом узнали, это был легкий ручной пулемет системы Дегтярева. Мы издали стали их рассматривать, но наш руководитель Иосиф Иванович Гиро заметил наше смущение и пригласил поближе ознакомиться с пулеметами. Были здесь и ребята, которые раньше изучали пулемет. Они пользовались всеобщим уважением и вниманием. Им беспрерывно задавали вопросы. В наших глазах они были настоящими героями. Теперь мы уже не жалели, что записались в этот кружок. На первом занятии мы познакомились с программой нашего кружка и решили стать лучшими пулеметчиками Дома пионеров. Всего в кружке было около тридцати человек. Сначала мы изучили материальную часть ручного пулемета системы Дегтярева. После каждого занятия мы все больше и больше узнавали о пулемете, все больше и больше интересовались им. Мы везде разговаривали только о пулемете. Спрашивали один другого, какая это часть, как называется, и т. д. Материальную часть мы с Виктором сдали на «отлично». Воодушевленные таким успехом, решили поделиться нашей мечтой насчет «лучших пулеметчиков» с Иосифом Ивановичем.

— Ну что ж? — ответил нам он.— Я охотно вам в этом помогу!

Нашей радости не было конца.

На следующих занятиях мы стали проходить сборку и разборку пулемета. Нам было разрешено под наблюдением Иосифа Ивановича самостоятельно тренироваться в этом. Помню первые наши результаты: разборка — 2—4 минуты, сборка — 8—10 минут. Когда кто-нибудь из ребят разбирал

или собирал пулемет, все хотели сразу показать свои знания и старались поправить ошибку своего товарища. Но когда выходили сами, то терялись и... ничего не могли сделать.

После каждой очередной тренировки мы собирали пулемет быстрее, хотя уже давно перегнали норму в два — три раза, установленную для бойца Красной Армии. Испытания мы сдали отлично и поэтому получили звание инструкторов стрелкового пулеметного дела.

Иосиф Иванович предложил нам вести кружки при Доме пионеров. Мы охотно согласились. Как сейчас помню первое мое занятие.

Ребята были разных классов и разных возрастов, зачастую даже больше нас. Но мы этого не боялись. На первых уроках ребята разглядывали нас с любопытством и, наверно, думали:

«Что могут они нам дать полезного? Может, они сами ничего не знают?»

Но они ошибались: в своих знаниях мы были уверены. Правда, были и такие случаи, когда мы не могли достаточно точно и быстро ответить на какой-нибудь вопрос. Мы просили этот вопрос задать нам после занятия и уж тогда отвечали вполне точно. На испытаниях ребята — наши ученики — хорошо отвечали на все вопросы.

Вот стоит у пулемета Владимир Платонов. С виду он совсем маленький, но пулемет знает лучше всех. Он спокоен.

— Скажи, Платонов, для чего на стволе имеется ребристая поверхность? — задает вопрос Иосиф Иванович.

— Ребристая поверхность для того, чтобы увеличить площадь охлаждения пулемета,— без заминки отвечает Платонов.

— А как газы приводят пулемет в движение?

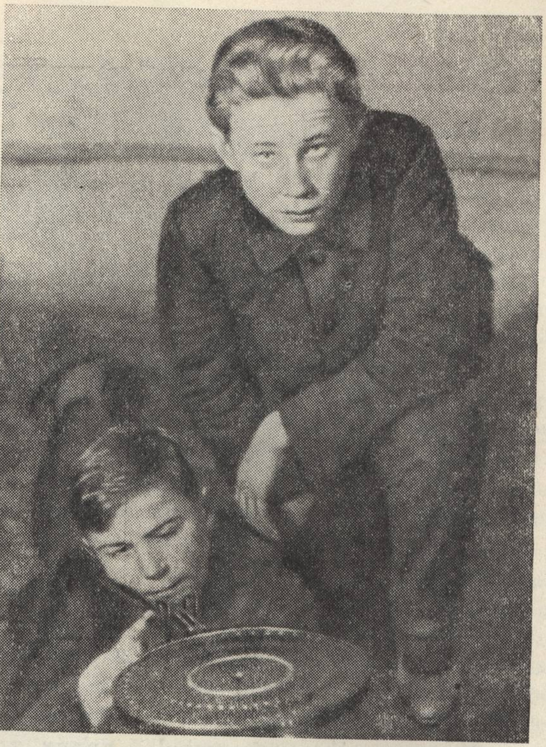
Опять точный ответ.

И так на все вопросы.

— Садись, Платонов. Отлично!

Не один Платонов, а многие отлично усвоили пулемет.

Сейчас мы проходим практическую стрельбу из боевого пулемета и сдаем нормы на значок «ворошиловский стрелок» II степени.

Виктор Троцюк обучает стрельбе из пулемета.

Помню первую свою стрельбу из пулемета. Мы стояли перед пулеметами, ожидая команду. Пулеметы проверили, цель отыскали, все в порядке. Раздалась команда, каждый кинулся к своему пулемету. Я быстро втянул ленту, зарядил на автоматическую стрельбу, прицелился, закрепил пулемет и жду команду «Открыть огонь!» Чувствую, как дрожат пальцы, но я крепко уцепился за ручки, одним пальцем приподнял предохранитель, другой держу на спуске. Раздалась команда. Почувствовал только, как меня сильно дернуло, потом немного потрясло, но глаза от прицела я не оторвал и заметил, как моя мишень с мишенями других товарищей дрогнула, а потом упала, пробитая пулями.

Вот как мы работаем в пулеметном кружке. И мы решили, окончив восьмой класс, пойти в одно из бронетанковых училищ. Хотим, как наши старшие товарищи, на грозных боевых машинах защищать наши рубежи от врагов.

Ползком на животе лиса подкрадывалась к сороке.

Случай на горе

Рассказ и рисунки Шуры Примаченко
(Запорожье)

— Быстрее, Коля, быстрее! — кричу я, скользя лыжами по свежему, рыхлому снегу.— Не отставай!

Впереди нас, по белому полотну, широкой свинцовой полосой тянется скованный льдом Днепр. Морозный воздух покалывает щеки как иголками, щиплет в носу. Но мы этого не замечаем.

На противоположном берегу Днепра видны заросли острова. Они коварно манят нас вглубь. И мы двинулись вперед, весело болтая.

В зарослях острова все развлекает: стук дятла, карканье ворон, чуть слышный свист синиц, стрекотанье сороки... Уток, гусей и других птиц зимой на острове нет. Они улетели в теплые края.

День только что просыпался, морозный и тихий. Ясное солнце поднималось далеко за лесом, на обрывистом берегу Днепра, и его розоватый свет стелился по снегу. Как заколдованные стояли заросли острова, покрытые пушистым снегом и белым инеем. В них было тихо, холодный воздух от сильного мороза казался недвижимым. Мы приехали на остров поискать следы зверей, понаблюдать за жизнью в озере и сделать несколько зарисовок. Это очень интересно!

Мы прорубили полынью и улеглись на зеркальном льду, внимательно всматриваясь в прорубь. Почти по самому дну лениво сновали красноперки, серебристая густыря. Несколько черных водяных жуков медленно подплывало к полынье, но тотчас же опускалось на дно. Как видно, дно озера — самое теплое место, а ближе ко льду вода холоднее, и уже никаких жучков и рыбок в ней не плавает.

— Шура, смотри, лиса! — вдруг неожиданно прервал наши наблюдения Коля.

— Где ты увидал тут лису? — недовольно спросил я.— Слепой курице все — пшеница.

— Сам ты курица! — обиделся Коля.

— Ну что, это не лиса? Смотри!

И действительно шагах в сорока от озера лиса ползком на животе подкрадывалась к сороке, сидевшей на старом пне. Лиса не видела нас.

— Давай ее окружим,— шопотом сказал Коля.

Как мы ни старались подкрасться незаметно, ничего не вышло: заметила нас

лиса и бросилась бежать. Мы не успели опомниться, как она исчезла из виду.

— Вперед! — крикнул я.— По следу мы ее найдем. Она нас к норе приведет, а там она и наша.

Мы бросились преследовать лису. Пересекая путаный узор мелких мышиных следов, ровно, как по линейке, бежала лиса. Но дальше след несколько раз прерывался, и мы его теряли. А потом снова обнаруживали уже в нескольких метрах от того места, где он кончался. Как видно, лиса делала большие прыжки, пытаясь скрыть след.

Вдруг след неожиданно свернул к горе. Гора эта большая, она занимает почти весь остров. У подножья ее, вверх по склону, растут уродливо изогнутые огромные дубы, осокори, кустарники, переплетенные диким виноградом. Чем ближе мы подъезжали к горе, тем труднее становился путь: лыжи натыкались на деревья и кустарники.

Взобравшись наверх, мы направились по следу, который тянулся вдоль горы.

— А вот и нора! — радостно воскликнул Коля.— Теперь не уйдешь... Мы тебя как комара выкоптим.

— А ну-ка, покажи, где нора? А, вот она... Вижу.

На обрывистом скате горы, около огромного дуба, чернела нора.

Нагнув ветку дуба и усевшись на нее. Коля принялся расчищать снег вокруг норы, а я отправился ломать сухие ветки для костра. Долго мне не удавалось развести костер, но в конце концов ветки затрещали, зашипели, и приятный, теплый запах дыма ударил нам в ноздри.

— Ты, Шура, не очень сильно бей лису, когда она выскочит, — предупредил Коля,— ты ее только прибей.

— А ты, смотри, тоже ворон не лови,— сказал я.— Как только я оглушу лису, так ты сразу бросайся на нее.

Получив новую порцию сырых дров. костер очень сильно задымил. Коля закашлялся от дыма. При этом ветка, на которой он сидел, вдруг с треском обломилась. В этот же миг сквозь дым стрелой вылетела лиса и, перепрыгнув через Колю. который кубарем катился с горы, исчезла в камышах.

Эта сцена так быстро разыгралась, что

В этот миг сквозь дым стрелой вылетела лиса и, перепрыгнув через Колю, исчезла в камышах.

я только успел заметить ноги Коли, которые описали полукруг в воздухе, и лису.

Все стало снова попрежнему тихо, только издали доносилось карканье ворон.

Но где же Коля? Посмотрев вниз, я увидел утопающего в снегу Колю. Как видно, он попал в занесенный снегом овраг и не мог выбраться.

Рискуя наскочить на дерево и поломать лыжи, я помчался с горы спасать товарища.

— Коля, не двигайся! — крикнул я.

Возле занесенного оврага рос дуб. Я быстро снял лыжи и полез на дуб. Добравшись до длинной ветки я повис на ней. Ветка нагнулась над Колей. Схватившись за ветку, он выбрался из оврага.

Мы смеялись, отряхивая снег.

— А это еще что за воздушный бой? — Коля показал вверх.

Зловеще каркая и сильно хлопая крыльями, вороны преследовали ястреба, державшего в когтях жертву. Ястреб пытался защищаться, но был беспомощен против целой стаи ворон. Вокруг него кружилось облако перьев. Ястреб был побежден. Широко раскрыв крылья, он бросился вниз и скрылся в камышах.

Спотыкаясь о пни и ломая на своем пути

Ястреб бросился вниз и скрылся в камышах.

камыши, мы бросились на хищника. Первым долгом выдрали из когтей несчастную синичку, а ястреба посадили в сумку.

— Синичку мы вылечим,— сказал я.— а ястреба выучим ловить мышей.

— И крыс,—добавил Коля,—будет вместо кошки.

Надев лыжи и сделав несколько зарисовок, мы отправились домой. А дома мы узнали, что выкуривать лис из нор запрещено.

На выборы. *Рисунок Гр. Герасимова*

НАША ЖИЗНЬ

„Что случилось в классе“

Обсуждаем статью Жоры Миллер, напечатанную в № 9 нашего журнала.

Где дружба, там и сила

По-моему, ребята, о которых пишет Жора Миллер,— просто трусы. У них нет крепкого коллектива, и потому у них так все плохо выходит.

Один хулиганит, а все — ни-ни. Боятся, как бы им не «набили морду».

Между прочим, у нас на Украине есть хорошая поговорка: «Де спилка, там и силка».

Мне кажется, что если бы у ребят этого класса была крепкая организованность, то тогда у них была бы большая «силка» (сила). и Женя Милов не боялся бы Сережу. Да и Сережа, пожалуй, не стал бы делать такую пакость: постыдился бы. А так, когда ребята смолчали, Сережа думает, что его поступок поощряют, и если бы учитель не вышел из класса, то, наверное, Сережа стал бы героем дня.

А в самом деле, если бы Женя сказал учителю о Сереже, было бы очень хорошо.

Мне кажется, что в классе нашлись бы сознательные ребята, которые заступились бы за Женю.

Харьков

Валя Солодовников

Класс против грубиянов

Я прочитал интересную статейку Жоры Миллер «Что случилось в классе»

Очень неприятная история получилась.

В нашем классе была история, похожая на эту, но у нас она подругому кончилась.

К нам в этом году прибыло много новых учеников, но остались и старые.

Был урок немецкого языка. Цецилия Станиславовна вызвала новую ученицу, Пашу Ткаченко. Оказалось, Паша урока не знает.

Учительница слушала, слушала и сказала:

— Садись, плохо.

— Подумаешь,— спокойно сказала Ткаченко.

— Ты же ничего не знаешь,— ответила ей учительница.

— Ты сама ничего не знаешь,— грубо ответила опять ей ученица.

Мы возмутились таким поведением Ткаченко. Как она посмела сказать «Ты ничего не знаешь» на учительницу. На стороне Ткаченко никого не оказалось, все были против нее, и она это почувствовала. А разве это класс, если все знают про дерзкое поведение ученика и молчат, как Гаврик Азиров, Нина Шевякова и Толя Зибов?

Ведь Сережа Борисов сам не посчитал себя виноватым, а класс промолчал.

Нехорошо поступил Сережа и остальные его товарищи.

Гор. Черкасск

Вася Асеев

Анна Шуляк

„Доктор от товарища Сталина"

18 апреля этого года у меня заболела единственная дочь Ниночка. Утром я ушла в райисполком и оставила ее играть с ребятами, а когда вернулась, Ниночка уже лежала в кровати. И я сразу почувствовала, что Нина заболела серьезно. Все врачи нашего города побывали у нас дома, но ничего не могли сделать. Они не смогли установить диагноза, хотя девочка жаловалась на боль в ухе. Болезнь у Нины была такая, что даже старые, опытные врачи не встречали такой болезни.

Уже 20 апреля ребенок был в безнадежном состоянии, врачи подозревали, что у Нины тяжелое воспаление мозга.

Дочка отказывалась есть и много спала. Если ее не разбудить, она могла спать и день, и два, и три. Я не отходила от кроватки и через каждые три часа будила ее. Она просыпалась, но глаз не открывала. Я видела, как у меня на глазах ребенок чахнет, тает, а поделать ничего не могла. И вот в эти минуты горя и отчаяния у меня вдруг мелькнула мысль обратиться за помощью к товарищу Сталину.

Я хорошо понимаю, что для оказания помощи больным существуют у нас органы здравоохранения, что это их дело — посылать врачей к больным людям, но единственным человеком, в помощь которого я в те минуты верила, был Сталин. Я кинулась на телеграф и торопливо написала на бланке: «*Дорогой товарищ Сталин, умирает моя единственная дочь. Умоляю спасти и выслать профессора*».

Вскоре к нам приехал из Киева педиатр, а на следующий день несмотря на распутицу из Чернигова на легковой машине приехал другой доктор.

Течение болезни потребовало специалиста по ушным болезням. Ребенок был без сознания, и я снова послала молнию в Кремль:

«*Родной товарищ Сталин, умирающему ребенку Шуляк необходим специалист ушным болезням. Помощи нигде не найду помогите спасти ребенка*».

Ровно через три часа к нам в комнату вбежал посыльный с почты:

— Вам телеграмма из Москвы,— сказал он.

«*К вам выслан специалист*,— плача от радости читала я.— *Известите выполнение и состояние здоровья ребенка*».

Нужно ли говорить, что переживала я в те минуты. Бодрость вновь вернулась ко мне. «Ну, теперь моя девочка будет жить»,— думала я.

Через несколько часов тот же посыльный принес мне вторую телеграмму. Она была из Киева:

«По распоряжению Сталина к вам вылетел на самолете врач».

В какой другой стране возможна такая забота о человеке!

Чтобы спасти жизнь ребенка, вождь распорядился послать на самолете врача и просил доложить ему о состоянии здоровья ребенка.

Нина Шулян.

В нашем городке до этого никогда не садился самолет. Поэтому прилет самолета был большим событием. Кто-то сказал, что для того, чтобы самолет сел, нужно выложить на земле из белого полотна большую букву Т. Узнав об этом, ребята помчались домой, взяли, что им попалось под руку — полотенца, простыни,— и принесли их к предполагаемому месту посадки самолета. Выложили посадочный знак. Вскоре показался самолет. Летчик, конечно, заметил толпу людей и полетел прямо на нас. Покружился два раза и сел. Из самолета вышел врач и сказал:

— Немедленно везите меня к больному ребенку.

Опытный врач сделал Нине операцию, и ей стало лучше. Моя дочурка начала разговаривать — до этого она двенадцать дней не говорила,— стала кушать, на лице появился румянец.

Над кроваткой Нины я повесила портрет товарища Сталина. И теперь, кто бы к нам ни пришел, Ниночка всем показывает на портрет и говорит:

— Это дядя Сталин, который мне прислал доктора.

Скоро моей Нине будет три года. Смотрю я на Нину и стараюсь представить себе ее большой, лет так через десять. Шагает моя Нинуся с портфелем в руке в школу, а на груди у нее пионерский галстук!..

«Спасибо товарищу Сталину за счастливое, радостное детство!» — вместе со своими подружками будет говорить Нина.

Счастливая ты у меня, Нина, что родилась и живешь в Советской стране!

УССР, город Кролевец.

„Архимед“ Вовки Грушина

Юрий Сотник

Рис. Б. Винокурова

Я решил писать эти мемуары потому, что когда Вовка станет знаменитым, они будут представлять большую ценность для всего человечества.

Я сам лично принимал участие в испытании одного из вовкиных изобретений. Мне за это здорово нагорело от матери и пионервожатых.

Началось все это так. Андрюша, Галя и я готовились к экзаменам по географии. Мы сидели в комнате у Андрюши. Нам очень не хотелось заниматься. За окном было лето, выходной день, на карнизе у подоконника прыгал воробей и чирикал, точно желая завязать с нами знакомство. Но мы даже внимания не обращали на воробья. Мы наваливались животами на стол, жмурились от солнца, бившего в окно, да только и знали, что спрашивали друг у друга названия союзных и автономных республик.

Вдруг раздался звонок. Через несколько секунд с треском распахнулась дверь нашей комнаты. Пошатнулась этажерка, полетел на пол стул. Воробей в панике бросился прочь с подоконника. Это пришел Вовка Грушин. Прищурив близорукие глазки, он громко спросил:

— Готовитесь?

Маленький, востроносый, со стриженой под первый номер головой, на которой поблескивали от солнца отдельные волоски, Вовка смахивал на воробья, мешавшего нам заниматься. Галя сердито уставилась на него и очень строго ответила:

— Да, готовимся.

— А я не готовлюсь, — сказал Вовка.

— Ну и провалишься, — буркнул Андрюша.

— А мне некуда больше проваливаться: я и так уже засыпался по трем предметам. Все равно сидеть второй год.

Галя так и заерзала на своем стуле:

— И он еще радуется!..

Вовка вздернул острый, успевший загореть и облупиться нос:

— А ты почем знаешь? Может, мне стоит потерять один год.

Галя оперлась локтями о стол, схватила себя за уши и опять уставилась на Вовку:

— Это ради чего же стоит?

— Ну хотя бы ради одного изобретения.

— Какого?

Вовкино лицо стало непроницаемым, как у Будды:

— Это тайна.

У Вовки что ни изобретение, то роковая тайна. Мы знали это и не стали расспрашивать. Он ходил по комнате взад и вперед с возбужденным видом:

— Я к вам на минутку. Андрюшка, дай мне твои плоскогубцы: мои сломались. Это, понимаешь, — такое изобретение, такое изобретение... Огромное значение для военного дела. Я сегодня еду на дачу... буду там работать. Чорт, средств не хватает! Я три месяца в кино не ходил: все копил средства. Вот увидите: все газеты будут кричать. Где достать лампочки для карманного фонаря? Не знаете? Жаль. На этой штуке можно будет хоть вокруг света объехать...

— Самолет? — спросил Андрюша, передавая Вовке плоскогубцы.

— Самолет!... Индюк ты... Получше будет... Я за это лето построю...

Тут он вспомнил, что это тайна, и прикусил язык. Галя спросила его с надеждой:

— А тебе, наверное, здо-орово попало за то, что ты остаешься на второй год?

— Попало, конечно. Эдиссону тоже кое за что попадало. Главное, не надо никакого топлива. Ну пока, товарищи! Масса дел. В лагерь едете? А я не поеду. Родные посылали, а я наотрез отказался.

— А за это попало? — спросила Галя.

— Попало, — отвечал Вовка. — Только я все равно отбрыкался. В лагере мне нельзя работать.

— А в техкружке?

— Мура! В техкружке всякие модельки строят, а у меня мировое дело. Ну пока! Пошел. Зато мы сняли дачу в двух километрах от лагеря. Буду заходить. Только не треплите никому: это — такое дело, такое дело...

Размахивая руками, Вовка пятился к двери, пока снова не наткнулся на этажерку, на этот раз так сильно, что с нее упал гипсовый бюстик Архимеда. Вовка подхватил его на лету.

— Это кто? — спросил он.

— Архимед, — ответил Андрюша.

— Архимед... Архимед... Славная у него морда, у Архимеда! О, вы увидите! Скоро это имя станет известно всему миру.

Вовка скрылся. Галина постукала себя карандашом по лбу и посмотрела на нас.

Как только наступили каникулы, мы переехали в лагерь. Мы прожили там десять дней, а Вовка не появлялся. Только на одиннадцатый день мы встретились с ним при загадочных обстоятельствах.

На маленькой речке возле лагеря у нас имелись две плоскодонных лодки. Наши техкружковцы переоборудовали их в крейсер «Аврору» и линкор «Марат». С боков у лодок были сделаны гребные колеса, приводимые в движение руками. На носу у каждого судна возвышалась броневая башня из фанеры, вмещавшая одного человека, если сидеть на корточках.

Мы часто устраивали морские сражения. Происходило это так: человек восемь занимали места на «Авроре» и десяток — на «Марате». Все вооружались жестяными кружками (легкая артиллерия), кроме того на обоих кораблях имелось по одному тяжелому орудию — ведру.

Река возле лагеря была неглубокая, не больше метра глубины. Суда маневрировали друг возле друга, ребята черпали кружками воду и выплескивали ее в противника. Каждую секунду восемнадцать кружек воды выплескивалось в лодки. На обоих берегах орали ребята, разделившиеся на «красных» и «синих». Наконец, одна из лодок, наполненная водой, шла ко дну. Экипаж ее, фыркая, выбирался на берег. Тогда деревянный линкор (или крейсер) всплывал, и его уводили победители.

В тот день я был на «Авроре». «Марат» подошел вплотную и взял нас на абордаж. После ожесточенной схватки шестеро из нас оказались за бортом. В «живых» остались только Галка и я. Мы бросились удирать. Голосящий «Марат» следовал за нами метрах в пяти. Я вертел колеса так, что от меня пар шел. Толстуха Галка пыхтела на корме и плескала из кружки, стараясь угодить в лицо капитану «Марата».

Вдруг на «Марате» появилась длинная веревка. Неприятель сделал из нее петлю и накинул ее на плечи Галке. Та заверещала. Не разобрав, в чем дело, я завертел колеса еще быстрее. Галина, конечно, выбыла из строя. Только брызги полетели.

Подошел «Марат». Капитан его заявил, что арестует меня. Маратовцы подтянули на аркане Галину и втащили ее к себе.

— Все в порядке, — сказал капитан. — Задний ход!

Но тут нам показалось, что кто-то продолжает плескаться у борта. Я оглянулся. Это был Вовка Грушин. Он плевался во все стороны и тихонько ругался. В руках у него была бичевка с грузом на конце.

— Вовка, ты откуда?!

— Из воды,— ответил он.— Вы меня сбили с моего плота. Во-он мой плот. Догоните его.

По речке медленно плыли два плохо связанных бревна.

«Марат» подошел к лагерю, таща на буксире «Аврору» и вовкин плот.

— Линейным кораблем «Марат» под моей командой захвачено неприятельское судно «Аврора» вместе с остатками экипажа. Кроме того арестована подозрительная личность, разъезжавшая вдоль побережья на двух бревнах будто бы с целью исследования фарватера, — рапортовал капитан «Марата» начальнику штаба «синих».

Старший вожатый Леля поманила Вовку к себе:

— Ну-ка, подозрительная личность, подойди сюда.

Вовка подошел. Их окружил почти весь лагерь.

— Скажите мне, подозрительная личность: вы, кажется, живете недалеко от лагеря?

— Два километра.

— А можно узнать, почему вы забыли о существовании своего отряда?

— Я не забывал. Я просто очень занят.

— Чем, позвольте спросить?

— Я работаю над большим изобретением. Я, Леля... Я, понимаешь... Нет, ты ничего не понимаешь.

— Да, я не понимаю, — серьезно сказала Леля, — я не понимаю, почему надо становиться отшельником, когда что-нибудь изобретаешь, почему не работать в техкружке над своим изобретением, почему надо отделяться от своих ребят, с которыми столько лет учишься вместе. Ну скажи мне: что это за изобретение?

Вовка оттянул резинку промокших оранжевых трусов и щелкнул ею себя по животу:

— Это тайна.

Ребята захихикали.

Леля хотела удержать его, но он ушел, пообещав придти надням.

★

Прошло две недели. Вовка не появлялся. Однажды на костре о нем поставили вопрос. Говорили, что он отошел от коллектива, говорили, что он увлекается всевозможными фантастическими проектами, и еще многое говорили и, наконец, постановили снарядить для розысков Вовки экспедицию, которая должна доставить его в лагерь для разговора. Экспедицию составили из Галки и меня, потому что мы самые близкие его приятели.

На другой день, утром, мы запаслись бутербродами и тронулись в путь. Мы должны были обследовать три поселка. Но нам повезло: в первом же поселке, в саду одной из дач, мы увидели развешенные на ветке березы оранжевые вовкины трусы и, войдя на веранду, нашли там его маму. Увидав нас, она еще издали закричала:

— Наконец-то, соблаговолили пожаловать! Владимир у них целыми днями пропадает, а они даже носа не покажут...

Мы переглянулись с глупым видом. Я начал было:

— Как?.. А разве?..

Но Галка ущипнула меня. Окончательно ничего не понимая, я замолчал.

— Что же он у вас там делает? — спросила вовкина мама.

Галина, размахивая руками, понесла какую-то чепуху:

— Да-а... вообще... Вы же знаете... у нас там очень интересно... Игренные выгры.. То есть, я говорю, военные игры и все такое, вообще...

Вовина мама как-то странно на нас посмотрела и предложила нам земляники с сахаром, но мы поблагодарили ее и ушли.

Возвращаясь в лагерь, мы долго шли молча. Наконец, Галка сказала:

— Факт. Вовка говорит родным, что он уходит в лагерь, а сам идет работать над своим изобретением.

Не успела она это сказать, как в конце просеки, по которой мы шли, показался Андрюша. Он быстро семенил навстречу нам. Губы его были оттопырены еще сильней чем обычно, а большие глаза широко открыты. Он подошел к нам и сказал отрывисто:

— Вышел вам навстречу: получил письмо от Грушина.

Я взял у Андрюши помятый конверт. Мы сели на краю дороги, свесили ноги в канаву и стали читать:

«Андрюшка!

Я пишу тебе, Сережке и Галке как своим близким друзьям. Пятнадцатого числа, в полночь, решается моя судьба: я испытываю свое изобретение, на которое истратил все свое состояние и ради которого остался на второй год. Мне нужна ваша помощь, и если вы мне друзья, вы мне не откажете. Возьмите свои броненосцы и ровно в полночь пятнадцатого числа приезжайте на то место, где мы с вами столкнулись. Пароль «Архимед». Если вы мне друзья, вы это сделаете. Если вы кому-нибудь проболтаетесь, это будет подлость с вашей стороны.

Грушин».

Прочтя письмо, мы долго молчали. Потом Андрюша, уставившись на пенек, торчавший на противоположной стороне канавы, проговорил:

— А вдруг опять ракетный двигатель?

Это Андрюша вспомнил историю с моделью ракетного автомобиля. Когда мы навещали Вовку в больнице, он нам объяснил, что взрыв произошел из-за ошибки в конструкции, и обещал перепроектировать автомобиль.

Долго мы сидели под ветками сосны у придорожной канавы, шевелили зажатыми в зубах травинками, как тараканы усами, и думали, как быть. Удрать из лагеря ночью — за такое дело можно вылететь из отряда. Разболтать вовкину тайну — большая подлость. Мы вспомнили, как Вовка говорил, что его изобретение имеет оборонное значение. Значит, может произойти несчастный случай, и Вовку нельзя оставить одного.

За лесом заиграл горн: это в лагере звали к обеду. Мы поднялись с земли.

— Так как же? — спросил Андрюша.

Галка отряхивала соринки, приставшие к юбке. Вдруг она покраснела и ни с того, ни с сего разозлилась:

— Вот дурак!.. Ну какой же он дурак!..

Андрюша задумчиво проговорил:

— Почему ты знаешь?.. Всех изобретателей считали дураками, а потом оказывалось, что они гении.

И Андрюша посмотрел на Галку своими телячьими глазами. Видно было, что ему очень хотелось помогать Вовке. Я тоже был непрочь. Я занимался в литературном кружке, и наш руководитель говорил, что если хочешь быть писателем, то нужно накапливать биографию.

— Ну? — спросил я Галку.

Галка набросилась на меня:

— Ну, ну! Вот если засыплемся сегодня ночью, так уж... так уж я невиновата.

Вообще у Галки странная психология: когда мы пускаемся в какое-нибудь путешествие, она сначала ругает нас дураками, а потом идет с нами.

★

Мы с большим нетерпением дождались десяти часов вечера, когда лагерь укладывался спать. Потом ждали еще полчаса, пока лагерь уснет. Наконец, мы осторожно выползли из кроватей и, выбравшись из дома, встретились у реки, где причаленный к пристани из двух досок стоял наш флот.

Галина и Андрей сели на «Марата», я занял «Аврору». Метров сто мы шли на шестах, боясь, что колеса наделают много шума, потом пустили в ход машины.

Медленно, осторожно пробирались наши суда по темной извилистой речке. Над берегами нависли ивы, и по их верхушкам осторожно шагала следом за нами луна. Плыли мы очень долго. Я уже думал было, что мы в потемках проехали место встречи, как вдруг тихий голос в кустах на берегу произнес:

— Архимед.

Мы застопорили машины и стали смотреть на берег. Ничего не видно: темно.

— Архимед, — прошептал Вовка в кустах.

Мы стали причаливать. О борта лодок зашуршали листья кувшинок, плавающие у берега.

Кусты зашевелились. Появился Вовка. Мы высадились на берег, привязав лодки к небольшому пеньку.

На Вовке были надеты бумазейная куртка, такие же штаны, заправленные в гетры, и большая теплая кепка.

— Спасибо, что пришли, — сказал он. — Пойдемте.

— Вовка! Что ты такое еще выдумал? — зашипела Галка.

— Пойдемте, — повторил Вовка.

Он повел нас по темному дну оврага узкой тропинкой среди огромных зарослей какого-то растения. Скоро мы узнали, что это просто крапива. Галка так

Медленно, осторожно пробирались наши суда по темной извилистой речке.

пискнула, что в деревне за рекой залаяли собаки.

Спотыкаясь, подымая руки, чтобы не задеть за крапиву, мы дошли до черного полуразвалившегося сарая. Тут Грушин остановился.

— Что ты там еще выдумал, Вовка?— снова зашипела Галина и стала боязливо осматриваться кругом.

Вовка помолчал немного, потом ответил:

— Подводную лодку нового типа.

Мы обрадовались и переглянулись между собой. Испытывать модель подводной лодки — это вам не ракетный двигатель!

— Вы мне нужны для того, чтобы завинтить меня в люк.

— Ку... куда завинтить? — прошептала Галка.

Она подавилась слюной.

— В люк, — спокойно ответил Вовка.

Галка тяжело дышала. Я чувствовал, что сейчас выйдет неприятность. К Галине подошел Андрюша. Губы у него бы-

ли оттопырены, а глаза широко открыты. Он тихонько проговорил:

— Назвалась груздем — полезай в кузов.

Галка ничего не ответила.

★

Отчаянно заскрипела большая дверь, и мы вошли в сарай. В темноте пахло масляной краской.

Вовка зажег свечу.

Все помещение было завалено всякой ерундой. Валялись кучей инструменты и старые журналы: «Всемирный следопыт», «Мир приключений», «Вокруг света». В углу стоял примус без ножек, около него — паяльник. Два здоровенных паука подтягивались к потолку, испуганные светом.

А у стены на особых подставках стояла подводная лодка Вовки Грушина. Она напоминала небольшую байдарку. Около носа на ней возвышалась труба метра в три вышиной и сантиметра четыре в диаметре. Вся лодка была выкрашена в зеленый цвет, а с боков красными буквами было написано: «Архимед».

Вовка объяснил нам ее устройство:

— Судно погружается на глубину в два метра. Двигается с помощью винта. Винт двигается с помощью... ногами (там особые педали есть). Находясь в погруженном состоянии, судно прицепляется к подводной части любого парохода (будет устроено специальное приспособление). Пароход идет, а подводная лодка за ним. Так можно из Москвы попасть через Беломорканал в Белое море, а оттуда, куда хотите.

Галина спросила:

— А как же на ней сидеть?

— Сидеть? Сидеть не нужно. Можно лежать.

— А как же дышать?

— Перископ ведь торчит из воды, через него и дышать, — и Вовка указал на трубу.

Андрюша поковырял в носу:

— Гм... Ну, а как же ты будешь спускаться и подниматься?

— Специальный резервуар. Как в наст... как в обыкновенной подводной лодке: чтобы опуститься, в него пускают воду, чтобы подняться, накачивают туда воздух и выдавливают воду обратно.

Вовка открыл крышку маленького люка и показал, как устроен «Архимед» внутри:

— Вот резервуар для воды и воздушный компрессор.

Мы увидели бидон от керосина и приделанный к нему велосипедный насос.

— Вон там педали для винта, а это иллюминаторы. — Вовка показал на вделанную в носу пару очковых стекол. — А это карманный фонарик для освещения.

— Вовка, тут повернуться негде.

— Во всякой подводной лодке тесновато. Это, голубчик, тебе не спортплощадка!

— Ну, а в перископ хорошо видно?

— Он еще не совсем готов. Только труба, чтобы дышать.

Вовка умолк. Мы тоже молчали и осматривали судно. Это было очень интересно.

— Пора, — сказал Вовка. — Ну-ка, ребята, взяли!

Мы, все четверо, подняли лодку и чуть не уронили ее: такая она была тяжелая. Кое-как мы вытащили судно наружу, пропустив сначала через двери перископ. Несли мы его по темному оврагу с корявым дном медленно, с передышками. Вовка всю дорогу причитал:

— Ой, ребята, милые, поосторожней! Ой, ребята, не уроните!

Когда мы пришли к реке, Андрюша слазил в бронебашню «Марата» и достал оттуда штатив фотоаппарата и чашечку для магния.

И вот состоялся торжественный спуск «Архимеда» на воду. Мы опустили сначала нос, потом толкнули судно в корму. В ту же секунду чихнул андрюшин магний. «Архимед» скользнул по воде и стал на ней. Мы его подвели к «Авроре». Я тихо спросил:

— Вова, а здесь глубоко?

— Два с половиной метра. Я мерил.

— Может быть, где помельче?

Грушин презрительно посмотрел на меня и ничего не ответил. Андрей с фотоаппаратом шлепал, засучив штаны, по воде и фыркал магнием, снимая со всех сторон «Архимед» и Вовку, стоявшего, широко расставив ноги, на скамье «Марата».

Вовка пожал нам поочереди руки и сказал:

— Пора.

Он был совершенно спокоен, только правое колено дрожало.

— Вов, — заявила Галка, — давай-ка мы обвяжем твоего «Архимеда» веревкой.

Вовка даже не посмотрел на нее. Он подошел к люку «Архимеда» и стал влезать в него. Но как только он всунул туда голову, «Архимед» качнулся, и Вовка чуть не искупался. Тогда он сказал, что нужно привязать подводную лодку между нашими военными кораблями и, когда он влезет в люк, обрезать веревки. Так и сделали. Когда «Архимеда» привязали, Вовка нагнулся, всунул голову в отверстие люка и вполз в свою субмарину, громко кряхтя. Там он повернулся на спину и закрыл люк снизу какой-то доской с дыркой в середине.

Мы развязали веревки. «Архимед» очень быстро ушел под воду. Мы оглянуться не успели, как маленькие пузырики появились в том месте, где погрузился «Архимед». Где-то, как нам казалось, очень глубоко, дрожало маленькое пятнышко. Это, наверное, свет из иллюминатора. Прошло минут пять. Андрей поднес губы к концу перископа:

— Вовк! Ну как?

Нас мороз подрал по коже, когда мы услышали вовкин голос из трубы, такой он был замогильный:

— Я достиг предельной глубины.

Вовка открыл крышку маленького люка.

— Закройте крышку люка так, чтобы винт попал в дырку.

Тут только мы заметили, что на крышке торчит болт с винтовой нарезкой. Мы исполнили приказание.

— Придержите крышку, пока я не завинчу гайкой,—глухо, как из бочки, пробубнил Вовка.

Мы придержали. Стало совсем тихо. У Андрюши в руках так и прыгал фотоаппарат (карточки не вышли, потому что он все снимки сделал на одну пластинку). Сердца наши так и стучали.

В иллюминаторе вспыхнул свет.

— Пускайте, — прогудело внутри «Архимеда».

— Жив, значит, — вздохнула Галка.

Снова поползли длинные минуты, и снова вопрос:

— Вовк! Жив?

И замогильный ответ:

— Выкачиваю воду из резервуара.

Снова принялись ожидать. Небо светлело.

— Уж два часа,— проговорил Андрюша.

Галина перебила его:

— Смотрите на перископ: он сейчас полезет вверх.

Но перископ не лез вверх. Я наклонился к нему:

— Вова, ну как?

Молчание.

— Вова-а! Слышишь? Как?

— Я уже все выкачал.

— Ну и что же?

— Она не поднимается.

— Почему?

— Не знаю.

Мы взволнованно переглянулись. Потом все трое потянулись к трубе.

— Как же теперь, Вовка?

— Не знаю.

— Вот говорила, говорила, — захныкала Галка. — Надо было его за веревку привязать, а теперь... как вот теперь?

И вдруг Вовка жалобным голосом сказал из трубы:

— На меня чего-то капает.

— Откуда капает?

— Из люка капает.

Мы вскочили, ошалело оглядываясь. Что делать? Я крикнул было:

— Перископ! — и схватился руками за трубу, но оттуда раздался испуганный вовкин голос:

— Не смейте подымать за перископ. Оторвется.

— Говорила, говорила, — хныкала Галка.

Вова посоветовал:

— Подденьте меня веревкой.

Мы взяли оба наших причала, связали их, привязали к середине камень, опустили его на дно и за оба конца стали водить веревку вдоль бортов лодок. Но «Архимед» слишком глубоко врылся в ил, и его нельзя было поддеть.

— Капает, Вовка?

— Капает. У меня уже здоровая лужа. Поскорей! — кричал Вовка из глубины.

— Надо достать какую-нибудь узенькую баночку. Мы будем опускать ее в перископ и вытягивать с водой, — сказал Андрюша.

Это он неплохо придумал. Я помчался через крапиву к сараю. В вовкиной мастерской не оказалось ни одной подходящей банки, зато я нашел там резиновую кишку сантиметра в полтора толщиной. Смерив ее длину, я решил, что хватит. Вернувшись, сообщил свой план ребятам.

— Вова, держи кишку. Выкачивать будем. Держи так, чтобы конец был все время в воде.

Мы просунули кишку в трубу.

— Галка, выкачивай.

Галина взяла в рот верхний конец и стала сосать из кишки. Она трудилась изо всех сил, но вода не выкачивалась, потому что труба сжималась, когда Галина втягивала в себя воздух. Пока она работала, мы с Андреем старались подковырнуть «Архимеда» шестами. Но шесты оказались слишком короткими. К тому же их было очень трудно удержать под водой.

Минут через пятнадцать Галка заявила, что она устала быть помпой. Мы решили плюнуть на кишку. Уже почти совсем рассвело.

Вовка издалека справлялся о ходе спасательных работ и говорил, что вода у него хоть и прибывает, но очень медленно.

Тогда я сказал:

— Хватит! Ничего мы так не сделаем. Надо ехать за ребятами в лагерь.

Все согласились со мной. Галина осталась на месте, чтобы Вове не было скучно, а мы с Андреем взяли «Аврору» и, подняв два огромных столба брызг, помчались со скоростью шести километров в час по оранжевой от восходящего солнца реке. Я не помню, как мы доехали. Только мы были все мокрые от пота. Выскочив на берег, я зазвонил в колокол, а Андрюша бросился в дом, дико крича. Из дверей, изо всех окон посыпались полуодетые, испуганные ребята и вожатые. Выскочила Леля с одеялом на плечах. Я закричал:

— Скорее, Вовка Грушин тонет! Возьмите веревки! Возьмите багры!

Прошло ровно две минуты. Битком набитая «Аврора» неслась по реке. Каждый толкался и греб, чем мог, помогая колесам. За нами, сквозь заросли на берегу, ломая ветки, продирался весь лагерь.

По дороге я и Андрюша сбивчиво рассказали о случившемся, но никто нас толком не понял.

Вот и «Марат». Спокойно застыл над водой верх перископа. На борту лодки сидит Галина, посасывает из кишки и горько плачет.

— Где Вова? — спросила Леля.

— Тут, — указал Андрюша под воду.

— Сколько времени?

— Да часа три уже.

Леля очень побледнела.

— Вовка, ты жив? — спросил я.

— Жив, — со дна речного ответил Вовка и добавил: — Холодно.

Прибывшие из лагеря ребята опасливо покосились на перископ.

И развернулись в широком масштабе «эпроновские» работы.

Пятеро лучших пловцов ныряли, стараясь подвести веревки под «Архимеда». Остальные тыкали в воду баграми и подавали советы. Стоял такой галдеж, как на птичьем дворе во время кормежки. Наконец, нашим водолазам удалось подцепить веревками корму и нос «Архимеда». Они выбрались на берег продрогшие, задыхающиеся, но очень гордые.

Несколько человек стали тянуть веревки вверх. Смолкли крики. Наступила полная тишина. Восемьдесят человек смотрели, как поднимается из воды труба перископа. И когда, наконец, появился зеленый верх «Архимеда», такое раздалось «ура», что, казалось, солнце подпрыгнуло.

Потом снова наступила тишина. Крышка люка на подводной лодке шевельнулась и открылась. Из отверстия выползла сначала одна нога, потом другая, затем торжественно и медленно выплыли вовкина спина, плечи и голова. Изобретатель был немного бледен и ляскал от холода зубами, но важности у него хватило бы на сорок капитанов Немо.

Вовка срочно был доставлен в лагерь. Там ему переменили одежду и стали согревать чаем. Мы в это время жались в уголке и чувствовали себя очень скверно. Леля, проходя мимо, так на нас посматривала, что мы знали: будет крупный разговор.

Пока Вовка пил чай, огромная толпа ребят глазела на него и задавала вопросы.

— А как ты ее рассчитывал?

— Никак. Построил, да и все.

— Ты, значит, ошибся в расчете, и потому она затонула. Да?

— Ну, конечно, не рассчитал,— сказал кто-то из старших ребят.

— Не рассчитал соотношение между весом лодки и ее объемом.

К Вовке протиснулся маленький Буся Касман и прижался носом к краю стола.

— А что «Архимед»—это рыба такая?

Вовка презрительно взглянул на него, отхлебнул из кружки чая, прожевал кусок хлеба и только тогда ответил:

— Рыба!.. Индюк ты, это писатель.

Вот все, что я могу сказать об «Архимеде» Вовки Грушина. Сейчас Вовка работает над созданием нового типа парашюта и скоро будет испытывать его с четвертого этажа. Да, кажется, об этом уже проведали в школе.

Ребята 6-го класса А» 266-й школы Москвы на уроке русского языка. Ведет урок Валентина Степановна Козловцева — директор школы.

Фото С. Васина

Это —
Московский совет.
Сюда
дяди
приходят чуть свет.
Сидит дядя,
в бумагу глядя.

Заботятся
дяди эти
о том,
чтобы счастливо
жили дети.

В. МАЯКОВСКИЙ

Хозяин города

П. Лопатин

Наш город — наша гордость

Скоро в этот дом, что стоит на улице Горького, придут новые хозяева Москвы — депутаты Московского совета. Их выберут миллионы людей. И только слишком юный возраст москвича помешает ему опустить бюллетень в избирательную урну.

День выборов в Москве будет, вероятно, ярким и солнечным. Но даже если серые тучи низко повиснут над городом и начнет падать мокрый, липкий снег, — это ровно ничего не изменит. На площадях и в скверах грянут веселые оркестры, на улицах зазвенят песни, москвичи наденут праздничные костюмы, и город расцветет красными флагами. Одним словом, 24 декабря Москва будет выглядеть особенно нарядной, веселой, оживленной.

Москвичи выбирают в свой Совет разных людей: профессоров и сталеваров, учителей и артистов, бухгалтеров и текстильщиц, летчиков и писателей. Каждый из них знаменит по-своему: кто смелыми стахановскими рекордами, кто героическими военными подвигами, кто научными открытиями, кто талантливыми книгами. Но всех их роднит одно — глубокая преданность великому делу Ленина — Сталина.

Они придут сюда, в этот дом, управлять хозяйством Москвы. А хозяйство это грандиозно.

Пусть по числу населения Москва стоит на третьем месте среди столиц мира, уступая Нью-Йорку и Берлину. Но Москва — не просто центр великого государства: Москва — сердце единственной в мире страны, смело идущей к коммунизму; Москва — громадная лаборатория, куда из разных уголков земного шара будут приезжать учиться строить прекрасные города будущего. И депутаты Московского совета отвечают не только перед 4 миллионами москвичей и даже не только перед 183 миллионами советских граждан. Они ответственны в своей работе перед трудящимися всего мира, для которых Москва — их единственная столица, любимая, родная.

Наша Москва — наша общая гордость. И управлять хозяйством Москвы — почетно, трудно и радостно.

„Мой дом — моя крепость"

Не так давно, всего лишь 22 года назад, этот дом, куда придут скоро новые депутаты Московского совета, был генерал-губернаторским домом. По вечерам сквозь плотно задернутые шторы из его окон доносились звуки вальсов и полонезов: генерал-губернатор любил устраивать пышные и шумные приемы. Иногда перед парадным подъездом дома останавливалась карета. Из кареты выходил «штатский генерал» в белых штанах и расшитом мундире. Небрежно сбрасывая на руки швейцара дорогую соболью шубу, генерал еле кивал дежурному приставу. А тот вытягивался во фронт: это явился частый гость московского губернатора — Иван Кулаков — богач, содержатель ночлежек и воровского трактира «Каторга» на Хитровом рынке.

Генерал-губернатор был верховным хозяином Москвы. Рядом с ним работала Московская городская дума, ведающая хозяйством города. О ней газеты сплошь и рядом писали:

«В Москве — самоуправление. Город сам из среды своих граждан выбирает лучших и достойнейших. И эти лучшие выборные от народа заседают в Московской городской думе».

Газеты лгали. О дне выборов в думу Москва не знала. На улицах не было ни песен, ни оживления, ни цветов — был обычный, будничный день. Потому что из миллиона с лишним москвичей только 9431 человек были признаны «достойными» выбирать в городскую думу в 1912 году. И только 3176 человек опустили свои бюллетени в избирательные урны. Из каждой тысячи москвичей 998 никакого отношения к выборам не имели.

Каждый из выборных в думу тоже был по-своему знаменит: один владел фабриками, второй—домами, третий, наконец, был хозяином трактиров и воровских притонов, подобно другу генерал-губернатора Ивану Кулакову. Всех их объединяла звериная жажда личной наживы и бесконечное равнодушие к городу.

Недаром на вопрос о том, с какой мыслью о городском хозяйстве встречал новый год исполняющий обязанности городского головы В. Д. Брянский, тот ответил:

— Никакой мысли не было.

Недаром в «Известиях городской думы» за 1903 год стояло:

«Никаких общих вопросов, связанных с благоустройством города, в Городской думе 1902—1903 гг. не возбуждалось».

Главной заповедью «отцов города» была старая английская поговорка: «Мой дом — моя крепость».

Любой палисадник каждого из них превращался в неприступную стену, лишь только речь заходила об общем благе. Каждый думал о своем доме, и все вместе были равнодушны к городу.

О шинах и собачьих ошейниках

Старая, купеческая Москва была грязной, неустроенной. Рядом с прекрасными творениями прославленных зодчих в центре города стояли купеческие лабазы. Между большими каменными зданиями скромно прятался ветхий деревянный домишко. Бок о бок с модным магазином далеко на тротуар назойливо вылезала пивная. Заслоняя соседей, гордо высились казенные дома — казармы с колоннадами и с царскими орлами на фронтонах.

В центре Москвы было море булыги. А на окраинах, где жили ремесленники, мастеровые, рабочие, после дождя стояла непролазная грязь. И в московской газете за 1909 год можно было прочесть короткую, но страшную заметку:

«В дождливую осень и ранней весной грязь на Бутырском проезде настолько велика, что покойников приходится переносить через забор, минуя улицу».

И вот по этой-то грязной, колдобинной Москве люди, жившие на окраинах, ходили пешком.

Им не на чем было ехать.

Трамвай—самый дешовый способ передвижения — на окраины обычно не заходил.

Оставались извозчики. В 1912 году их было в Москве 18 тысяч. Но на окраины извозчик не заезжал: там сплошь и рядом не хватало даже пятака, чтобы заплатить за трамвай. И рабочий люд в старой Москве шагал пешком.

Да ему и некуда было ехать. Внутри бульварного кольца лежал чужой, враждебный город: каменные львы у подъездов дворянских особняков, «благородные собрания», банки, дорогие магазины. В купеческой Москве из каждых 10 человек только 5 ежедневно пользовались по одному разу услугами городского транспорта. Остальные терпеливо месили грязь или волей-неволей довольствовались своим двором и своей грязной улицей.

Но об этом не думала городская дума. В лучшем случае ее беспокоил центр: здесь жили богачи, здесь жили ее избиратели.

В центре тоже была грязь. И были богатые экипажи на резиновом ходу. Быстро проезжая по улицам, экипажи обрызгивали грязью обывателей. Обыватели роптали: больше 5 тысяч возмущенных заявлений было послано в думу. И дума, наконец, собралась решить «шинный вопрос».

Казалось бы, самое простое — уничтожить грязь на московских улицах. Но это было не под силу городской думе. Не смела покуситься она и на резиновые шины: большинство гласных имело подобные выезды. И вот дума, заботясь «о пользах и нуждах общественных», поручила «специальной думской комиссии по шинному вопросу» решить сложную задачу: сохранив уличную грязь и резиновые шины, помирить московских обывателей с новыми экипажами.

Стояла весна 1904 года. Русско-японская война была в разгаре. Эскадра адмирала Рожественского подходила к Цусиме. Бастовали московские рабочие. Нарастала революция. А на повестке заседания Московской городской думы — единственный вопрос:

«О собачьих ошейниках».

Два часа подряд один за другим выходили на трибуну «отцы города» и страстно обсуждали вопрос: достаточно ли для собак одного ошейника или необходимо прибавить к нему цепочку?

Таким был центр Москвы — Охотный ряд до революции.

Таким был он совсем недавно.

А так выглядит он теперь.

Новый Каменный мост.

Не придя к единому решению, усталые градоправители разъехались по домам...

Город перекраивается заново

После Великого Октября старые «отцы города» и те, кто их выбирал: купцы, трактирщики, банкиры, «люди без определенных занятий»,— были навсегда выброшены из Москвы. На их место пришли новые люди — те, о ком вот уже много лет подряд говорят бесчисленные объявления, что висят в Москве у заводских ворот, на лесах строек, у подъездов учреждений. Наверху каждого из этих объявлений крупно выведено слово «требуются», а внизу стоит перечень всех профессий, которые только знает мир: инженеры и машинистки, бухгалтеры и механики, сталевары и плотники, учителя и фрезеровщики... Каждый день Москва впитывала в себя тысячи новых работников. Уже давно проклятое слово «безработица» стало чужим, незнакомым Москве словом. И если в 1913 году в Москве ежедневно выходили на работу 711 тысяч рабочих и служащих, то в 1938 году это число дошло до 2300 тысяч.

В старой Москве стало тесно. И не только потому, что население с полутора миллионов выросло до 4 миллионов. Главная причина была другая.

Новый москвич был требователен. Он не желал жить в подвальной каморке. Он не мирился с керосиновой лампой. Он хотел иметь вдоволь вкусной, чистой, прозрачной воды. Он страстно рвался к ученью—к школе, книге, театру, музею. И Москва с ее куцым хозяйством, оставленным в наследство старыми равнодушными хозяевами, оказалась для новых москвичей тесной, неуклюжей, бедной.

У Московского совета, с первых же дней революции поселившегося в прежнем генерал-губернаторском доме, был непочатый край работы.

Вся Москва оделась в строительные леса: стройка шла и на прежних рабочих окраинах, и на далеких пустырях, и на центральных улицах столицы. Гудели грузовики с кирпичом, цементом, досками. Землекопы рыли глубокие траншеи, подводя к еще не родившемуся дому телефонные кабели, водопроводные трубы, газовые магистрали. Розовая пыль стояла в воздухе. На шатких деревянных настилах мелькали фигуры в измазанных глиной спецовках. И рядом со старыми хибарками вырастали многоэтажные громады жилых корпусов. Они вытягивались в кварталы, кварталы строились в улицы, обрастали школами, банями, клубами, яслями. Москва рождалась заново.

За 22 года, прошедшие после великого Октября, столица получила треть той жилой площади, которая была создана в ней за 770 лет ее существования.

В новых домах газ, центральное отопление, телефоны. Лучшие архитекторы красиво оформили фасады новорожденных зданий. И на рабочих чертежах нового дома, что занимает теперь целый квартал на улице Горького, от Охотного ряда до проезда Художественного театра, сохранились карандашные пометки, сделанные рукой товарища Сталина.

Московский совет энергично перестраивал старый город, и за его работой зорко следил великий Сталин.

Но москвич уже не довольствовался своим новым домом, даже если в нем были и телефон, и электричество, и газ. Ему понадобился весь город. Он хотел учиться в университете, отдыхать в Парке культуры, слушать концерты в Консерватории, читать книги в Ленинской библиотеке. И на земном шаре нет ни одной столицы, жители которой ездили бы так много и так часто, как в советской Москве. Нет потому, что до сих пор в мире не существует ни одной страны, которая жила бы такой большой, полной творческой жизнью.

Московскому совету предстояло в короткий срок заново создать транспорт великого города.

Московский извозчик был не по пути советской столице: слишком медленно трусила его кляча. И он исчез с московских улиц: из 18 тысяч извозчичьих пролеток в 1938 году осталось лишь 68.

На место извозчика пришли автобусы, троллейбусы, таксомоторы. Под землей вырос новый город — город московского метрополитена. И каждый день в 1938 году городской транспорт столицы перевозил 6442 тысячи пассажиров. Это значит: ежедневно каждые 10 москвичей 15 раз пользовались услугами транспорта.

Но в Москве было попрежнему тесно. Москва задыхалась в лабиринте кривых и узких тупичков. И люди, что работали в бывшем генерал-губернаторском доме, смело начали развязывать узлы московских переулков, пробивать новые магистрали, расширять старые площади.

Москва менялась буквально за одну ночь. Как театральные декорации, исчезали старые стены Китай-города, дряхлые хибарки, частоколы палисадников и лавки Охотного ряда, облепленные вывесками всех цветов и размеров. На их месте возникали улицы, широкие как площади, и площади, длинные, как улицы. В летние вечера на асфальте новых проспектов, как на тихой речной глади, отражались залитые электрическим светом дома молодой столицы. И за 22 года, прошедшие после Октября, Московский совет уложил в столице в 27 раз больше асфальта, чем было уложено поколениями старых градоправителей за все время их хозяйствования.

...Над Москвой стояла холодная, дождливая осенняя ночь. На Новослободской улице шли асфальтовые работы. Тяжелые катки укатывали дымящийся асфальт. Лучи мощных прожекторов еле прорывались сквозь густую сетку дождя.

В этот ночной час на широкой улице было тихо и пустынно. Только сердито урчали грузовики, подвозя асфальтовую массу, слышались отрывистые распоряжения прораба, и одинокие запоздалые пешеходы, высоко подняв воротники пальто, спешили домой.

У одного из домов пешеходы неожиданно останавливались: по середине улицы, среди тяжелых катков, под дождем стоял Иосиф Виссарионович Сталин. Рядом с ним — группа инженеров.

Товарищ Сталин по-хозяйски осмотрел работу, дал указания. Потом неторопливо сел в автомобиль и уехал, но не домой, а на противоположный конец Москвы, на Калужскую улицу, чтобы лично осмотреть, как рождаются новые магистрали столицы...

Московский совет заново перекраивает древний город, и за его работой попрежнему внимательно следит товарищ Сталин.

Кузница кадров

Старая, купеческая Москва была безграмотным городом. По официальным данным, в 1904 году в Москве 362 842 человека — добрая треть населения — не могли прочесть даже лавочной вывески и не умели написать своей фамилии.

Это нисколько не беспокоило городскую думу. Недаром в одном из ее постановлений в августе 1901 года было записано:

«На сооружение церкви в память священного коронования их величеств ассигновать 15 000 рублей; на нужды беднейшим ученикам городских училищ — 37 р. 05 коп., на выдачу пособий учащимся женщинам — 24 руб. 44 коп.».

В результате в Москве 1912 года из каждых 100 человек училось лишь 10, и в городе едва было полторы тысячи инже-

неров и техников, 3 тысячи врачей, но зато 6 тысяч священников, дьяков и псаломщиков.

В советской Москве учится каждый четвертый москвич—на рабфаках, на курсах, в школах, институтах, академиях.

Каждый день 608 тысяч школьников идут в Москве на учебу.

Столица построила для них сотни прекрасных школ, о которых и мечтать не могла старая, купеческая Москва.

— У нас нет таких школ,— откровенно сознались французские учителя, посетившие советскую столицу.

— Я восхищен! — заявил английский профессор, побывав в одной из московских школ.

Каждый день 95 тысяч студентов открывают двери 92 вузов столицы. И в Москве больше студентов чем во многих великих державах мира: в высших учебных заведениях всей Великобритании учится 49 тысяч человек, в Германии — 70 тысяч, в Италии — 73 тысячи.

Москва дает своим студентам все: лекции мировых ученых, замечательные аудитории, стипендии, просторные общежития, сокровищницы своих книжных хранилищ, музеи, театры, выставки, опытные цехи фабрик и заводов. И каждый день в Москве выходит на работу в 6 раз больше учителей, чем их было в Москве 1912 года, в 7 раз больше врачей и, по крайней мере, в 100 раз больше инженеров и техников.

Каждый вечер в Москве открываются занавесы 40 театров, вспыхивают экраны 445 киноустановок.

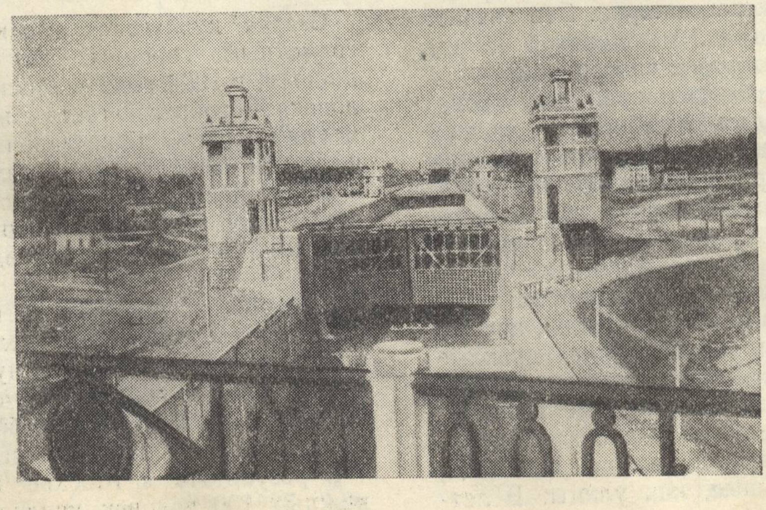
Каждый день библиотеки Москвы выдают читателям 25 тысяч книг—в 100 раз больше, чем выдавали они в 1913 году.

Каждые сутки московские типографии печатают 580 тысяч экземпляров журналов, 1,3 миллиона книг и 9 370 тысяч экземпляров газет.

Все пути сложного хозяйства великого города ведут в здание Московского совета. Этот дом не спит круглые сутки: даже в глухие ночные часы не замирает жизнь советской столицы: под землей путешествуют вода, газ, электричество; работают телефонные станции и хлебозаводы; тысячи грузовых автомобилей развозят по магазинам горы конфет и сливочных тортов, миллионы розовых сосисок, мясные туши, золотистые яблоки, тяжелые ящики консервов, сахар, макароны, живую рыбу...

В этом доме интересуются всем: хлебом и трамваем, школой и библиотекой, театром и метрополитеном, картошкой и газированными водами. Здесь сотни людей работают над тем, чтобы в Москве было радостно трудиться, легко учиться, весело отдыхать. Здесь «сидят дяди», и «заботятся дяди эти о том, чтобы счастливо жили дети».

Вот почему 24 декабря на площадях Москвы грянут оркестры, зазвенят песни и город расцветет красными флагами: москвичи пойдут к избирательным урнам осуществлять свое почетное право, дарованное им Сталинской Конституцией,— выбирать из своей среды лучших и достойнейших — будущих хозяев Москвы, столицы великой Советской страны, столицы всего трудящегося человечества.

Шлюзы канала Москва—Волга.

Известия Географического общества читателей журнала «Пионер» № 33

Путешествие в Грузию

Римма Канделаки

Город теплых и холодных вод

Изучая тысячелетнюю историю родного города, грузинский пионер Отар М. часто ходил в тбилисский городской музей. Ему нравились там макеты старинных построек, древних бань и старого базара. Отар решил построить с двумя товарищами свой макет на тему «Откуда произошел Тбилиси». Я этот макет видела. Особенно удались Отару фигурки скотоводов. Скалы, из расщелин которых бьют горячие серные ключи, тоже сделаны хорошо.

Смотришь макет юного историка и видишь: Тбилиси тысячу лет тому назад был стоянкой скотоводов; в горячей воде источников пастухи-кочевники мочили кожи, тут же и дубили их; мимо проходили караванные пути; купцы скупали кожи; поселение росло; так возник город. «Тбилиси» означает теплый.

Откуда бы ни подъезжали вы к Тбилиси, вас поражает цвет окрестностей; они желто-коричневы от засухи, от зноя. Караязская степь, Ширакская степь — степи мертвых трав. Они безлюдны, только стада изредка проходят по ним. Тбилиси стоит в безводном пространстве.

Одна река Кура испокон веков питала этот большой город. Но город рос, воды не хватало. Вода Куры была мутная, нездоровая. Летом множество детей умирало от эпидемий дезинтерии, много взрослых болело тифом. Тени не было: на весь город — всего два сада. Так рос старый город — почти без воды.

Проводник поезда говорит: «Тбилиси»,— и перед вами возникает большой город. Вы сходите с поезда, и первое, что поражает: зеленые про-

Дворец правительства на улице Руставели в Тбилиси.

спекты, цветущие парки, фонтаны, сады. Новичку, у которого еще пыль скрипит на зубах, удивительно: откуда это?

Фонтаны бьют теперь в старинном саду Муштанд, в новом Кировском парке, в Пушкинском сквере. Проспекты Тбилиси окаймлены серебристыми елями, пламенными цветами «сальвин сплендид». Анютины глазки цветут вдоль тротуаров. Троллейбусы, автобусы, автомобили мчатся мимо цветочных шпалер. Великолепная новая набережная обсажена деревьями. Откуда же все это среди засушливых степей?

Новая вода пришла в город издалека. Это произошло семь лет назад. Если отъехать от города километров на восемнадцать в сторону Мцхета, то заметишь в отдалении от дороги какие-то белые очертания, будто сломанные мосты. То остатки старинных акведуков. Акведуки вели к Натахтарским ключам. Еще в древности, при царице Тамаре (XI век), здесь проводили примитивный водопровод. Слава натахтарской воды, кристально чистой, всегда холодной, жила и в старину. Ключи били неподалеку от места слияния Арагвы и Куры. В том месте, под горой, где обнялись «словно две сестры струи Арагвы и Куры», Арагва уводит часть своих вод под землю. Там и бьют Натахтарские родники. Вода их, профильтрованная долгим путешествием сквозь толщу земную, идеально чиста. Ученые называют ее «стерильной», в ней нет микробов, можно без опаски пить ее сырой. Она вкусна и холодна, зимой и летом ее температура одинакова. Миллионы ведер этой чудесной воды доставляет столице Грузии водопровод Натахтари, построенный по последнему слову техники.

А горячие источники Тбилиси? У них тоже своя судьба. Когда-то в них мочили кожи, потом над ними выстроили бани. Бань было много, и о них писали все путешественники, век за веком. Воду прославляли как целебную, но никто не додумался ею лечить. В серной воде купались, в ней полоскали белье. Серные бани были «достопримечательностью» старого города — и только.

В новом городе они стали курортом. За Майданом расчистили самый запущенный, самый старый уголок города и выстроили там красивейшее здание Бальнеологического курорта, окружив его садом с белыми розами и фонтанами. Здесь возвращают здоровье тысячам людей. Все та же добрая, серная вода бежит по трубам — голубоватая цветом, с характерным запахом, горячая вода древних источников. Но теперь она действительно исцеляет.

Кахетия — родина винограда

Тбилисский колхозный базар — самое оживленное место города. Там не столько кричат, сколько поют на все голоса.

— Ай, молодец картошка! Ай, лобио молодец! — выхваляет свой товар стройный парень-грузин в черной шапочке набекрень.

Другой запевает низко, как контрабас:

— Яб-лук! Яб-лук! — и неожиданно переходя на фальцет, выкрикивает то же слово — «яблоки» — на грузинском языке: — Вашли, вашли, вашли!

Продавец кислого молока откликается густой октавой:

— Мацо-они!

Подросток, торгующий душистыми травами: кинзой, тархуном, петрушкой, — перекрывает весь хор мальчишеским сильным альтом.

Этот поющий рынок сверкает всеми красками плодоносной осени: золотом первых мандаринов, желтизной лимонов, румянцем громадных яблок. Душистые персики из Гори, орехи из Зугдиди, ожерелья инжира из Кутаиси, круглоголовые сыры лежат грудами на столах. Индюшки из Самтреди отливают янтарем жирка под ощипанной кожей. А виноград...

В плетеных корзинках, удлиненных к низу, в ящиках, даже просто на земле — грозди темного и светлого винограда, тяжелые спелые кисти. Но чтобы увидеть виноградные лозы в росте, поезжайте в Кахетию — родину винограда.

Телав — маленький городок, но туда перекочевал из Крыма Всесоюзный

институт виноделия. Это первое, что вам с гордостью сообщают в поезде кахетинской ветки, и вы начинаете чувствовать, что не такая уж это скромная ветка и что маленький город Телав — тоже город большого значения. Это, выходит, центр виноделия всей страны.

В поезде едет много людей с патронташами, ружьями, в высоких сапогах — охотники. Сейчас самый разгар охоты, говорят вам. Где же тут охотиться? Выглянув из окна, видите: больше нет в помине сухой степи да голых тбилисских предгорий. Поезд бежит по Алазанской долине. Левый берег Алазани весь в зарослях ольхи и клена.

Ученица Кето Сарамедзе показывает рекордную ветку виноградной лозы колхознице Като Абуладзе.

Богато одет Кахетинский хребет: грецкий орех, мощный дуб, клен величественный (он так и называется — величественный), крепкий бук — этот густой лес лохматой буркой укутал склоны. Там-то и есть настоящая охота. Горная антилопа (джейран), дикая кошка, кабан — вот кто манит смелого стрелка. Шакалы тоже не перевелись, даже забираются иногда зимой в колхозные дворы и курятники.

Но слава Кахетии — ее виноградники. И чем глубже врезается поезд в Алазанскую долину, тем шире ковер виноградников вокруг. Тысячи гектаров виноградников — это только очень издали похоже на «ковер». Вблизи шпалеры лоз скорее напоминают мохнатую изгородь.

— Цинандали! — певуче возвещает кондуктор.

Цинандали принадлежало семье Чавчавадзе. По преданию, здесь венчался Грибоедов с Ниной Чавчавадзе. Полуразрушенная часовня стоит над обрывом. Внизу лежит Алазанская долина в пестром осеннем уборе.

Много лет спустя имение продали казне: надо было за огромные деньги выкупить одного из отпрысков Чавчавадзе, попавшего в плен к Шамилю. Отпрыска выкупили, а имение стало царским.

Старик Алекси, тонкий и высокий, помнит старину. Он перевидал трех царей в этих стенах; он видел самое страшное: филоксеру! Филоксера — виноградная вошь. Ничего не было для Кахетии страшнее филоксеры! Она появлялась внезапно, как смерч. Только не с неба, а ползком по земле. Это мириады микроскопических существ плотной серой пеленой окутывали виноградники. Гектар за гектаром. Когда филоксера исчезала, на земле торчали лишь остовы лоз. Так, перед войной 1914 года филоксера пожрала 25 тысяч гектаров винограда. Это было хуже чем разорение. Кроме голода филоксера сеяла в Кахетии панику и страх. Думали, что с ней нельзя бороться.

Все переменилось! В старом дворце вечерами раздаются голоса советских агрономов, приехавших на практику в совхоз. В пышных великокняжеских апартаментах расположилась экскурсия молодежи. Поют, пляшут под плеск ладоней, смеются так, что дрожат зеркальные окна.

Подвалы Цинандали — целый город под землей. Гигантские бочки, похожие на цистерны, уходят бесконечными рядами вдаль из зала в зал.

Пожилой агроном добродушно шутит:

Это Чиатуры, где добывается марганец. Снимок сделан с самолета.

— Здесь мы растим вино. Да, мы, старые виноделы, считаем вино живым существом. Не верите? Но ведь оно так же, как живые существа, растет, стареет, умирает. У вина бывают свои болезни, свои капризы. Мы его лечим, выхаживаем, воспитываем. И свой срок жизни есть у каждого вина.

Он приводит примеры. Недолговечно «саперави» — красное вино — всего-то живет 5—6 лет. Коньяки и ликеры живут века.

В совхозных виноградниках хозяин — молодежь. Вдоль шпалер винограда движутся группы молодых людей. Румяные стройные парни, девушки в белых беретах, вооруженные инструментом для подрезки. Это ученики винодельческих техникумов. Они уроженцы местных сел и деревушек. Их матери и отцы жили в суеверном страхе перед филоксерой, их бабки говорили, что филоксера — бич божий. А дети иные. Они культивируют новый вид лозы: филоксероустойчивый,— закладывают тысячи гектаров новых виноградников. О филоксере не слышно больше в Кахетии.

Колхида

Чтоб ее понять, надо подняться на башню. Башня стоит на приморском бульваре. Внизу шумят вершины платанов и лип, которым много-много лет. Башня еще старее, крепче и выше; ее построили турки, когда город Поти был турецкой крепостью.

С высоты самой последней площадки башни головокружительный вид. На все четыре стороны. И со всех четырех сторон вода. Город Поти, как Венеция, стоит на воде. С одной стороны у него море, с другой — озеро Палеостом, с третьей — реки, с четвертой — каналы. Если можно назвать небо «пятой стороной», то и отсюда город может ждать в любой момент водяного обвала. Это только сейчас оно ласково и прозрачно синеет в осенней тишине...

Но бывает, особенно в начале лета, горизонт обкладывают тучи, тучи громоздятся над городом, прорываются яростным ливнем, потопом — трудно это назвать дождем...— толстые струи хлещут, реки вздуваются и пытаются выйти из берегов.

Мы сказали, «пытаются». Так говорить возможно стало лишь с тех пор, как большевики Грузии начали великое дело пересоздания Колхиды. Первое, что было сделано,— это обуздание рек, и это было сделать нелегко. Оказалось, что можно сравнительно быстро обвести валом непокорные реки Ингур, Кодор, Рион и речушки, несущиеся с гор, чтоб помешать их разливам во время летних тропических дождей и весенних паводков. Высокие валы обуздали их бег, впервые за много веков существования маленький город перестал бояться наводнений. Но дело-то ведь не в городе...

Колхида — это реки и низины, торфяные болота и заросли. Это песчаные дюны у моря, кустарники и ползучие растения, это дальше, к горизонту, дремучий, непроходимый бор. Всю ее, конечно, не охватить взглядом.

Колхидская низменность занимает

четверть миллиона гектаров земли. Но какой земли? Если бы не болота, можно было бы сказать — земли сказочного плодородия, по исследованиям ученых, в два раза плодороднее египетских земель в устье Нила. Такова работа рек. Реки оплодотворили Колхиду, прежде чем разрушить ее тысячи лет назад.

Желт и мутен «отец» — Рион. Но он приносит в своих мутных волнах множество драгоценного ила и других питательных для растений и посевов веществ. Они оседают в почве. Так же работают реки Хоби, Ингур, Кодор, Пичора.

И теплое солнце, и влажное дуновение моря, и мягкая зима — все это делает Колхиду равной Флориде, южной Японии и Китаю. Здесь прекрасно могут расти и растут чай, бамбук, мандарины. Только человеку не было житья в Колхиде. Человек в Колхиде пропадал. Его душили болота. Его посевы, скот и жилища смывало наводнением. Мингрельский крестьянин трудолюбив, сметлив, вынослив; он пробовал бороться. Он строился заново после разрушений. Отодвигался подальше от устьев опасных рек, поближе к лесу. Тогда его хватала малярия. И тут уж не было спасенья.

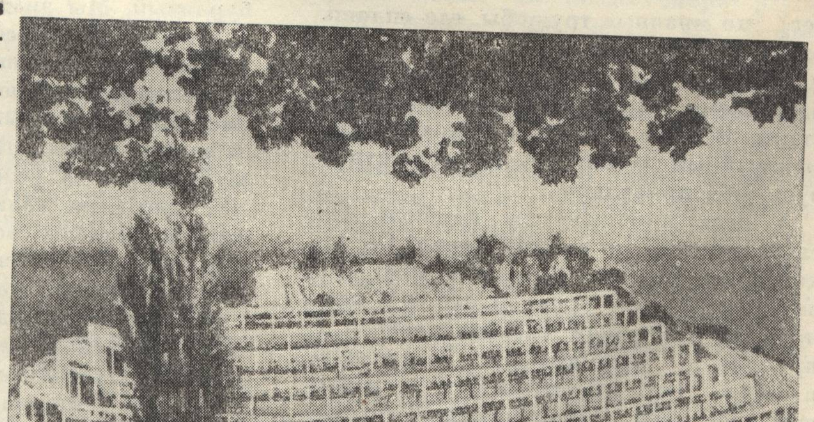
Можно прочесть в архивах бывшей городской думы: царский сборщик податей верхом на лошади по зыбкой лесной тропе пробирался в мингрельскую деревушку, откуда что-то давно не поступало податей, и видел пустые хижины, успевшие зарости лианами, скелеты людей, умерших от болотной лихорадки. Все живое бежало.

Разве люди Рионской низменности не умели обваловывать реки, строить каналы и раньше? Умели и пытались строить. Но это было все равно, что черпать море ложкой. Чтоб выжать всю огромную губку, именуемую Колхидой, нужен был единый узел гигантских, самых разнообразных работ. И они развернулись во второй сталинской пятилетке.

Пересоздание земли

— Вы думаете, эта корона принадлежала человеку? Но где найдешь человека с такой длинной, сплющенной головой! Нет, скорее всего,— это корона какого-то священного животного...

Вы не столько рассматриваете корону, сколько этого оригинального, седого, с мохнатыми усами человечка, который так много лет знал о сокровищах Колхиды и так упорно молчал о них. Охотясь в окрестностях Поти десяток лет подряд еще молодым человеком, он открыл в дебрях дремучих зарослей множество древних курганов. Но из ненависти к царским властям никому не рассказал об этом. Только советской власти доверил свой секрет грузинский любитель-археолог, бывший учитель. Курганами заинтересовалась Академия наук СССР. Их оказалось очень много — всего четыреста. Пока ведутся раскопки. А это дело медлен-

«Лимонный замок» — оранжерея около Батуми.

ное. Старичка-учителя сделали хранителем башни-музея, и он с гордостью рассказывает своим посетителям о великом прошлом Колхиды.

Он может без конца рассказывать детям о независимом племени колхов, которое жило здесь за три — четыре века до нашей эры; о том, что город Поти назывался в древности Фазис. И как греческие мифы воспевали мореплавателей, которые приплывали в таинственную страну Колхиду, чтоб поймать овец с золотой шерстью. Но золоторунные овцы не давались в человеческие руки. И чтоб добыть золотое руно, надо было еще совершить подвиг: заставить огнедышащих быков обрабатывать землю Колхиды. Так говорили греческие мифы.

— Быки эти самые... огнедышащие... они должны были работать на манер тракторов? — спросил однажды девятилетний слушатель.

Старичок долго смеялся, вспоминая эту реплику. Он и нам ее сообщил.

В самом деле: какие подвиги в древности могут сравниться с сегодняшней историей Колхиды? Земля, такая плодородная, не только издревле заболочена: она одичала до безобразия, и надо пересоздавать ее всю заново.

Лес Колхиды — разве он похож на лес? Это мрачные трущобы, где сплошь да рядом стволы потеряли всякую форму, искривлены, перепутаны ползучими растениями, покрыты лишаями и наростами. В этом гниющем сумраке один малярийный комар «анофелес» чувствует себя привольно...

К лесу приближается комбайн. Он свободно идет по зыбкой почве. Он захватывает дерево крючьями и рвет его, как зубной врач больной зуб, — с корнем. За комбайном следует трактор с прицепкой, напоминающей железную пятерню. Пятерня вцепилась в колючий кустарник. Одно движение трактора — и кустарник вылетает с корнями. Так ходят неутомимо машины взад и вперед — и, глядишь, заросли сметены, новые площади расчищены для посевов.

Мы видели один такой поселок на расчищенном месте. Вместо диких джунглей на нас глядели самый мирный плодовый сад и цветник с клумбами. Смеркалось. В новых домах горело электричество. Девочка окапывала маленькое мандариновое дерево. Это было такое мирное зрелище. Не верилось, что рядом идет война. Война с разливами, болотами, паводками, малярией.

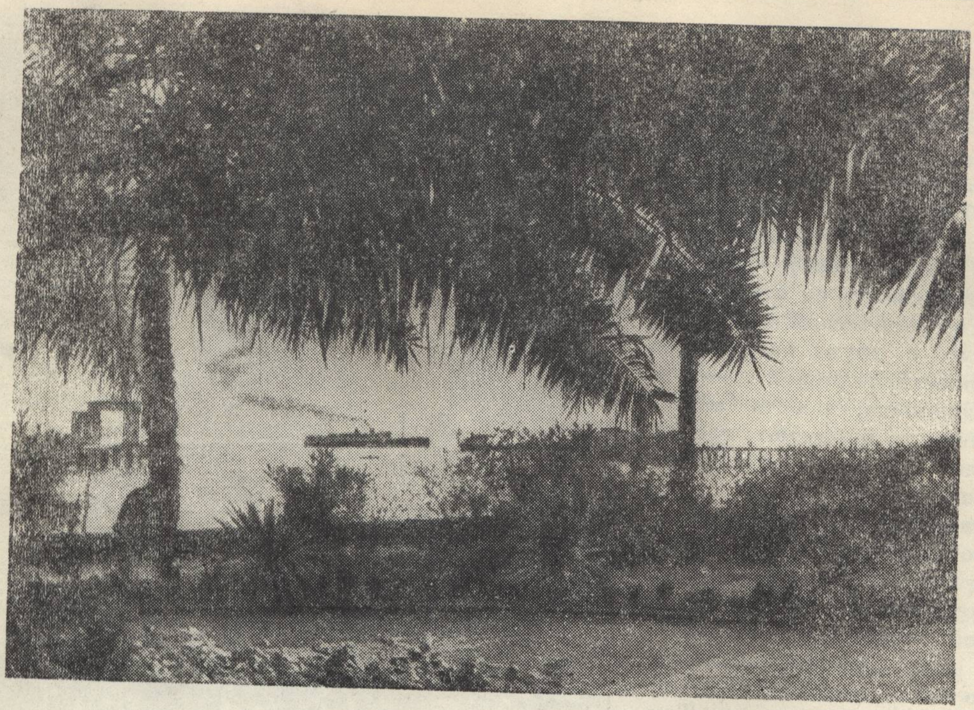
Строительство Колхиды в самом деле напоминает военные действия. Вы слышите взрывы. Огромные черные столбы земли взлетают к небу. Землю рвут аммоналом. Прокладывают трассу канала. Так быстрее и лучше. Целая тяжелая артиллерия машин работает в низинах: великаны-экскаваторы, рефуллеры, землечерпалки. Они грызут землю, расшвыривают, роют, жрут грунт.

Так проложено 1200 километров каналов разного назначения. Одним дано перехватывать ливневые потоки; другим — собирать излишки влаги, скопившиеся на поверхности почвы. Но как быть с торфяными болотами? Их никакими каналами не возьмешь. Они лежат очень низко. Тут выступает на сцену одно из самых оригинальных и смелых достижений Колхидстроя: осушение... водой! Способ этот называется к о л ь м а т а ц и е й.

Мы видели Рион, мутный, желтый, бурливый. Мы знаем, что он такой потому, что несет с собой массы ила, песку, мириады почвенных частиц. Способ кольматации заключается в том, чтоб заставить оседать этот ил там, где человеку нужно. Для этого огораживают участок за участком торфяных болот высокими валами. И по глубоким каналам отводят воду от Риона. Здесь она понемногу успокаивается. Мелиораторы говорят: «осветляется».

Осветленную воду выпускают в море через сбросной шлюз. И теперь между озером Палеостом и Рионом лежит 3 тысячи гектаров наносной плодородной земли. Рион основательно поработал: за несколько лет он нанес сюда 13 миллионов кубометров грунта. Площадь между ним и озером Палеостом лежала раньше ниже уровня моря. Через год здесь будут сеять.

— Прекрасная земля! Исключительная земля! — говорил в нетерпеливом

Набережная и порт в Сухуми.

предвкушении будущих урожаев энергичный молодой агроном, поглядывая на необозримое поле, только что вышедшее из-под кольматации.

Я тоже думаю, что эта земля прекрасна. Такой, вероятно, больше нет во всем мире. Она сотворена большевиками.

Как мы будем жить в Колхиде

— Да разве там можно будет жить каждому? Вы, вероятно, хотите сказать: приехать с экскурсией, осмотреть...

— Не только осмотреть. Пожить, отдохнуть. Разве самые прелестные уголки нашей страны не устроены именно так, чтобы в них мог жить и отдыхать каждый?

Глубь Колхиды для плантаций, питомников и садов. Приморская полоса для курортов. Мальтаква — это местечко на взморье. Это будет совремепем большой детский курорт. Сейчас тут только строят дачи, но в Мальтакву будущих пятилеток обязательно захотим приехать и вы и я.

Песчаная полоса широкой лентой убегает к горизонту. Песок чист и нежен, он струится между пальцами, как шолк. Крупные лиловые и розовые ракушки лежат на песке. Море здесь очень мелко. Есть места, где можно идти и идти к горизонту, а вода тебе все до пояса. Раздолье малышам! Но что здесь будет прекрасно, так это парки.

Сегодня вы можете зайти в любой питомник города Поти, на любую опытную станцию — вы сразу увидите, какая она будет — эта новая Колхида, потому, что все ее сокровища здесь: шпалеры австралийских, калифорнийских, китайских, южноамериканских деревьев. Это не из учебника географии, а наяву: перед вами пробковое дерево, каучуковое дерево, лаковое, масляное, хинное деревья — можете дотронуться рукой. Целые рощи бамбука перед вами.

Из таких удивительных деревьев будут парки и рощи береговой полосы. Апельсиновые и лимонные сады окружат белые здания санаториев Колхиды.

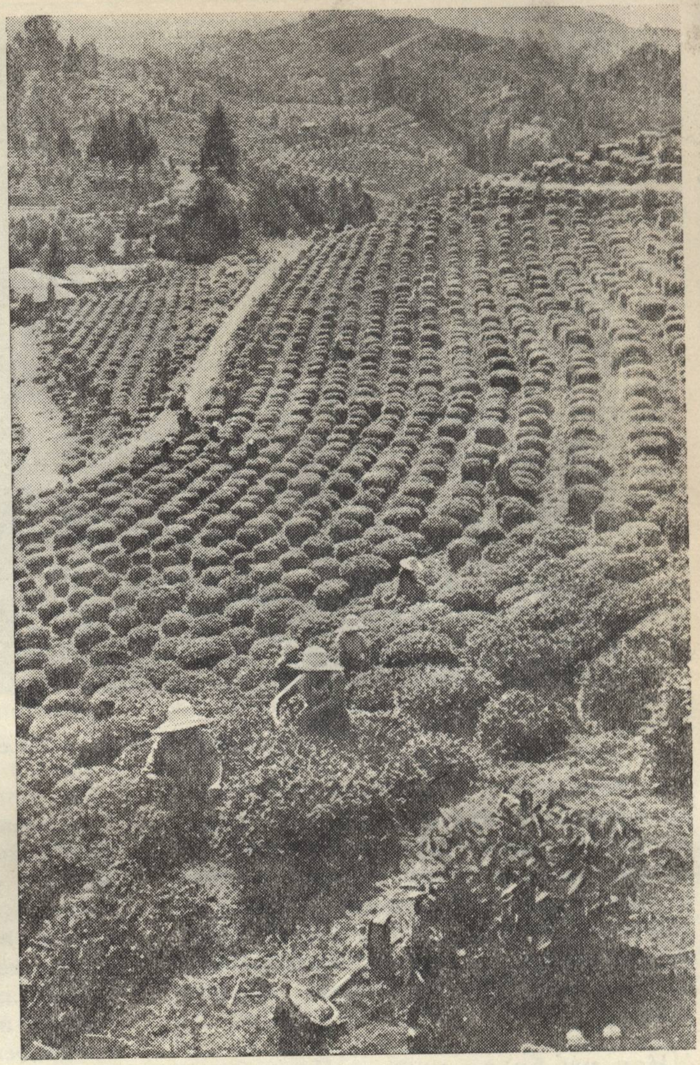
— Только нет ли здесь сырости? — спросит какая-нибудь заботливая мать. Ее малышам привольно кувыркаться на морском песке, но эта густая зелень плодовых рощ покажется ей опасной.

— Посмотрите, ведь, кругом эвкалиптовый лес! — с укором скажет ей старик-сторож в тропическом пробковом шлеме с двумя козырьками «здравствуй-прощай». — Эх, гражданочка, ребята малые у нас и те понимают: где эвкалипты, там сырости в помине нет.

Эвкалипт —дерево-великан. Самое высокое на земном шаре. Его корни напоминают шланги насосов. Они с такой силой тянут влагу из земли, что один гектар эвкалиптового леса «выпивает» миллион ведер воды в год. Там, где растет эвкалипт, можете смело вешать свой гамак: никакой комар сюда не покажет носу.

В том, что здесь говорится, нет ни капли фантазии: все это уже есть. Потийские дворики и сады засажены лимонами и мандаринами. Окраины города — это сплошные плантации ценных деревьев и эфироносов. Значит, вся Колхида будет такая.

И только где-нибудь, в глухом углу, оставят кусок старой Колхиды как заповедник старины. Будут там и лианы, и гниющие деревья, и филины с желтыми глазами по темным углам, и бродячие шакалы, с хохотом и воем оплакивающие древний хаос.

Чайная плантация колхоза имени Калинина

В Западной Грузии

Издали цвет чайных плантаций бархатистый, темнозеленый. Кусты подрезаны овально. Они невысоки, к ним легко нагнуться. От куста до куста определенное, строго вымеренное расстояние. Издали похоже, будто кто-то расчесал гребнем плантации, сделал в них безупречные проборы. С весны до осени по этим проборам движутся фигуры людей. Они несут большие корзины, они обходят каждый кустик неспеша и неутомимо собирают, собирают.

Молодые побеги чайного куста называются «флеши». «Флеши» надо брать, как только они появились. Плохо, если пропустишь день — два: «флеши» взрослеют. Еще неделю зазеваешься — это уже не «флеши», а грубый лист.

Советские фабрики чая вырабатывают теперь чай высших сортов. Этих фабрик тридцать шесть. Они оснащены по последнему слову техники. Станки

и роллеры для них делают наши заводы близ Батуми. Это внушительная, высокая техника. И «грубого листа» она не приемлет.

Значит, чтоб сорвать побольше «флешей», надо спешить? Нет, «флешей» надо собирать как можно больше, но спешить нельзя. Надо очень тщательно осматривать каждый кустик, подстерегая каждую стрелу побега. И сборщики чая в совхозах — неторопливые люди. Они зорки, настойчивы, неутомимы и терпеливы. Они не теряют ни секунды даром.

По улице поселка идет молодая женщина. Все головы поворачиваются ей вслед. Может быть, она очень хорошо играет на «чангури» или пляшет лучше всех, с той гордой грацией, которой требует «лезгинка»? Может быть, мастерица заводить песню или держать второй голос в многоголосом, сложном и красивом хоре?

Нет, если встречные кланяются скромной женщине грузинской деревни, то это потому, что Киония Сарсанна поставила мировой рекорд: она собрала 10 тысяч килограммов чайного листа с одного гектара. Трудно себе представить: десять тысяч килограммов чая — это целые вагоны. И собраны они вот этими маленькими смуглыми руками. В одно лето!

Таких людей — с новыми качествами характера — волевых, хладнокровных, несуетливых, но быстрых,—встретим мы очень много на чайных плантациях—у моря и на холмах вокруг провинциальных грузинских городков и в великолепной пальмовой Чакве — всюду, где растет маленький, скромный и драгоценный чайный куст. Коммунистическая партия воспитала их!

И когда вечером вы садитесь к столу и бережно вскрываете скромный пакетик с душистыми, сухими, черными чаинками, посмотрите на этикетку. Отнеситесь к ней с уважением. Подумайте: для того чтобы под тонкой бандеролью с надписью «Грузия» был настоящий хороший советский чай, сколько же надо было сюда вложить большевистского огня и упорства!

Послесловие

— И все? — разочарованно спросит Отар М.— А марганец? А шолк? Вы ничего не сказали о шолке...

— Это очень интересно, я сам разводил шелковичных червей в коробке,— деловито пробасит Зурик.

— Вы ничего не сказали о Бакуриани, о зиме в горах! — воскликнет Тамара, его сестра. Она страстная лыжница.

— Может быть, московские пионеры не знают про наши гидростанции на Храме, на Рионе, на Куре? — укоризненно заметит Като.

Про это надо было бы написать целую книгу. Грузия — очень интересная страна. И я советую побывать в ней.

Только когда едешь на юг, кроме легких, белых вещей, захвати еще с собой подкованные сапоги, теплое белье, шерстяную фуфайку, хотя бы дело шло к лету. Ты едешь в Грузию. А Грузия — страна многоэтажная. И в каждом этаже свой климат. Ты вздохнешь полной грудью в мягком воздухе Гурии, тебя опалит солнце Кахетии. Но когда ты увидишь Казбек — а его отовсюду видно,— тебя потянет в горы.

Это неизбежно. Это случится с каждым. Казбек стоит, но громада его не видна из-за туч. День — другой не видна, неделю... В одно ясное утро ты выходишь на балкон, или, может быть, на площадь, или в поле,— это безразлично, в воздушной синеве, страшно далеко и в то же время близко, висит ледяная громада Казбека. Он так легко очерчен, так мягок, будто его слепили, играючи, дети. В то же время он так могуч, что горло сжимает волнение. От него не оторвешь глаз.

Ты смотришь на Казбек, и тебя тянет в горы.

...А когда постранствуешь в горах целый месяц и натрешь на руках мозоли от палок, обдерешь фуфайку о колючки и наглотаешься воздуха, как нарзана, и загоришь под белой войлочной шляпой, тебе станет в горах немного скучно. И потянет в равнину, к живым простым людям, к жизни богатой и шумной.

Так бывает всегда.

Ответы на географические задачи

„Красавица Ангара“ (№ 11)

Помещаемый ниже рисунок представляет собой решение задачи из № 11 «Пионера». Точками изображена предполагаемая доледниковая долина Иркута, штриховкой — лавовый поток, пересекающий ее. Три своеобразные изгиба на западном конце петли, которую описывает Иркут вокруг потока, произошли, видимо, потому, что лава залилась в долины трех протекавших тут речек.

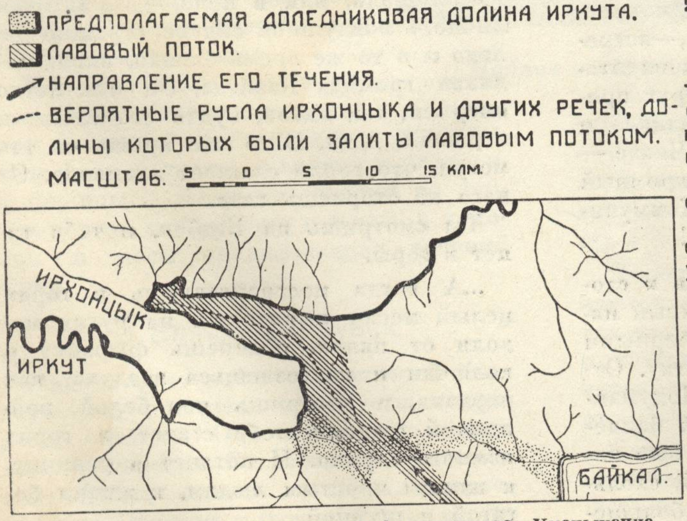
Запомните твердо, что эта карта менее достоверна чем карты, приложенные к статье «Красавица Ангара»: там на карту нанесены несомненные факты, которые всегда можно показать любому человеку; здесь — предположения, основанные на не совсем точных данных. Так, доледниковая Иркут-Байкальская долина показана сплошной, тогда как мы не знаем, соединяются ли мерзлые наносы, видимые в долине реке Ильчи, с наносами по реке Култучной, и у нас нет несомненных доказательств, что именно Иркут, а не какая-нибудь другая река отложила те очень крупные и хорошо обкатанные валуны, которые местами попадаются в этих наносах.

Точно так же все выходы базальта соединены в один поток, и действительно базальт в них на вид совершенно одинаков, но мы не знаем, имеет ли он всюду одинаковый химический состав (тогда все выходы почти наверно составляют часть одного потока) или состав его различен (тогда выходы принадлежат к нескольким разновременно излившимся потокам).

Значит, для того чтобы сделать эту карту достоверной, нужны дополнительные исследования. Но даже и сейчас, без них, она имеет значение: по ней гораздо легче составить план какой-либо постройки или план поисков полезных ископаемых чем по более достоверной, но более отрывочной карте из № 11 «Пионера».

Покажем это на примере. Предположим, что реки Иркут и Ирхонцык золотоносны (чего на самом деле нет) и золото находится в их доледниковых наносах, а в современных его нет (случай весьма нередкий в Сибири, где доледниковые и современные долины часто не совпадают). В таком случае карта из № 11 «Пионера» покажет только два участка предполагаемой Иркутской россыпи, а про россыпь по Ирхонцыку ничего не скажет. Карта же, напечатанная в этом номере, несмотря на свою неточность, а может быть, даже неверность, ясно скажет, что искать россыпи Иркута надо на всей полосе, обозначенной точками, а россыпи Ирхонцыка — под лавовым потоком.

Вопрос, конечно: найдем ли мы эти россыпи? Если предположения, положенные в основу карты, верны, то найдем, если нет,— то в самом начале разведки почувствуем это и, не сомневаюсь, будем иметь мужество сознаться в своей ошибке. Тогда придется на основании вновь добытых данных составить новую карту, более верную и более точную. Так путем постоянного исправления и дополнения создаются геологические карты. Не удивляйтесь поэтому, если карты разных авторов не совпадают. Ищите в таком случае описание обнажений и по нему проверяйте достоверность и точность карт.

Масштаб карт — 6 километров в 1 сантиметре. Уменьшение 600 тысяч раз.

„История реки Невы“ (№ 10)

Изображенный на фотографии уступ представляет собой типичный береговой уступ, покинутый водоемом, который его вырыл. Мы нарочно дали эту фотографию ввиде задачи, чтобы вы внимательнее рассмотрели уступ и запомнили характерную особенность такого рода форм земной поверхности. А именно: у подножия уступа, вырытого озером или морем, тянется совершенно плоская равнина; подножие уступа находится всюду на одной высоте над уровнем моря, если, конечно, после образования уступа не произошло подъема местности. Подножие нашего уступа на 11 метров выше уровня Ладожского озера,— значит, он образовался во время высокого стояния воды в нем, незадолго до образования реки Невы.

М. Дурденевская

Илья Чавчавадзе

РАЗБОЙНИК КАКО

Перевел с грузинского Б. Брик

Рис. Ю. Кискачи

Раздари мои богатства, пусть сойдутся все на зов:
Сделай бедных — богачами, отпусти моих рабов,
Обеспечь несчастных сирот, нищих, немощных и вдов.
Будет каждый одаренный помянуть меня готов.

Шота Руставели «Носящий тигровую шкуру».

★

Уже закатный край земли
Во мглу ушел наполовину,
И тени длинные легли
На Алазанскую долину [1],
Метнула вниз луна свой взор,
В небесном стоя карауле,
И над венцами снежных гор
Лучи отрадные мелькнули,
Когда за первою звездой
Блеснули новые высоко
И, как невестою, землей
Залюбовались издалека.
И в этих царственных лучах
Уснуло мирно все живое...
Лишь горный ветер-весельчак
В лесу беседовал с листвою,
Да спорил каменный обвал
С непримиримой Алазанью,
И кряж задумчиво внимал
Ее угрюмому сказанью,
А на краю, у самых скал,
Арба ворчала, как старуха,
И песню горя напевал
Аробщик медленно и глухо.
Мотив той песни мчится вдаль,
Напеву похорон подобен,
Но, наводя на нас печаль,
Он и прогнать ее способен.
Арба въезжает в темный лес,
Между деревьями мелькает,
Когда быкам наперерез
Из леса всадник вылетает.
— Куди-гора не далеко ль? —
Спросил аробщика наездник.
— Куди-гора, джигит? Изволь.
Я родился в горах окрестных.
Как только выйдешь из лесов,
Направь налево иноходца
К горе, что испокон веков
Куди-горой у нас зовется.
Но что тебя туда манит? —
Спросил аробщик в заключенье.
— У этих гор тебе грозит
Абрека злого нападенье.
Не спорю, твой отважен вид,
Ты не уступишь горцам в силе,
Но мой совет тебе, джигит,—

[1] Долина реки Алазани в Кахетии.

Не раздражай Бгачиашвили
И не дразни абрека взор
Своею лошадью, будь скромен:
Как пуля крымская он скор,
И словно пуля вероломен!
Иль месть таишь? Не по плечу
Тебе подобная затея!
— Молчи! Я друга в нем ищу,
Равны мы участью своею.
Я буду жить, как он живет.
Тебе меня не растревожить! —
И, помахав рукой, вперед
Пустил он взмыленную лошадь.
Скакун помчался напрямик,
И эхо вторило копытам,
И, позавидовав, старик
Пробормотал: «Житье джигитам!»
И, грустно голову склонив,
Погнал быков дорогой дальней.
И песнь лилась меж гор и нив
Все безнадежней и печальней.
Идут нагорьем высоко
Леса, нетронуты от века.
Покинув дом, там жил Како,
Счастливый участью абрека.
Уже разбойница-луна
За облака в засаду села,
Когда в лесу, на ложе сна,
Абрека вытянулось тело.
И перед ним, за день устав,
Паслась оседланная лошадь,
Сторожко так, что шорох трав
Ее способен был тревожить.
Но вот, отбросив удила,
Внезапно уши подняла,
О дерн копытами забила
И в отдаленье начала
Глядеть красавица-кобыла.
И вслед за тем, заржав легко
В ответ на ржанье иноходца,
Давая знак, что встать придется,
В миг разогнала сон Како.
Как лев, стремительный и ловкий,
Вскочил абрек, стряхнувши лень,
И на неведомую тень
Навел отверстие кремневки.

Разбойник Како:

Эй, парень. Друг ты или враг?

Беглый крестьянин:

Твой друг. К чему тревога, шалый?

Како:

Ну, что же, здравствуй, коли так,
Честь окажи и в лес пожалуй!

Беглый:

Аминь! Не ты ль Како-абрек?

Како:

Ты не ошибся... Что угодно?

Беглый:

С тобой остаться здесь навек,
И умереть, и жить свободно.

Како:

Твоя повадка хороша,
И сам ты нравишься мне, малый...

Беглый:

С душою дружится душа,
С удалым дружится удалый.

Како:

Брат, кошкильды! [1]. Како богат
И здесь царит единовластно.
В лесах блуждая наугад,
Враг стережет меня напрасно.
Под каждым деревом мой дом.
В лесу ночую неизменно...
Уюта нет в краю моем,
Но не желаю перемены.
И страх и голод испытать,
Как дикий зверь не знать покоя:
Весь день бродить, а ночью спать,
Держа оружье под рукою,—
Конечно, брат, по временам
Та жизнь и мне надоедает,
И все же счастливы мы там,
Где нас никто не угнетает.
Со мной железные друзья:
Ружье да шашка с пистолетом.
Им неизменен буду я,
Пока свободен в мире этом.
Укрощена, побеждена,
Со мной сроднилась кобылица.
Опасность видела она
И неспособна устрашиться.
Я жизнь доверил ей свою...
Ружье и лошадь,— верны оба.
И неизменную семью
Я сохраню с собой до гроба.
Здесь недоимок не берут,
Здесь нет насилья, нет закона.
Како с предателями крут,
Но прямодушным — оборона.
Слезай, товарищ мой, с коня,
Владей моим зеленым домом
И не досадуй на меня,
Коль не смогу блеснуть приемом!
И всадник спешился тотчас
И, разнуздав коня лихого,
Погладил и провел не раз
И вслед за тем погладил снова.
Хурджин [2] и бурку отвязав
И круп коня рукой потрогав,
Пустил он лошадь в море трав
Среди извилистых отрогов.
Потом вернулся он, и стал
Перед разбойником скиталец

[1] **Кошкильды** — приветствие.
[2] Хурджин — переметная сума

Как лев, стремительный и ловкий,
Вскочил абрек, стряхнувши лень.

Друг друга каждый изучал,
И оба взорами менялись.
Присев на буковые пни
И взоры вновь ведя по кругу,
Глазами встретились они
И по душе пришлись друг другу.
И, наконец, спросил Како:
— Не осуди абрека речи:
Знал обо мне ты от кого
И почему искал ты встречи?
— Кто не слыхал здесь про Како?
Абрека чтит любой ребенок.
Распространилась далеко
Весть о тебе средь оскорбленных,
И все тебя, Како-герой,
Помянут словом благодарным,
И с дерзновенною судьбой
Ты стал при жизни легендарным
Все говорят, что прям и смел
Бежал ты в горы от насилья,
Что справедлив Бгачиашвили,
Что о крестьянах ты скорбел!..
Невелика того заслуга,
Кто только счастью руку жмет:
Хвалы достоин только тот,
Кто и в несчастном видит друга.

7*

В былом Арсен из Марабды[1]
Любил крестьян родного края,
Берег от горя и беды,
Как мать ребенка, охраняя.
Герой в сорочке был рожден,
И человек был на безлюдьи...
Счастлива женщина, чьей грудью
Когда-то выкормлен был он!
Кто воспитает в наши годы
Такого сына?
Я был мал,
Но знал тебя и понимал,
И жаждал я твоей свободы.
Не раз бежать мечтал к тебе,
Но сжился я с отцовским кровом
И лишь теперь своей судьбе
Обязан поворотом новым.
Узнай же все, чем дышит грудь,
Как родились мои печали
И как, счастливому вначале,
Судьба мне омрачила путь.
Мечтанья детства разлетелись.
В двенадцать лет я кинул кров.
Жестокосердный мой владелец
Угнал меня пасти коров.
И дни веселья стали редки...

Не позабыв веселий прежних,
Невольных слез стыдился я.
Один любимый мой орешник
Видал рыдающим меня.
Бывало, там лежу и плачу,
Кляня невольника удел...
Но унесло тоску ребячью,
Я возмужал и повзрослел,
Привык к тому, что я подпасок,
Стал первым в играх и проказах
И о родителях моих
Не вспоминал уж ни на миг.
Юнец—с юнцом, с подростком—отрок.
В трудах живительных и бодрых
Мы стерегли усердно скот,
Деля заботы меж собою,
И каждый братски в свой черед
Ходил с коровами в ночное.
Лишь солнце ляжет за горою.
И встанет первая звезда,
Сгоняли мы свои стада,
Спускали псов на волчью стаю.
И, привязав к стволам коров.
Свой ужин скудный разделяя.
Садились дружно у костров;
Порою песней или шуткой

А мы аукали, смеялись и торопливо умывались струею горного ключа.

Жизнь без родителей тяжка.
Когда играли однолетки,
Мне сердце мучила тоска.
Над отроком, искавшим ласки,
Смеялись резвые подпаски,
Не помня, что в былые дни
Так тосковали и они.

Мы пробуждали спящих птиц.
Или кто-нибудь легендой жуткой
Сон отгонял от юных лиц.
Когда ж краснело на востоке
И озарялся небосвод,
Тогда, бывало, сон глубокий
Рожок пастушеский прервет.
Тогда наш круг, шумлив и звонок,
Природу песней оживлял
И, сладостно зевнув, ребенок,

[1] Арсен Одзелашвили — знаменитый главарь крестьянских восстаний в первой половине XIX века.

Не снявши войлока[1] спросонок,
Корову в поле угонял.
Через мгновенье разбредались
Коровы по полю, мыча,
А мы аукали, смеялись
И торопливо умывались
Струею горного ключа.
Потом закусывали, стоя,
Удалой тешились игрою,
Кидали камень или мяч,
А в час полдневный — время зноя,—
Когда гранит, и тот горяч,—
Толпой веселой загоняли
Мы в Алазань стада свои
И с дружным гиканьем ныряли
В ее прохладные струи...
В те годы счастливы мы были...
Но где они?
Вокруг костра,
Припоминая сказки, были,
Мы коротали вечера.
Смущали душу мне преданья
И до сих пор живут во мне.
Они тревожили в сознаньи
Любовь к родимой старине!
Умея в детях черноглазых
То грусть, то радость пробуждать,
Одна из чудных этих сказок
Мне дорога была, как мать.
Дойдя до нас в родных легендах,
Навеки взял меня он в плен,
Защитник вдов, сирот и бедных,
Неумирающий Арсен.
Очаровав мой ум пытливый,
Он мне примером славным стал,
Везде мне грезился счастливый —
И стать Арсеном я мечтал.
Так, бедных братьев однокашник,
Без крова жил я с детских лет,
Ни зла не ведая, ни бед
И не скучая о домашних.
Не зная лучшего, слепой,
В ярме воспитанный невольник,
Довольный собственной судьбой,
Я всюду видел лишь довольных.
Отец о пахоте радел
И был зажиточный крестьянин,
Хоть в одиночку свой надел
Он обработал, неустанен.
Неутомимо сеял он,
Односельчан опережая,
За что с лихвою награжден
Бывал при сборе урожая.
Но как изменчива судьба
Закрепощенного раба!

[1] Войлоком кавказские пастухи иногда прикрывают голову от ночной росы.

Вчера был весел он на пашне,
Сегодня — в лапах нищеты.
Беде подвержены всегдашней
Его надежды и мечты.
Руками барства родового
Зажато счастье крепостного.
Отцу преклонные года
Уже несли беду и горе,
И хоть, как прежде, никогда
Не уклонялся от труда
Родитель, с немощами споря,—
Невмочь работать стало вскоре,
Невмочь терпеть... Пришла беда.
Уже отец мой видел ясно,
Что он лишился прежних сил,
Что хлеб осыпался напрасно,
Что дом разрушился и сгнил,
Вдобавок беды и другие
Пришли на смену старых бед:
Его настигла малярия!
Тогда мне было двадцать лет...
Скажу, не хвастаясь: в то время
Я был разумнее друзей,
Я мог нести хозяйства бремя
И стать главой семьи своей.
Но господин мой, безобразя,
Не отпускал меня домой.
Я видел: хил родитель мой,
А сам губил себя у князя!
Недавно, желтый и худой,
Отец пришел к нему с мольбой.
А нужно знать, что этот барин
Неумолимой и тупой
Нечеловеческой душой
За верность не был благодарен.
— Да будешь милостив ты, князь!
Помощник нужен мне больному,
А сын опорой был бы дому,—
Сказал отец мой поклонясь.

Князь:

О чем болтаешь ты, дворняга?

Отец:

Да обретешь одно лишь благо,
Но отпусти домой Закро,
Чтоб сохранили мы добро.
Вино и хлеб — любую подать
Тебе сполна заплатим мы,
Вдвойне готовы мы работать —
Избавь нас только от сумы!

Князь:

А если нет,— мое угодье
Забросишь ты, дворовый пес?
Да ты дошел и до угроз?
Зазнался, хамское отродье?!

Отец:

И в мыслях не было того,
Пускай умру на этом месте!

— Но разреши вернуться сыну!

Но чем служить, суди по чести,
Когда не станет ничего?
Кто ни пахать, ни жать не в силах,
Тому платить невмоготу,
Бог видит немощных и хилых,
И защитит он нищету.
Неужто встречу я кончину,
Свое хозяйство погубя?
Нет! Пусть умру я за тебя,
Но разреши вернуться сыну!

Князь:

А я кому свое добро,
Кому стада вручу коровьи?
Нет, не отдам тебе Закро,
Хотя б истек при мне ты кровью!
Глядите все — каков нахал?
Не углядишь — в карман положит.
А ты пословицу слыхал:
«Бог дал одно — пускай умножит»?

Отец:

Да возвратится мне мое;
Твое — твоим пусть остается!
Без сына старцу не житье.

Князь:

Уйди, не то убрать придется!

Отец:

Куда теперь, о боже мой,
Мне с просьбой кинуться своею?

Князь:

Хоть подыхай — не пожалею!
Хоть бейся в стены головой!

Отец:

Помилуй, головой о стены...
Что за ответ? Как можно так?
Иль мы не люди совершенно?
Нам нужно есть...

Князь:

Молчи, дурак!
Как распустились все, однако!
Молчи, дворовая собака,
Пока душа твоя жива,
Не то крамольные слова
Тебе воткнет обратно палка!

Отец:

И старика тебе не жалко?
Нас ожидает голод, князь!
Спасти семейство — дело сына.
А сын бессилен, находясь
В распоряженьи господина...
Не возвратив его в семью,
Чтоб поддержал отца больного,
Ты душишь искреннее слово...
Плюю на голову твою! —
Так он сказал. За эту малость
Жестоко наказала плеть...
Иль он обязан был стерпеть?!
Но что же старцу оставалось?!
И разве долго не молил
Отец надменного злодея?
Скорей бы камень он смягчил,
Чем князя просьбою своею...
Отец был все же человек:
Негодование, абрек,
В словах излить он попытался.
Тогда с тяжелым чубуком,
В холодном бешенстве своем.
Помещик кинулся на старца...
Но в первый раз еще отцу
Грозили гнусные побои.
Рожденный с гордою душою,
Старик ладонь поднес к лицу...
И в этих немощных «угрозах»

Мятеж и дерзость уловя,
Помещик крикнул: «Люди, розог!» —
И кунаки и кумовья,
Односельчане и собратья
Больного высекли отца...
И крики старца (о, проклятье!)
Я буду слушать до конца.
Ни внешность старика худая,
Ни борода его седая,
Ни суд людской, ни божий суд —
Ничто не защитило тут.
Тогда стоял я там, у края,
От мук сердечных еле жив! —
Пробормотал Закро, рыдая,
И, грустно голову склонив
Вздохнул.

Но тут вскочил разбойник,
Негодованием дыша.

Из глаз, досель еще спокойных,
Абрека глянула душа.
— И ты стоял, стеная слабо,
Бессильно плача и скорбя?
Скажи мне, самка, трус и баба,
Что вместо сердца у тебя?!
Будь я с тобой,— убил бы я
Сначала струсившего сына,
Потом злодея-господина...
А ты глядел, как твой отец
Там истекал последней кровью?
Да, нечего сказать, храбрец!
И то снесла любовь сыновья?
И ты не поднял головы,
Ружья не вскинул для защиты?
Хорош герой! Вот каковы
В твоем селении джигиты?!
Иль шашки для того нужны,
Чтоб не соскучились ножны?
Не разрубив на части зверя,
Ко мне осмелился придти?
У нас различные пути.
Тебе отныне я не верю.
Беги с пылающим лицом!
Ты не достоин быть абреком,
Ты не рожден ни удальцом,
Ни даже просто человеком.

Закро:

Как рассердить тебя легко!
Но знай: рожден я от грузинки;
Не задрожу на поединке,
Не устрашусь я и Како.
Не оскорбляй насмешкой тяжкой
И не глумись над этой шашкой,
Сперва дослушай до конца.
Стоял я, полон дум зловещих,
Когда разгневанный помещик
Чубук свой поднял на отца,
Кусал губу и рвал я волос;
«Убей!» — твердил мне тайный голос.
Но я удерживал порыв,
Ожесточаясь тем упорней.
Восстать, мучителя сразив?
Отец растерзан был бы дворней!
Уже презренная слеза
Катилась в яростном бессильи...
Но только старца повалили
И злая свистнула лоза —
Не вытерпело ретивое:
Остервенелою рукою
Ружье к плечу я приложил,
Нацелил в общего злодея
И, от восторга холодея,
На месте князя уложил...

Како:

Хвала создавшему джигита!
Ты гордость матери своей.
Твое бесстрашье мило ей,
Твое ружье — отцу защита!
Прости мне! Каюсь глубоко,
Что не постиг в тебе героя,
Стыдом сгорая, пред тобою
Склоняет голову Како.

Закро:

Для одобренья нет причины.
Спасти бессильного отца —
Желанье каждого мужчины,
Трусливого и храбреца.
Напрасно было оскорбленье,
Теперь напрасна похвала...
Но дальше, дальше! Пуля мщенья,
Увы, бесплодною была!
Ничем не смог помочь отцу я,

Илья Григорьевич Чавчавадзе, великий грузинский поэт, родился в 1837 году. Стихи Чавчавадзе полны горячего сочувствия к угнетенному грузинскому крестьянству, страдавшему под двойным гнетом — своих помещиков и русского самодержавия.

Знаменитый Арсен из Марабды, вождь восставших крестьян, был одним из любимейших героев поэта. В поэме «Разбойник Како» Чавчавадзе упоминает о нем, да и сам Како сделан похожим на Арсена. Это отважный и независимый человек, гроза для угнетателей и заступник для бедноты.

Такие люди, как Како, бежали в горы, потому что не хотели быть рабами. Они грабили богачей и тут же раздавали награбленное бедноте. Царское правительство называло их разбойниками, а крестьяне любили их и прятали от полиции.

СЕРАЯ СОВА

Саджо и ее бобры

Перевела и обработала Алла Макарова

Рис. Серой Совы

(Окончание)

Маленький узник

Но что же случилось с Чикени?

Вспомним тот день, когда торговец унес бобренка из лагеря Большого Пера, казалось, навсегда вырвав зверька из жизни друзей.

Пять дней в пироге, на пути к поселку Пляшущих Кроликов, прошли для Чикени довольно благополучно: его поил и кормил индеец, один из спутников торговца. Бобренку только недоставало Чилеви и, наверное, было непонятно, куда вдруг исчезли Саджо и Шепиэн. Он начал тосковать, часто скулил и все ждал, что Саджо, как всегда, откликнется на его зов. Все было напрасно: только чужой индеец появлялся, чтобы переменить ему воду и дать корм. По поручению торговца этот человек поехал с Чикени на пароходе, довез его до железной дороги, получил за бобренка деньги и там покинул его.

Бобренок начал громко скулить и рваться на свободу, он, верно, думал, что приехал домой, и ждал, что дети освободят его из душного и неудобного помещения. Но никто не пришел. Он стал грызть ящик — в ответ какие-то чужие, недобрые голоса донеслись до него. Сам не свой от страха, бобренок лежал теперь не двигаясь и только скулил в тоске. Где же, где Саджо? Она всегда утешала его в беде и брала на руки. И где Чилеви?

Скоро Чикени очутился в поезде, который помчал его с грохотом и ревом. Оглушенный невероятным шумом, бобренок бросился вниз головой в поилочку, наверное, приняв ее за нырялку, и перевернул воду. К довершению всех бед его начала мучить жажда. И есть было нечего: никто не позаботился о том, чтобы положить корм в ящик, а Саджо просто не успела сунуть краюшку хлеба ему на дорогу: слишком неожиданно унес бобренка торговец. Измученный голодом, жаждой, тоской, испуганный до полусмерти, Чикени снова принялся грызть ящик, чтобы вырваться на волю. И если бы он не сломал об гвоздь один из своих острых резцов, то, наверное, добился бы своего.

Поезд мчался. Бобренка швыряло из стороны в сторону, и все тельце стало ныть от ушибов.

Наконец, поезд сделал последнюю остановку, однако мучительное путешествие не кончилось: тряска на грузовике была еще сильнее чем в поезде. Только потом наступил покой.

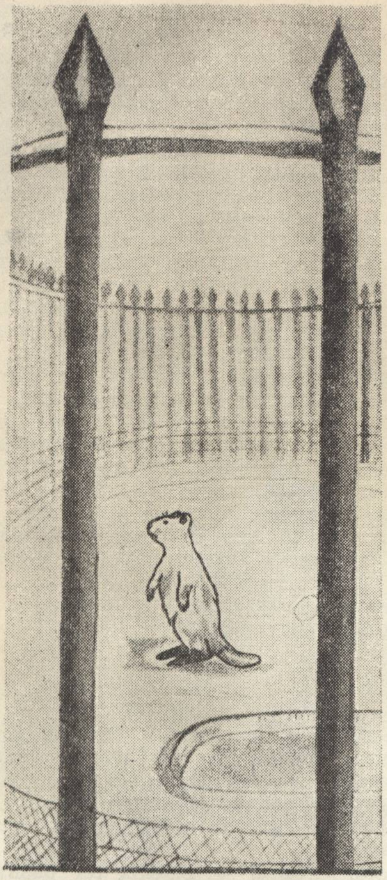
Кто-то с треском открыл ящик, чья-то большая сильная рука бережно подняла бобренка за хвост; другая перевернула Чикени головой кверху; палец погладил горячий носик, одну из усталых лапок, а тихий голос промолвил какие-то ласковые слова — бобренку сразу стало легче.

Это был Алек — смотритель из увеселительного сада. Увидев, в каких ужасных условиях пришлось ехать зверьку и какой он был грязный и жалкий, Алек сказал раздраженно агенту по перевозке:

— Ни воды, ни корма — ничего; нос как в огне, потрескался хвост, переломаны зубы. Разве так перевозят бобров? Это просто безжалостно! Ну ничего, малыш, мы тебя приведем в порядок, — добавил он, ласково взглянув на бобренка.

Скоро Чикени прибыл в новое свое жилище. Пол там был твердый, словно из камня, со всех сторон возвышалась железная решотка. Было тесно, особенно после привольной жизни на озере. Вдруг Чикени почуял воду и забыл обо всем. Он увидел перед собой прозрачный пруд, не очень большой, но в нем была вода. Бобренок бросился туда и, плавая на поверхности, стал жадно пить. Живительная влага освежила все тело, облегчила боль в лапках и хвосте. Отмокли и комья грязи, прилипшие к шорстке. После трехдневного мучительного пути — грохота, голода, грязи — это купанье показалось бобренку верхом блаженства.

Набравшись немного сил, Чикени решил вынырнуть в свободные воды, но налетел головой на цементное дно бассейна. Удар оглушил бобренка. Немного погодя он сделал вторую попытку, которая кончилась та-

Чикени очень тосковал, когда попадал в клетку.

кой же неудачей. Он начал царапаться лапками и пробовал грызть зубами цементное дно, ища выхода, но только поломал себе коготки и еще больше повредил зубы. Тогда бобренок выкарабкался из пруда, побрел к решотке и попытался пролезть через нее. Но железные прутья не пускали. Чикени хотел перегрызть их — все напрасно. Он стал бегать по своей тюрьме, иногда останавливался, пытаясь подрыть землю, но под ногами всюду был цемент. Долго он метался так от пруда к решотке, грыз железные прутья, скреб цемент и, вконец обессилев, растянулся на раскаленном полу и заскулил от тоски.

Алек-смотритель все видел. Он стоял за решоткой и только качал головой, приговаривая:

— Горе-то какое, беда!

Алек очень любил животных, хорошо умел приручать их — этим он и занимался в увеселительном саду. Ему жаль было четвероногих узников. И теперь он не мог равнодушно смотреть на маленького Чикени, который так безнадежно бился за свою свободу. Алек открыл дверцу, шагнул за решотку и бережно взял на руки тоскующего зверька. Он понес Чикени к себе домой.

Когда дети выбежали навстречу отцу и увидели у него на руках бобренка, они закричали от радости и стали хлопать в ладоши. Чикени, испугавшись шума, ткнулся мордочкой под полу пиджака смотрителя: он уже считал Алека своим другом. Скоро дети успокоились немного, и смотритель спустил бобренка на пол. Трое ребят обступили зверька и с любопытством ждали, что он будет делать. Их мать сказала:

— Ах ты, малыш такой! У тебя ведь все косточки торчат. Джо,— попросила она сынишку, — сбегай за яблоком, бобренок непрочь будет им полакомиться.

Джо сейчас же принес яблоко и положил его перед Чикени. Бобренок потянул носиком: он никогда еще не слышал такого чудесного запаха. Он впился в яблоко изломанными зубами, ухватился за него двумя лапками, с жадностью стал грызть. Смотритель очень обрадовался: некоторые из его питомцев совсем отказывались от пищи и умирали, но этот — Алек теперь знал — выживет. Дети звонко смеялись, любуясь забавным бобренком. Он сидел совсем как человек и так усердно уничтожал яблоко, что скоро и половины не осталось.

Алек принес свежие тополевые веточки с сочными листьями, к ним бобренок не притронулся, сидя за решоткой. Но теперь он стал есть. А дети не отрывали глаз от потешного зверька и очень удивлялись, как ловко он зажимает в кулачок пучок листьев и кладет их в рот.

Бобренок начал даже урчать от удовольствия, и дети пришли в полный восторг. Маленькая белокурая девочка закричала:

— Послушайте, послушайте, только: он разговаривает, как ребеночек! Пусть он поживет у нас на кухне. Можно, папа?

Жена тоже стала уговаривать смотрителя:

— Давай, Алек, оставим его у себя на некоторое время. Ведь сейчас в саду, все равно, никого нет. Малышу тоскливо будет в клетке.

Алек ответил:

— Ты права. Пусть переночует у нас.

Они принялись устраивать у себя на кухне уголок для Чикени. Алек-смотритель прикрепил к полу большую лоханку с водой, поставил набок ящик и положил туда охапку чистой соломы. Бобренок проспал там спокойно всю ночь.

На следующее утро Алек отнес его в сад и посадил за решотку, гуляющая публика смотрела на зверька. Но когда начало темнеть и сад опустел, смотритель снова понес бобренка домой.

С тех пор все свое свободное «от работы» время Чикени проводил в семье смотрителя. Он стал общим любимцем: его баловали и каждый день угощали яблоком.

Чикени и сам привязался к своим новым хозяевам, даже начал играть и бегать с детьми, но все-таки часто еще тосковал, лежа в ящике.

Скоро у бобренка подросли сломанные зубы, и он очень усердно точил их: все тер нижние зубы о верхние. И за шорсткой своей Чикени стал следить: причесывался и прихорашивался ежедневно,— и она опять стала пушистой.

Его жизнь как будто немного наладилась, не совсем, правда. Чикени очень тосковал и мучился, когда попадал в клетку, и Алек это знал. Каждое утро, когда смотритель сажал бобренка за решотку, а она могла бы удержать медведя, он видел, как грустно смотрит ему вслед маленький зверек, сидя на твердом, цементном полу. И Алек решил, что сделает все, что может, чтобы скрасить жизнь бобренка: он будет держать его у себя дома как можно больше: неуклюжий зверек так хорошо играет с детьми.

Чикени не перестал тосковать о маленьком Чилеви. Снова и снова обнюхивал он все углы у смотрителя в домике, выбегал во двор, направлялся к сараю и там бродил и засматривал во все щели.

А на расстоянии ста миль тосковал другой бобренок и тоже скитался в безнадежных поисках.

Так прошел месяц.

И никак, никак маленький пленник не мог привыкнуть к неволе.

Люди толпами гуляли в увеселительном саду и останавливались перед клеткой, чтобы взглянуть, что это за зверь — бобер. Одни смотрели на него равнодушно, другие с любопытством, третьи тыкали палками и что-то говорили грубыми, недобрыми голосами. Редко у кого он встречал участие. А Саджо все не было. И бобренок продолжал всматриваться в каждое лицо, принюхиваться к каждой руке, к которой только мог дотянуться носиком.

Потом он лежал на соломенной подстилке у смотрителя на кухне, и, наверное, смутные воспоминания о счастливых днях проносились в его сумрачном умишке.

Скоро бобренок перестал играть с детьми, уже больше не прихорашивался и не приглаживал свою шорстку, стал отказываться от пищи. Часто сидел он понурый, закрыв глазки, сжимая в лапках яблоко, пока, наконец, не выронит его.

Смотритель видел, что Чикени погибает: бобренок на глазах сгорал от тоски.

Чикени не знал и не мог знать, что на другом конце города, в другой комнате сидел такой же бобренок, как и он, и что вместе с ним были двое индейских детей — мальчик с гордой осанкой и девочка в пестрой шали. И что в углу этой комнаты стояла знакомая корзинка из березовой коры.

Да, вы угадали. Саджо и Шепиэн приехали, наконец, в город.

В городе

Когда поезд, в котором мчались Саджо и Шепиэн и их маленький четвероногий спутник Чилеви, сделал последнюю остановку и дети приехали, наконец, в город, им вдруг стало так страшно, что они даже не решались выйти из вагона. И они просидели бы, наверное, еще долго на своих местах, если бы к ним не подошел проводник.

Что это был за шумный мир, в который они попали! Гудела толпа людей, спешивших куда-то, звенели звонки, шипел и ревел паровоз. Маленькие жители леса стояли как вкопанные, взявшись за руки, не зная, куда им идти, не смея двинуться с места. Впереди, позади — со всех сторон окружали их ужасная суета и грохот. Неслись грузовики, доверху нагруженные вещами; один из них промчался так близко, что Шепиэн едва успел оттащить сестренку в сторону, а то она попала бы под колеса.

Никогда в жизни, даже в глухом лесу, не чувствовали дети себя такими потерянными, как здесь, среди шумной толпы.

В спутанных мыслях Саджо мелькнуло воспоминание о Чикени: как было страшно ему, когда попал он сюда один, без друзей! Шепиэн думал о лесном пожаре. Там, на стремнинах потока, в кольце огня, он чувствовал себя увереннeй чем здесь, в этом загадочном и непонятном мире. Там был лес, родной и знакомый. А здесь!.. Здесь даже Чилеви прижал свои ушки, чтобы ничего не слышать, и забился в уголок корзинки.

Детям казалось, что они простояли уже целый час (на самом же деле прошло всего несколько минут), и Шепиэн уже было отважился двинуться к огромной двери, через которую непрерывным потоком хлынули люди, когда к ним подошел мальчик в красном костюме с огромными блестящими пуговицами. Ростом он был почти такой же, как Шепиэн. На голове, приткнувшись с одного бока, торчала забавная шапочка, которая больше всего напоминала круглую коробочку.

— Алло, ребята! — сказал он развязно.— Заблудились? Или ищите кого-нибудь?

Бедный Шепиэн совсем растерялся перед этим блестящим юношей: ведь он ни разу еще не видел посыльного; он сразу забыл все, что знал по-английски, вспомнил только одно слово, которому его научил Золотые Кудри.

— По-ляйс-мен,— произнес Шепиэн с волнением.

— Провести к полисмену, так что ли?— спросил посыльный, сразу смекнув, в чем дело.— Ступайте за мной!— добавил он бойко, и быстро пошел вперед, постукивая каблуками своих начищенных сапог по твердой мостовой.

Маленькие индейцы бесшумно следовали сзади, быстро скользя обутыми в мокасины ногами.

Лавируя в толпе, мальчик провел детей через главный вход и привел их в просторное помещение, где было так много народа, что Шепиэн подумал: «Не собрались ли здесь люди со всего света?» На противоположном конце у других дверей стоял толстый человек. У него тоже был ряд блестящих пуговиц на груди.

— Эй, Пат!—сказал посыльный.—Вот тебе пара ребят, к полисмену просились.— Подтолкнув довольно бесцеремонно своих спутников вперед, мальчик продолжал шутливо:— Такого толстяка, как ты, пожалуй, и без меня нашли бы. Похоже, что это ин-

— Скальпы снимаете? Так что ли?

дейцы, ты смотри, не зевай, а то, чего доброго, и без скальпа останешься.

Бросив лукавый взгляд на блюстителя порядка, мальчик повернул обратно и скрылся в толпе.

— Ого! — воскликнул полисмен и стал рассматривать детей, заложив одну руку за спину. — Ого! — повторил он. — Скальпы снимаете? Так что ли?

И он уставился на ребят с таким свирепым видом, словно хотел их сразу отправить в тюрьму. Но глаза выдали его: в них искрился веселый огонек, и очень приятные морщинки расходились лучами от уголков его глаз.

— Значит, молодые индейцы будете? Вот оно что! Только дело-то ваше не выйдет, ребята: должен признаться, что бедная моя головушка уже годов двадцать голехонька как яйцо.

Полисмен был простодушным ирландцем. Шлем сидел на его лысой голове как-то боком, очень задорно, так что можно было подумать, что работа полисмена — очень веселое занятие.

Заметив, что дети растерялись, Пат постарался смягчить свой голос, насколько мог.

— Чем могу служить? — спросил он спокойным басом.

— Твоя поляйсмен? — раздался в ответ несмелый голос Шепиэна.

— Точно так, — подтвердил ирландец, сдвинув шлем еще больше набок. — Я полисмен, да еще какой! С нами шутки плохие. Из нас, сыновей О'Рейли, никто еще в грязь лицом не ударил! Ба! Что это у тебя в лубке? — вдруг спросил Пат, услышав жалобный голосок Чилеви.

— Бобренок, — ответил Шепиэн.

— Так, так. А ищете кого?

Шепиэн вдруг вспомнил про письмо, которое дал ему Золотые Кудри, вытащил из-за пазухи и протянул ирландцу.

Прочитав адрес, постовой сказал:

— Дело-то оно ясное. Если бы не дежурство, тотчас же и пошли бы всей братией, куда сказано. Сам Патрик О'Рейли сопровождал бы вас. Понятно? Работа, ничего не поделаешь! Подождать придется. Вот отбуду дежурство, сходим.

Пат погладил Саджо по голове и попросил Шепиэна показать бобренка.

— Ишь зверь-то какой! Хорош, верное слово, хорош! — улыбаясь, добродушно проговорил ирландец. — Только уж больно велик: смотреть-то не на что! — добавил Пат и залился громким смехом.

Никогда еще Чилеви не казался таким маленьким и беспомощным. Наверное, он решил, что настал конец света, и съежился весь, свернулся клубочком, подвернув под себя все четыре ноги, спрятав голову и хвост.

Наши юные путешественники — теперь уже немного успокоенные — присели на краю длинного ряда стульев. Блюститель порядка засыпал детей вопросами.

Шепиэн, с трудом подбирая английские слова, рассказал уже почти всю историю с бобренком, рассказал и о своих приключениях в пути. Веселый ирландец, который все время смеялся, казалось, даже без всякого повода, вдруг стал серьезным и сказал, что он, Патрик О'Рейли, собственной персоной проводит их к хозяину увеселительного сада.

— И имейте в виду, — добавил ирландец, — всю правду в глаза скажу, кому следует! Верное слово, скажу!

Пата, видно, не на шутку взволновала история с бобренком, и он углубился в печальные размышления.

— Бедняжки! — бормотал он про себя. — Да тут человек с каменным сердцем слезы польет, восковая свеча расплавится! Что толковать!

Прошло немного времени, и Пата сменил другой постовой. Ирландец повел своих новых друзей тихими, боковыми улицами. По дороге он говорил и шутил безумолку, стараясь развлечь детей. Саджо слушала напряженно, широко раскрыв глазки, но она так ничего и не поняла. Девочка теперь уже перестала бояться, а когда она думала о том, что Чикени здесь, в этом же городе, быть может, даже на этой же улице, ей хотелось кричать от радости. Глазки у нее разбегались во все стороны: сколько интересного было в городе! Лошади — о них она только слыхала, но никогда не видела раньше. Трамваи — как быстро они мчались, сами собой! Красивые дамы в нарядных платьях! Но лучше всего были чудесные витрины

магазинов. Вот потянуло вкусным запахом обеда, и дети увидели за стеклом такие красивые пироги и пирожные, что не могли оторвать глаз. Они стали шептаться по-индейски. Ирландец догадался, что его маленькие друзья голодны.

— Баста разговоры разговаривать, старый я дурень! Виданое ли дело, чтобы кто-нибудь из сыновей О'Рейли спокойно смотрел, как его друзья с голоду помирают?! Пошли обедать!

— Да, прошу, — сказал Шепиэн. — Сестренка кушай хочет.

Про себя Шепиэн ничего не сказал, хотя неизвестно, кто из них был более голоден.

Патрик провел детей в столовую. Когда Саджо и Шепиэн уселись за стол, ирландец поинтересовался, когда же они обедали в последний раз.

— Еще поселка были,— ответил Шепиэн.— Мой нет страха. Сестренка много страха было. Много сидела — ничего не кушала. Мой старший, мой сестренка много бережет. Никто не кушала: мой не кушала, сестренка не кушала,— только Чилеви кушала, мало, мало хлебца.

— Молодчина ты, братец мой! Мы, О'Рейли...

Но как О'Рейли поступили бы в этом случае, так никто и не узнал: в дверях показался человек с подносом, уставленным дымящимися блюдами. От вкусного запаха у Саджо даже закружилась голова.

Водворилось молчание: теперь было не до разговоров.

Поели все наславу, не исключая и Чилеви. Пат после обеда закурил папиросу, к большому удивлению Саджо, которая видела только, как индейцы курят трубки.

В комнате было тепло. Разогревшись после обеда, Саджо сбросила шаль с головы и сидела, довольная и успокоенная. Ирландец, залюбовавшись девочкой, заявил, что он ни разу не видел такой красотки с тех пор, как покинул берега Ирландии. И когда Шепиэн перевел это сестренке на индейский язык, она потупила глаза, опустила голову и снова набросила шаль. Но смущение скоро прошло, шаль опять соскользнула, и девочка громко смеялась вместе с братом над всем, что говорил веселый ирландец, хотя смысла она и не понимала. О'Рейли даже в пот бросило от смеха, он вытащил красный платок из рукава своего мундира и усердно вытирал лысину. Чилеви тоже подал свой голос, и Саджо начала шептаться с ним. А пока они шептались, Шепиэн стал обучать ирландца индейскому языку. Дело шло довольно туго, но, в конце концов, Пату все-таки удалось запомнить одно слово «кэгет», что значит «конечно». С тех пор у ирландца все стало «кэгет» — он употреблял это слово на каждом шагу и, повидимому, был очень доволен своими успехами.

Но когда нужно было сговориться относительно следующего дня, Пат вернулся к английскому языку и пробовал для ясности подражать ломаной речи Шепиэна.

— Сад, — сказал ирландец, — крышка: закрыт нынче,— и, чтобы сделать свою речь более понятной, он закрыл дверь.

— Завтра сад открывай, клади деньги, давай бобра!

При этих словах Пат широко распахнул дверь и привычным движением вытянул руку вперед, словно он ждал, что целый отряд бобров двинется по свободному пути.

Потом он вытащил письмо и, постукивая пальцем по адресу, сказал Шепиэну:

— Моя завтра это место. Твоя ждет.

И, снова выбросив руку вперед, блюститель порядка пропустил детей. А потом, блеснув еще раз своим «кэгет», он последовал за маленькими друзьями.

Патрик проводил детей до самых дверей дома, указанного на адресе, и еще раз повторил, чтобы они обязательно дождались его. Мастеровой, которому адресовано было письмо, радушно встретил своих гостей — он знал об их приезде: Золотые Кудри предупредил его телеграммой.

Вернувшись к себе домой, Патрик позвонил по телефону и долго с кем-то разговаривал.

Вечером, когда дети остались одни в комнате, Шепиэн снял с шеи мешочек из оленьей кожи, вытащил оттуда долларовые бумажки и стал бережно расправлять их на столе. Саджо стояла рядом, кивая головой, словно хотела сказать: «Все будет хорошо, да?»

Детям очень хотелось узнать, сколько там было денег. И Саджо склонила голову, приложила пальчик к губам и смотрела своими умными глазками, как будто она все понимала. А Шепиэн морщил лоб, терялся в догадках, рассматривая в отдельности каждую бумажку. Но цифры ничего не сказали детям. Ясно было только одно: что денег здесь так много, как им никогда еще не приходилось видеть.

В ту ночь никому из них не спалось. Маленькому бобренку — потому, что было слишком много интересных вещей под кроватью и в разных углах комнаты, дети же были взволнованы как никогда ожиданием завтрашнего дня.

Сбылась мечта

На следующее утро Патрик О'Рейли зашел за Саджо и Шепиэном. Дети думали, что ирландец сразу поведет их в сад, к бобренку, но оказалось, что сначала нужно зайти в белый дом, в контору владельца сада.

По дороге Шепиэн все время нащупывал одной рукой мешочек, который висел у него на груди под рубашкой. В другой руке он нес корзиночку с Чилеви. Рядом, еле поспевая за братом, быстро семенила ножками Саджо, закутанная в пеструю шаль.

В контору они поднялись на лифте очень быстро, но детям там было как-то не по себе. Потом они очутились вместе с Патом перед письменным столом, за которым сидел человек. От него зависела судьба бобренка.

Саджо задрожала, как листок: ей стало страшно. Вдруг он не отдаст Чикени? Что

тогда делать? Девочке захотелось закричать и убежать. Но она не пошевелилась и решила, что останется до конца все равно, что бы ни случилось.

У молодого человека за письменным столом было бледное длинное лицо и маленький подбородок. Он неприятно прищуривал один глаз, чтобы в него не попал дым от окурка, который торчал сбоку во рту, так что смотреть он мог только одним глазом, и поэтому казалось, что он был косой. Он разговаривал, не вынимая папиросы, и в упор уставился на детей тем глазом, который смотрел. Очень бесцветный и неприветливый был этот глаз.

— Чего же вы хотите? — резко спросил бледный человек.

На минуту водворилось молчание — гнетущее, напряженное молчание. Казалось, что Саджо и Шепиэн даже перестали дышать. А потом...

— Сэр, — раздался голос ирландца, — вчера я звонил мистеру Нэльсу, беседовал с ним насчет этих детей, моих друзей. Договорились встретиться здесь, чтобы обсудить небольшое дельце насчет...

— Можете доложить ваше дело мне, — прервал его молодой человек официальным тоном. — Мистер Нэльс занят в настоящий момент, — он взглянул на дверь, которая вела в соседнюю комнату и была полуоткрыта.

— Ну-с, дело-то у нас такого рода,— снова заговорил Пат, в то время как молодой человек взглянул на часы и еще раз прервал его:

— Нельзя ли поживей! Мне некогда сегодня.

Пат покраснел и продолжал говорить. На этот раз вышло довольно гладко. Свою «речь» он долго обдумывал накануне вечером — это был рассказ о грустном происшествии с бобренком и волнующих приключениях детей, рассказ, который, по мнению ирландца, должен был тронуть до слез даже человека с «каменным сердцем». Но надо думать, что у молодого человека не было даже каменного сердца, потому что он не пролил слез, а только несколько раз взглянул на часы, пока Пат говорил, и закурил новую папиросу от своего окурка. Ирландец почувствовал себя обескураженным, но все-таки закончил свой рассказ довольно торжественно:

— ...Эти маленькие граждане желают купить у вас свою скотинку, и я осмелюсь сказать, что вы сделаете божеское дело, если уступите им бобренка.

Сделав все, что было в его силах, Пат замолчал и стал вытирать пот с лица своим большим красным платком. Молодой человек поправил бумаги на столе и откинулся на спинку стула.

— Это все? — спросил он сухо.

— Да, — ответил Пат растерянно: у него уже закрадывались опасения, что все его красноречие пропало попусту.

— О, — заговорил снова управляющий, — благодарю. Ну, что же, должен тебе сказать, — его слова звучали так холодно, словно куски льду падали на стеклянное блюдо, — этого бобра мы купили за наличный расчет и не от этих оборванцев, а от уважаемого представителя американской меховой фирмы. Мы заплатили за него пятьдесят долларов — эта сумма значительно превышает действительную стоимость такого ничтожного зверька, и мы согласились бы перепродать его только в том случае, если бы получили изрядную прибыль на этом деле.

Делец посмотрел на детей.

— Судя по тому, как выглядят твои краснокожие «друзья», я сильно сомневаюсь, чтобы они располагали деньгами.

Пат покраснел еще гуще, но, догадываясь, что только одни деньги могут уговорить этого крепколобого, он толкнул Шепиэна вперед и хрипло прошептал ему:

— Деньги дай ему, деньги!

Шепиэн понял почти все; взволнованный и подавленный, он вышел вперед, порылся с минутку в мешочке и выложил свое состояние на стол.

Делец взял бумажки, пересчитал их и процедил сквозь зубы:

— Здесь только четырнадцать долларов,— он протянул деньги обратно. — Ничего не выйдет. — И для того, чтобы всем стало ясно, он добавил: — Кончено, торговля закрыта. Понятно?

Все поняли его. Все до одного.

Никто не говорил. Никто не шевелился. Но для Шепиэна это было катастрофой. Бледное лицо человека за письменным столом поплыло у него перед глазами. Пол пошатнулся под ногами у Шепиэна. Неужели он потеряет сознание, упадет в обморок, как девочка?! Он закрыл глаза, чтобы не видеть бледного злого лица, не видеть этого холодного глаза, который так безжалостно издевался над ними. Шепиэн стиснул зубы, сжал кулаки, расправил свое юное тело и принял привычную свою гордую осанку... Обморочное состояние прошло.

Между тем взволнованный и растерявшийся ирландец вытирал лысину красным платком и бормотал про себя хриплым голосом:

— Жалость-то какая! Обида! А я, старый дурень, надеялся и детишкам-то голову вскружил! Что станешь теперь делать?

А Саджо? Она тоже все поняла. Ей можно было ничего не объяснять. Все пропало! Все кончилось!

Девочка подошла к Шепиэну.

— Я все знаю, мой брат, — сказала она совсем спокойным и таким странным голосом, что Шепиэн в изумлении взглянул на сестру и обнял ее.

Она подняла свои глазки на брата и продолжала:

— Я знаю теперь. Он не отдаст нам Чикени. Ну, что же, мы ничего не можем сделать. Чикени останется здесь. Но мы оставим с ним Чилеви, чтобы они были вместе и не тосковали. Правда, Шепиэн?

Ее детский голосок дрогнул и перешел в шопот, черная головка опустилась:

— Скажи этому человеку, я... даю ему... Чилеви. Пусть берет.

И девочка поставила корзиночку с бобренком на стол и отступила назад. Ее лицо стало совсем бледным, а глаза горели лихорадочным огнем.

О'Рейли прервал свои причитания и замер. Что же произойдет теперь?

— А это еще что? — злобно воскликнул управляющий.

Шепиэн ответил ему:

— Еще одна бобер — Чилеви. Братишка будет. Братишка нет — Чикени плохо. Бери Чилеви. Такие слова сестренка сказала. Моя...— голос его оборвался, он не мог больше говорить.

— Так, так, — сказал делец, улыбнувшись в первый раз, хотя улыбка не украсила его лица. — Это другой разговор! Ну, что же, давайте, покончим скорее эту сделку, — и он потянулся за пером.

— Нет! — вдруг воскликнул ирландец громовым голосом, ударив кулаком по столу, что есть силы.

Все вздрогнули. А на столе подпрыгнула бутылка с чернилами; карандаши и ручки разлетелись в стороны. Даже бледнолицый человек подскочил на своем стуле, побледнел еще больше и выронил папиросу изо рта.

— Нет, этого не будет! — завопил Пат неистовым голосом. — Ни один из сыновей О'Рейли не допустит, чтобы при нем обирали малых ребят. Грязная твоя душа! Мерзавец! Я блюститель порядка. Я арестую тебя за оскорбление, за грабеж, за насилие, за...

Хрипя от гнева, Пат наступал на бледнолицего человека, который уже пятился в испуге к дверям соседней комнаты.

Саджо и Шепиэн стояли с вытаращенными от изумления глазами.

Но что намеревался предпринять неистовый потомок О'Рейли, так и осталось неизвестным; дверь из соседней комнаты открылась, молодой человек наткнулся на кого-то, путь к отступлению был отрезан.

— Прошу прощения, — раздался спокойный голос, и в комнату вошел худой высокий человек с седой головой.

Он остановился и стал смотреть поверх своих очков на присутствующих, потом кашлянул и снова заговорил:

— Извините, если я помешал. Прошу сесть, — добавил он вежливо.

Пат все еще продолжал рычать и уничтожать взглядом своего противника, который, отвернувшись, стал зажигать дрожащими руками новую папиросу.

— Прошу вас сесть, джентльмены, — снова предложил седоголовый человек.

Все сели. Это был сам владелец увеселительного сада — мистер Нэльс.

— Ну, давайте теперь потолкуем обо всем, — сказал он, сначала взглянув на ирландца, потом на управляющего, на детей и снова на ирландца. — Вчера, когда вы звонили мне по телефону, я обещал выслушать вас. Но теперь я все уже знаю, мне все было слышно в той комнате. Я слышал, какой далекий путь проделали эти дети, сколько лишений перенесли, чтобы отыскать своего четвероногого товарища. Однако из осторожности я должен был выждать. Я не понимаю их языка и потому, опасаясь обмана, решил проследить за их поведением. Мне необходимо было составить свое мнение, иначе не стоило бы и вмешиваться в это дело. Теперь мне все ясно, и, должен сказать, я считаю положение вещей очень трудным для себя.

При этих словах своего шефа управляющий окинул присутствующих самодовольным взглядом, будто говоря: «Ну что, разве я не говорил об этом?»

Мистер Нэльс тоже взглянул на собеседников и, постукивая очками по колену, продолжал:

— Надеюсь, все слушают меня. Не так ли?

Ни для кого не оставалось сомнения, что этот человек привык, чтобы его внимательно слушали. Он поднял очки, точнее говоря, пенсне, и, придерживая их большим и указательным пальцами на тонкой переносице, снова посмотрел на всех поочереди.

Его взгляд показался детям очень неприятным.

— Итак, — сказал он, убедившись, что все его слушают, — эти индейские детишки предлагают отдать другого бобренка, чтобы зверьки не были одиноки. Это похвально. Но здесь следует задуматься о моих интересах. Как Жорж уже сказал, бобра мы купили за наличный расчет, это стоило мне изрядной суммы денег. Я не могу решить этот вопрос опрометчиво. Больше того, нехорошо, когда люди, и особенно дети, беспрепятственно получают все, что им только захочется; другое дело, если они расплачиваются за это собственным трудом...

И он довольно строго посмотрел на детей через свое пенсне, которое опять надел себе на нос.

— Ну, и чего же вы хотите? Что вы думаете делать, сэр? — вмешался О'Рейли, с нетерпением ожидая, чтобы старик бросил свои фокусы с очками и перешел к делу.

Но мистер Нэльс обратился теперь к управляющему:

— Ты хороший делец, Жорж. Иногда мне кажется, даже чересчур хороший.

— Это мой долг! — с гордостью ответил управляющий.

— А, долг! Да, — пробормотал мистер Нэльс. — Ладно, не в этом дело.

— Но что же вы соблаговолите сделать? — снова спросил Пат, сгорая от нетерпения.

— Что сделаю? — сказал словоохотливый старик. — Что? Ах да. Мне кажется, я уже решил, что делать, — вот что!

Взяв корзиночку с Чилеви, он протянул ее детям.

— Возьмите, — сказал хозяин приветливо. — Вот ваш маленький друг. А теперь, — он вдруг принял строгий, деловой вид и стал писать что-то на листке бумаги. — Теперь отправляйтесь в сад вместе с мистером О'Рейли и возьмите другого. Вы заработали свободу для маленького бобренка.

Он протянул Пату свою записку. Шепиэн смотрел на него во все глаза, полуоткрыв рот: не обманул ли его слух? Так ли он понял этого странного белого человека?

И Саджо в полном смятении, прижимая к груди корзинку с бобренком, воскликнула:

— Шепиэн, Шепиэн, что он сказал, что он сказал?

Видя, что дети не совсем поняли, в чем дело, мистер Нэльс хотел было заговорить снова, но Пат опередил его.

— Прошу прощения, сэр, — я объясню им по-индейски, — сказал он и обратился к Шепиэну на своем ирландском жаргоне. — Этот человек, — торжественно заявил О'Рейли, —

хороший парень. Очень знатный вождь, очень добрый. Кэгет! Кэгет, мои малыши! Слышите, кэгет, — говорит вам О'Рейли!

Тут с торжествующим видом ирландец обернулся к старику и подмигнул ему:

— Ведь поняли, а? Должен признаться, сэр, у всех нас, О'Рейли, природный дар к языкам.

— Вижу, вижу, — сказал мистер Нэльс, с улыбкой провожая своих гостей к дверям.

Потом старик потер рука об руку, словно он заключил выгодную сделку, и сказал сам себе:

— Забавные ребята. Не беда, что я в проигрыше остался.

* * *

Вряд ли Саджо и Шепиэн заметили что-нибудь на своем пути до того момента, когда Пат показал им ворота, видневшиеся уже невдалеке. Саджо пустилась бегом. Ее щеки раскраснелись, глазки сверкали радостным блеском. Шаль спустилась с головы, за спиной метались две черные косички, а маленькие мокасины все быстрее топали по мостовой. За ней следовал Шепиэн. Ему трудно было угнаться за сестрой с корзинкой, в которой Чилеви просто неистовствовал, пытаясь вырваться на свободу. Пат О'Рейли, красный, как кумач, спешил за детьми без шлема, вытирая красным платком лысину и пыхтя, как буксир.

Несколько прохожих остановилось и смотрело с недоумением, как бегут маленькие дикари, очевидно, преследуемые постовым.

Они услышали также пронзительные крики бобренка, которому, повидимому, совсем не нравилась тряска и вообще вся эта гонка по городу.

Прохожие повернули обратно и присоединились к странной процессии, во главе которой со всех ног мчалась маленькая черноголовая девочка.

Вслед за ними, далеко-далеко позади, показался еще один пешеход, высокий меднокожий. Он продвигался легкой поступью, очень быстро. Этот человек выглядел таким суровым и мрачным, что люди невольно отступали в сторону, давая ему дорогу.

— Кто он такой? Что это за человек?

Но пешеход даже не взглянул ни на кого из них.

* * *

У входа произошла некоторая задержка. Сад еще не был открыт для посетителей. Однако О'Рейли быстро сообразил, как выйти из трудного положения, и показал свой служебный билет. Его пропустили вместе с детьми.

Но как только открылись ворота, хлынула толпа.

Служитель, который впустил наших друзей, был не кто иной, как Алек, смотритель. Пат обменялся с ним несколькими словами, и Алек повел Саджо к клетке бобра.

Вдруг девочка побледнела: ей казалось, что она бежит по огромному пустому пространству, а вдали, далеко-далеко, была темная, безобразная решотка. А потом, потом она уже видела, что там — да, по самой середине за этой решоткой — сидит маленький пушистый зверек, Чикени!

Саджо ни на кого больше не обращала внимания: она забыла про шумную толпу и про все на свете. Она видела только маленькое пушистое тельце теперь уже совсем близко. Подбежав к решотке, Саджо бросилась на колени, просунула руки между железными прутьями и закричала:

— Чикени! Чикени! Чикени!!!

Бобренок сидел совершенно неподвижно и только смотрел на нее.

— Это я, Саджо. О, Чикени! — со слезами в голосе произнесла девочка.

Неужели он забыл ее?

Еще с минуту бобренок оставался неподвижным и, склонив на бок свою круглую головку, казалось, весь обратился в слух. Саджо позвала опять:

— Чи-ке-ни-и-ии!!!

Пролепетав что-то потешное, бобренок засеменил как только мог быстро на своих коротких ножках прямо к решотке.

В толпе раздался возглас восторга. Алек-смотритель подошел к решотке и, открыв маленькую железную дверцу, сказал:

— Сюда, мисс — мамзель — э-э — синьорита, — он не знал, как надо величать индианочку.

Саджо вбежала. Опустившись на колени, она схватила Чикени, с которым так давно не была вместе. Посадила к себе на колени и наклонилась к нему. И оба притихли. Пестрая шаль скрыла все. И ни вы, ни я — никто никогда не узнает, что произошло между ними в это чудесное незабываемое утро.

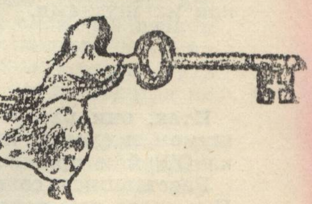
Убеленный сединами хозяин сада был уже здесь: он поспешил сюда, чтобы увидеть, как встретятся старые друзья. Стараясь скрыть свое смущение, он вынул носовой платок и стал громко сморкаться. У Алека-смотрителя вдруг запершило в горле, и он кашлянул.

— Еще бы! — воскликнул Пат выразительно, хотя смотритель ничего не сказал.

Но теперь должно было произойти самое замечательное — встреча Чилеви и Чикени. Они были совсем близко друг от друга, но не знали этого.

Что это была за радость!

Как сильно билось сердце у Саджо и Шепиэна, когда они внесли корзинку! Дети так волновались, что пришлось вдвоем открывать крышку: одному бы ни за что не открыть лубка. Они вытащили Чилеви и посадили его напротив Чикени и затем стали ждать, что будет. В первый момент ни один из бобрят не пошевелился — они только смотрели друг на друга. Потом зверьки поползли навстречу, насторожив уши, прислушиваясь, понюхивая. Но вот они стали выступать шагом, побежали мелкой рысцой: теперь они уже знали, что нашли друг друга, помчались галопом и со всего размаха стукнулись лбами. Оглушенные ударом, они не двинулись с места, только встали на задние лапки, с пронзительным визгом вцепились друг в дружку и... начали бороться.

Бесконечные, безнадежные поиски, жуткие страхи, дни разочарования, горя и тоски, то-

Маленькая Крошка и Большая Крошка были снова вместе.

мительные ночи — все кончилось. Маленькая Крошка и Большая Крошка были снова вместе.

Они весело носились вдоль и поперек внутри загородки.

Дети хлопали в ладоши, вскрикивали, смеялись и визжали от радости, в то время как борцы, или плясуны,—как хотите назовите их — все ходили ходуном, кружились волчком, переживая счастливейшие минуты своей жизни.

Никогда еще бобрята не разыгрывали такого блестящего представления!

Зрители громко восторгались и смеялись все время, сам хозяин сада усердно размахивал платком и, я не уверен, может быть, даже и кричал немного.

Пат О'Рейли, один из главных виновников этого торжества, гордый сознанием, что только он один из зрителей знал всю историю с начала до конца, выступал в роли распорядителя; сдерживая нахлынувшую толпу, он важно давал пояснения, пересыпая их шутками.

Добряк-ирландец был в полном восторге. И когда бобрята закончили свою пляску, он объявил, что никогда еще не видел, чтобы кто-нибудь, за исключением истых ирландцев, мог так прекрасно исполнять ирландский джиг.

Когда затихли первые порывы радости, из толпы выступил высокий смуглый человек в мокасинах. Мы уже видели его — это он спешил по следам детей.

В толпе воцарилась недоуменная тишина.

Саджо и Шепиэн стояли словно зачарованные, наблюдая своих любимцев, и не замечали никого вокруг себя. Но вот они услышали тихий знакомый голос, который говорил с ними на певучем языке ожибвеев.

— Облака сошли с лица солнца, мое горе рассеялось, как туман. Мой сын, моя дочь, поблагодарите этих людей: они сделали для нас очень много. Возьмите бобров, наша хижина ждет вас.

Большое Перо приехал за детьми и их питомцами, чтобы отвезти их домой, в долину Лепечущих Вод, в страну Северозападных Ветров.

Мино-та-кия

Итак, они распрощались с городом, с его шумом и суетой, и в сопровождении Патрика О'Рейли приехали на вокзал.

Расставшись со своими юными друзьями, Пат долго еще вспоминал обо всем и рассказывал своим приятелям, как он посадил детей на поезд — «обеими руками посадил» — и как весело улыбался Гитчи Мигуон, когда он, потомок О'Рейли, разговаривал с ним по-индейски.

Когда дети подъезжали к поселку Пляшущих Кроликов, первый, кого они увидели, был Золотые Кудри. Пароход не успел еще причалить к пристани, а юноша был уже на борту. Он сказал детям, что поедет вместе с ними и поживет некоторое время в их краях среди индейцев.

Большое Перо вошел в пострадавшую от пожара ладью и сел за весла, Шепиэн — за руль. Саджо на этот раз не гребла, она была просто пассажиркой и все сидела, уткнувшись носом в корзиночку, не в силах оторвать глаз от пушистых друзей. Золотые Кудри вместе с индейцами, односельчанами Большого Пера, занял место в большой пироге; своим гордо изогнутым носом и кормой эта пирога напоминала боевого коня.

На первом же волоке навстречу причалившим ладьям вышел старый вождь Ни-Ганик-Або. Он разбил здесь свой лагерь и ждал возвращения детей. Ни-Ганик-Або попросил, чтобы ребята подробно рассказали обо всем, что случилось. Он слушал очень внимательно, молчаливо и только в самых напряжен-

ных местах рассказа у него вырывались сдержанные возгласы: «Хо! Хах! Хм!», — а в глазах светился такой понимающий огонек.

А когда рассказ был закончен, Ни-Ганик-Або подумал немного и сказал, что Саджо и Шепиэн — гордость племени ожибвеев и что подвиги их будут воспеты в песнях и войдут в историю индейского народа. Мудрое, покрытое морщинами лицо осветилось улыбкой — Ни-Ганик-Або редко улыбался. А потом, подобрав шаль-одеяло у пояса, седовласый вождь выпрямился и, протянув руку к солнцу, сказал:

— Хах. Мино-та-кия. Кэгет — Ки — Мино-та-кия. Это хорошо. Правда, это очень хорошо.

И кучка молчаливых индейцев, и Большое Перо, и Золотые Кудри — все подхватили в один голос: «Мино-та-кия».

Ладьи продолжали свой путь.

Деревья на берегу, казалось, кивали друг другу и кланялись, а в шорохе веток и листвы так и слышались неясные припевы «Кэгет Мино-та-кия». «Это хорошо». И черные вороны в воздухе, казалось, тоже вторили: «Мино-та-кия», и ветер шептался с травой: «Мино-та-кия». И стремительные воды быстрин, теперь уже спокойные и плавные, переливали в свою журчащую таинственную песнь все тот же напев: «Мино-та-кия».

Никогда еще лес не выглядел таким красивым и лазурь неба такой глубокой. Никогда еще солнце не светило так ярко, не пели птицы, не цокали белки так весело, как в тот чудесный день, когда Саджо и Шепиэн возвращались домой. Никогда еще дети не были так счастливы!

В день приезда Большое Перо пригласил гостей в хижину. Собрались все индейцы из поселка; пришли и два приезжих метиса со скрипками. Под капризные напевы струн — в них былое и новое сливалось вместе — быстро переступали и кружились танцоры.

Саджо танцовала очень много — ей просто не давали отдохнуть, и, надо сказать, она была очень хорошей плясуньей, недаром Шепиэн гордился сестрой.

За хижиной под открытым небом кипятили чай над костром. Старые индейцы собрались покурить свои трубки и вспомнить про былые времена; а меднокожие детишки играли в прятки среди зыбких отсветов костра.

Большое Перо приветствовал гостей, разговаривая с ними, и улыбка не сходила с его обычно грустного и сурового лица. Время от времени хозяин подходил к гостям с большим чайником, а Саджо и Шепиэн подносили чашки.

Один раз в этот вечер все вдруг перестали танцовать и встали в круговую, словно ждали чего-то. Два барабанщика вошли в круг и начали бить в свои «то́м-то́м». В дверях появился старый вождь — Ни-Ганик-Або, в головном уборе из орлиных перьев; яркими красками было расписано его лицо. Старый вождь заплясал под звуки барабана.

А когда он плясал, под коленями у него загудели, зазвенели полые оленьи копытца — как медные колокольчики звенели они. И черепаховая трещотка мелькала алым и черным узором в его руке и гремела: бахрома из оленьей шкуры трепетала, и орлиные перья расправлялись и клонились к плечам, и снова отгибались назад.

Барабанщики все ударяли в «то́м-то́м».

Ни-Ганик-Або плясал. Он затянул странную, заунывную песнь про подвиги Саджо и Шепиэна и двух маленьких бобрят. Так в былые дни воспевали индейцы боевые дела своих героев.

Но вот раздался громкий протяжный крик — старый вождь кончил плясать. И снова заиграли скрипки.

Чилеви и Чикени, взволнованные музыкой и шумом, бегали по полу, путались под ногами танцующих и попрошайничали у всех, кто только садился отдохнуть.

Один раз Чилеви вышел на самую середину комнаты, встал на задние лапы, прямо у всех на дороге, и стал смотреть очень вызывающе. И что же? Танцы остановились: всякий боялся споткнуться или раздавить малыша. В конце концов, Саджо пришлось взять проказника и унести оттуда, хотя он вырывался и визжал что есть силы. А тем временем Чикени — тихоня — разыскал ящик с яблоками и, не будучи в состоянии одолеть больше одного, стал перетаскивать их к себе в домик. Воришку поймали и задержали на месте преступления.

Чтобы как-нибудь успокоить бобрят, Саджо стала совать им ломтики хлеба, в надежде, что проказники отправятся спать. Но не тут-то было: зверькам на этот раз не сиделось в каморке — они снова и снова появлялись и клянчили хлебца. Так и бегали они взад и вперед, все уносили добычу и натаскали столько, что если бы даже и всю ночь пировали, все равно не съели бы всех запасов.

Наконец, усталые от трудного путешествия, суеты праздника и всего на свете, они удалились в свою каморку. А там, окруженные со всех сторон ломтиками хлеба, они вцепились лапками друг дружке в шерсть, уткнулись нос к носу и погрузились в глубокий сон.

Долгие дни томительной тоски и невзгод отошли и исчезли навсегда.

С тех пор каждый день и целыми днями снова разносились по озеру звонкие детские голоса и веселый смех, совсем как раньше. Разлуки словно и не бывало, казалось, что все было просто страшным сном. На вязком берегу снова появились отпечатки детских ног и бобровых лапок — следы, которые чуть было не оборвались, чтобы нигде никогда не появляться.

Проказник Чилеви принялся за свои старые проделки и был такой же своенравный, как и прежде, и, может быть, если уж сказать правду, даже немного хуже.

Оба бобренка росли быстро, но Чикени все-таки не смог угнаться за Чилеви. Так Чикени и остался Маленькой Крошкой и был таким же нежным и ласковым, как всегда. Но сказать, что его поведение было совсем безупречным, тоже нельзя — да и вряд ли этого можно было требовать от малыша. Очень часто он отдыхал у Саджо на руках, уткнувшись носом в шею девочки. Вот так и прикорнет он, бывало, закроет глазки, посопит и попыхтит немного, а потом начнет тихо урчать от счастья.

Все теперь было, как раньше. Вернулись дни, полные хлопот и веселья. Нужно было поплавать в озере, порыться и побарахтаться в иле, потом почиститься и причесаться как следует, поиграть в прятки; а тут еще борьба и постройка потешной бобровой хатки, которая все еще никак не могла спрятать хозяев от дождя. К концу дня, наработавшись и наигравшись вдоволь, бобрята едва волочили свои короткие ножки по тропинке к хижине. А там их уже ждали блюдца — те самые, что и раньше,—блюдца, полные каши или молока или еще чего-нибудь вкусного. Краюшка хлебца на прощанье — и бобрята отправлялись спать на свою мягкую подстилку...

Так прошло лето.

Осень наступила. С днями Падающих Листьев пришли дни Тишины. Теперь пора уже было вернуть Чилеви и Чикени к их настоящей бобровой жизни, иначе зима показалась бы им очень тяжелой, — воды теперь не напасешься для них вдоволь, да и с прогулками будет трудно.

Итак, Гитчи Мигуон позвал к себе детей и стал спокойно объяснять им, что бобрята скоро уже вырастут большими, а для взрослых бобров жизнь в неестественных условиях будет несчастливой; поэтому необходимо их отвезти к родному пруду и дать им возможность жить так, как живет вся их родня.

Саджо и Шепиэн за последнее время сами начали задумываться над этим, но ничего друг другу не говорили.

Чем ближе подходил день разлуки, тем тише и задумчивее становилась Саджо и все дольше бродила с бобрятами на прогулках, зная, что скоро они больше не будут вместе. А бобры? Они играли и возились беззаботно, как всегда, никогда не задумываясь о завтрашнем дне.

Саджо любила их так сильно, что не хотела думать о себе и своей печали, она думала только о том, как хорошо будет вернуться бобрятам к родному пруду, в родную хатку, к родителям. «Как же я могу грустить?» — спрашивала себя девочка и говорила вслух дрожащим голосом:

— Я счастлива. На самом деле. Я знаю это.

Да, маленькая Саджо, ты была счастлива, счастлива тем, что умела дарить радость своим друзьям.

Итак, в октябрьское утро, в месяц Падающих Листьев, когда все холмы оделись в осенний наряд, играя золотыми, алыми и коричневыми красками, Чикени и Чилеви— Маленькая Крошка и Большая Крошка—попрощались со своей каморкой, где они провели беззаботное детство. Они расстались с шаткой бобровой хаткой и с детским вигвамом на берегу, со своими бобровыми пристанями и с тропинкой к хижине, залезли в берестяную корзиночку, которая служила им так хорошо и так долго, и отправились в последнее и самое важное в их жизни путешествие.

Они, наверное, совсем не догадывались, залезая на подстилку из зеленой травки, какая радость ждет их в конце пути.

В месяц Падающих Листьев

Ожидалось большое событие.

Саджо выглядела очень нарядной в клетчатом платьице, в своей самой пестрой шали и расшитых бусами мокасинах. Шепиэн и Гитчи Мигуон разоделись в новые костюмы из дубленой оленьей кожи теплого бар-

Старый вождь плясал под звуки барабана.

хатисто-коричневого цвета. Знаменитую корзинку Саджо расписала листьями и разноцветными цветочками, появились на ней и раскрашенные птички и всякие зверьки, чтобы Чилеви и Чикени веселее было путешествовать. А когда еще к ручке было подвешено большое белое перо, корзиночка стала такой нарядной, что никто бы не догадался, сколько она испытала бед. Дно ее девочка заботливо устлала душистой травкой и подвесила к стенке маленький кожаный мешочек, украшенный иглами дикобраза,— там хранились два маленьких, но очень дорогих ее сердцу блюдечка!

Ладья, верный спутник их странствований и приключений, тоже не была забыта. Следов огня на ней никто бы не заметил,— она заново была покрыта яркожелтой краской, намалеван был и птичий глаз, только не такой хищный, как раньше, а довольно веселый, если только присмотреться к нему как следует. Пушистый лисий хвост снова появился у кормы. И хотя ладья пускалась в обычное плавание, вид у нее был какой-то особенно гордый. Выйдя навстречу ветру, она задорно виляла своим новым хвостом и, казалось, подмигивала глазом, когда скользила мимо трепещущих тростников, словно знала какой-то очень интересный секрет.

И так они держали свой путь к Березовой реке, которая текла где-то в голубых далях между холмами Шепчущихся Листьев,—там, где родились Чикени и Чилеви.

Шесть дней они плыли. И чем дальше они продвигались, тем воздух становился чище и вода прозрачнее. Дикие гуси летели к югу длинными вереницами, в ночной тишине так отчетливо раздавались взмахи их крыльев. С каждой новой зарей диск солнца становился все больше и все ярче, а листва кругом — все наряднее и пестрее.

У Саджо было радостно на душе, — она сама этого не ожидала. И, чтобы сохранить свою бодрость, девочка все время думала о том, что ее маленьким любимцам теперь будет еще лучше жить, что скоро их окружит такая ласка, которой, при всей своей любви, она, Саджо, не могла им дать: бобрята возвращались домой — на родину, к своему бобровому народу. Шаловливое детство почти прошло — с каждым днем бобрята становились все разумнее. «Скоро они начнут по-настоящему работать, как и все взрослые обитатели леса», — убеждала себя девочка.

Но минутами сердце ее вдруг сжималось, и Саджо торопливо смахивала набежавшие слезы и говорила себе:

«Это я просто себя жалею. Надо, чтобы им было хорошо. Ведь я их очень люблю».

Отгоняя тоску, девочка смотрела на деревья и озеро, заглядывала в корзиночку, щекотала зверьков за ухом и думала, как было бы хорошо подсмотреть, что будет, когда они вернутся в родную хатку, и подслушать, что они скажут друг другу.

Если бы только старый бобер и бобриха и другие бобрята встретили «Крошек»! Ей так хотелось увидеть их всех вместе. А потом она думала об охотниках, и всем сердцем надеялась, что ни один из них никогда не найдет эту бобровую хатку.

В последний день пути, вечером, они разбили свой лагерь среди сосен на берегу ручейка, который вытекал из бобрового пруда, — там уже много времени назад мы застали Гитчи Мигуона за обедом.

После ужина, когда стало совсем темно и костер весело пылал, Большое Перо сказал детям, что он хочет с ними поговорить.

Саджо и Шепиэн разместились у костра и притихли. На этот раз и Чилеви сидел неподвижно около своей корзинки, склонив голову набок, и, казалось, весь обратился в слух. Чикени притаился, как мышка, у Саджо на коленях и, наверное, тоже слушал. Чудилось, что даже огромные деревья, которые так торжественно и молчаливо стояли вокруг лагеря, тоже прислушивались.

— Саджо и Шепиэн,—говорил Гитчи Мигуон,—сегодня мы проводим последний вечер с Чилеви и Чикени. Завтра они вернутся к своим близким и станут жить, как и все бобры. Бобрята внесли много радости в нашу жизнь, и веселые дни лета стали еще веселее с их приходом в нашу семью. Я нашел малышей на этом месте обессиленными, умирающими. Вот они вернулись сюда здоровыми и бодрыми. Их приключения кончились, теперь им откроется радость, какой они еще не испытывали в своей жизни.

Я даю вам одно обещание: наши маленькие друзья никогда не погибнут от руки охотника.

При этих словах у Саджо вырвался какой-то слабый звук, но она прижала палец к губам и заглушила его.

Гитчи Мигуон продолжал:

— Вы видели, как старый вождь плясал танец «шишигуан». Он заклинал, чтобы никто из индейцев не убивал бобров в этом месте. Бледнолицые не приходят сюда, на мой охотничий участок. А у меня разве поднимется рука на наших маленьких друзей? Никогда не обижу я и их семью. Бобрята наполнили радостью сердца моих детей, и если бы они поняли мой язык, — я бы поблагодарил их.

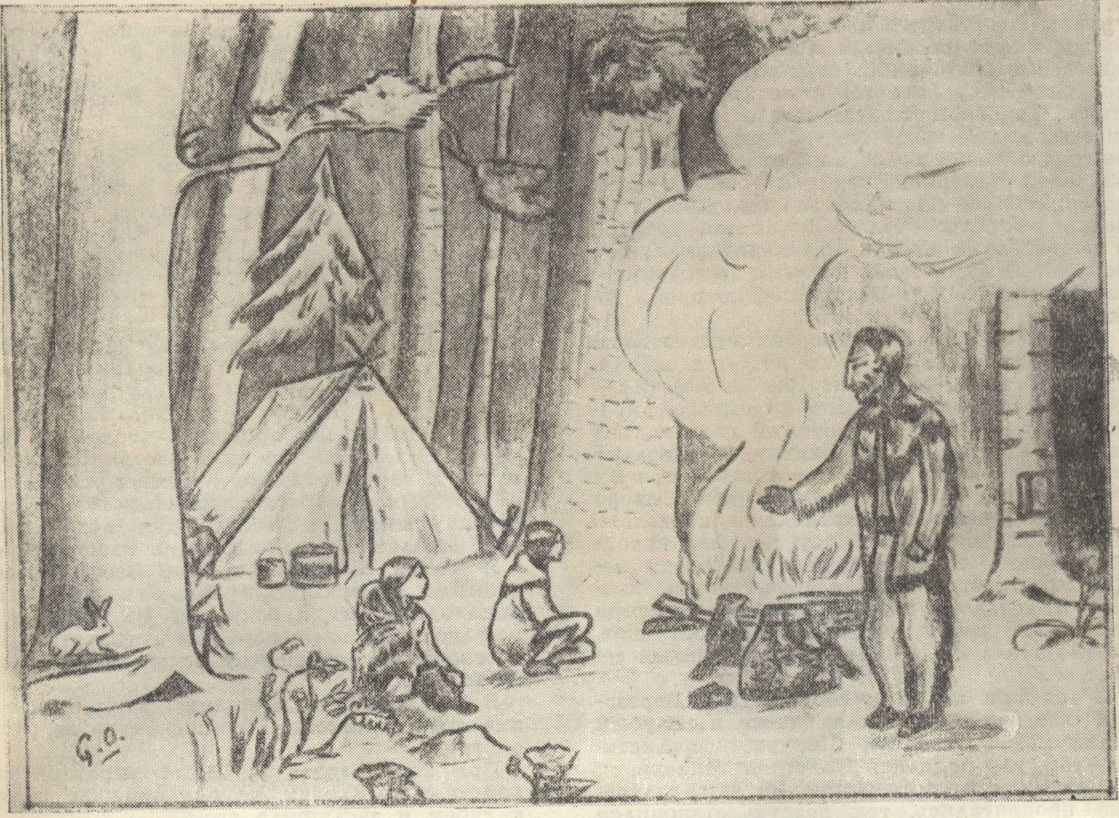
Завтра, когда вы вернете им свободу, я кликну бобровым кличем, и, наверное, старые бобры выплывут навстречу.

Саджо крепко прижала руку к губам, чтобы ни один звук не сорвался с ее уст: индейцы никогда не перебивают друг друга. И как раз в этот момент раздался глухой вой,—он доносился откуда-то из-за холмов и становился все сильнее... а потом замер. Это был дикий, заунывный вой волка. И пока не замер последний отголосок эха, Гитчи Мигуон молчал, и все прислушивался. Индейцы не знают страха перед «Тоскующими»—так они называют волков—и смотрят на них, как на четвероногих охотников.

Гитчи Мигуон продолжал:

— Маленькая Крошка и Большая Крошка,—индеец улыбнулся, произнося эти имена,—не уйдут из вашей жизни безвозвратно. Бобры подобно людям, не забывают друзей.

А теперь я скажу вам самое важное. Каждый год в месяц Падающих Листьев, когда обнажается лес и листья кружат словно желтые и алые снежинки, когда дикие гуси

— Саджо и Шепиэн,— говорил Гитчи Мигуон,— сегодня мы проводим последний вечер с Чилеви и Чикени.

стаями плывут в небе, вы будете приезжать сюда, на родину бобрят. И вечерами, притаившись на берегу их пруда, вы будете наблюдать, как они плавают, работают и играют. Может быть, они подплывут к вам так близко, что можно будет поговорить с ними и даже погладить. Вряд ли бобрята будут помнить обо всем, и многое, что было в прошлом, сотрется в их памяти, но они почуют вас: друга они никогда не забудут. Старики, умудренные жизнью, так говорили мне. Да я и сам наблюдал это в юности. Вот что мне хотелось сказать вам, дети мои.

Слова отца еще больше успокоили Саджо, хотя, может быть, где-то глубоко в сердце она таила еще грусть.—Не забывайте, что Саджо была еще ребенком и отдавала все, что у нее было,—двух своих питомцев, которых она любила так, как только маленькая девочка может любить.

И, чтобы бобрята крепче помнили обо всем, Саджо решила подвесить корзинку с блюдцами на ветку у самого берега—пусть зверьки приходят и смотрят на нее.

Ночью, когда девочка лежала на подстилке из зеленых веток, крепко прижимая к себе в последний раз Маленькую Крошку и Большую Крошку, она перебирала в памяти все, что случилось с того незабываемого дня рождения, когда бобрята впервые появились у нее. Она вспомнила про веселые игры, подумала, как благополучно кончились их приключения и как все хорошо получилось, вспомнила обо всем, что сказал отец: он кликнет бобровым кличем, и старые бобры выплывут навстречу...

Можно ли было спать эту последнюю ночь? Долго она не смыкала глаз, все прислушивалась к ровному дыханию Чилеви и Чикени. Но, наконец, склонилась над влажными носиками, которые пыхтели, сопели, даже иногда похрапывали, и перенеслась в страну забвения.

Назавтра, когда солнце уже пряталось за горизонтом, а дикие бобры только что пробудились от сна, Большое Перо подошел с детьми к пруду, как раз в том месте, откуда Чилеви и Чикени пустились в свое опасное странствование.

Мало, что изменилось в этих местах с тех пор, как мы были здесь в мае — месяце Цветов. Плотина, как и раньше, сдерживала воду, едва струившуюся через край, а землянка возвышалась, как курган, высоко над заболоченной землей.

Все было в порядке на пруду: заботливый труд был виден во всем, и еще сильнее чем прежде, казалось, что здесь поработали люди. Однако вся работа была сделана только двумя бобрами, — молодые бобрята в первое лето своей жизни едва ли могут счи-

таться помощниками. Стены хатки были заново покрыты толстым слоем глины, чтобы не забрался зимний холод; перед самым жилищем плавал плот из бревен, прутьев и веток — это бобры заготовили себе запасы корма на зиму. От берега в разных направлениях уходили в лес гладко вытоптанные тропинки, вдоль которых виднелись пни со свежими следами бобровых зубов. Стволы подточенных деревьев уже плавали на воде. Несколько деревьев еще лежало на берегу, видно было, что бобры еще не закончили заготовки на зиму.

Попрежнему здесь было очень тихо. Молчаливые деревья, окружившие пруд, четко отражались в его спокойных водах. Только теперь их вершины были не зелеными, как раньше, а алыми, желтыми и даже коричневыми—там, где прихватили их заморозки.

И везде в этом лесу медленно летали, кружились, шуршали падающие листья.

Гитчи Мигуон нарочно отстал от ребят, когда Саджо и Шепиэн понесли корзинку к берегу. Там, под высоким серебристым тополем, они открыли ее.

Шепиэн погладил шелковистые пушистые тельца и сказал:

— Прощайте, Нитчи-ки-уэнз, прощайте, маленькие братцы.

Эти слова он произнес почти шопотом, потому что его голос дрожал, а мальчик не хотел обнаружить свое волнение при сестренке. Потом он пожал одной рукой обе руки Саджо и сказал ей:

— Не печалься, сестра. Каждый год, как только начнется листопад, я буду привозить тебя сюда. Много горя и радости мы переживали вместе, и мы никогда не забудем наших маленьких друзей. Они тоже будут помнить нас. Так сказал отец. Теперь бобрята вступают в новую счастливую жизнь. Не тревожься за них.

— Да,—прошептала Саджо.—Я знаю, что они будут счастливы. Мне надо радоваться, а не грустить.

После этого Шепиэн подошел к отцу. Саджо осталась одна. Она прижала к себе бобрят на минутку и шепнула им в черные ушки:

— Прощай, Чилеви, прощай, Чикени. Ведь мы не забудем друг друга! Никогда!

Она выпустила бобрят, проводила их до самого края воды и следила глазами, как они пустились вплавь.

Бобрята плыли рядышком, как всегда: сорванец Чилеви и нежный Чикени. Еще несколько минут — и оба исчезнут.

Когда зверьки стали приближаться к землянке, Большое Перо издал звонкий протяжный звук—зов тоскующего бобра. И снова этот звук задрожал в тишине. И еще раз. А потом на поверхности воды около хатки появилась черная голова, за ней другая. Большие черные головы и коричневые спины плыли навстречу малышам.

У Саджо захватило дыхание. Это как раз то, чего она так ждала: бобры-родители выплыли на зов Гитчи Мигуона.

Старые бобры медленно приблизились к Чилеви и Чикени. Поплавали вокруг них немного, присматриваясь, понюхивая, издавая какие-то тихие волнующие звуки. А потом поплыли—большие головы и маленькие головы—все рядом. Бобры удалялись быстро, слишком быстро, оставляя за собой зыбкий, расходящийся след. Один или два раза донесся слабый звук, как будто детский голос. Большие головы попрежнему плыли рядом с маленькими головами, становились все меньше, пока не исчезли под водой одна за другой—как раз напротив входа в хатку.

Бобрята были дома.

А Саджо стояла совсем неподвижно, словно цветная статуя, в своем ярком клетчатом платье и красивых мокасинах; шаль спустилась с головы, и заходящее солнце играло в блестящих черных волосах. Так она и замерла, глядя на пруд горящими глазками, не отрывая напряженного взгляда, пока не исчезла последняя коричневая голова.

И вдруг из чащи золотистых дрожащих листьев долетела звонкая песнь белогрудой славки. Нежный голос пернатой певуньи разносился далеко по тихой долине, и Саджо казалось, что это была песня надежды, радости и любви.

— Мино-та-кия—это хорошо, — звенело в ушах у девочки.

Так и стояла Саджо совсем тихо под дождем пылающих листьев, все еще не спуская глаз с черной землянки, и тихо повторяла про себя:

— Ми-но-та-ки-я!

Она повесила корзинку, в которой осталось два блюдца и душистая зеленая подстилка, на низко склонившуюся ветку у прозрачной спокойной воды.

А потом повернулась, с улыбкой протянула руки отцу и брату и побежала к ним.

* * *

...Это все, что я хотел рассказать. Моя повесть закончена.

Догорели огни нашего костра, остались лишь тлеющие угли. Позади нас на оленью шкуру—стену вигвама—упали длинные темные тени.

Пора расходиться.

Как-нибудь в сумерках летнего вечера, когда вы будете совсем одни, вспомните про этих двух меднокожих ребят. Они были такие же дети, как и вы, и им тоже было страшно иногда, у них были свои радости и горести—совсем как у вас.

Вспомните про Чилеви и Чикени, двух маленьких бобрят, которые так привязались к своим маленьким хозяевам. Ведь они жили на самом деле и любили друг друга, иногда тосковали, но умели и играть.

Итак, перенеситесь в своих мыслях еще раз на холм Шепчущихся Листьев, и вам покажется, что вы снова видите высокие темные сосны, которые как будто кланяются, когда вы проходите мимо. Вы проплывете еще раз на желтой ладье с ее настороженным глазом и виляющим лисьим хвостом.

И если вы будете сидеть очень тихо, то, наверное, услышите шорох падающих листьев, зов журчащей воды и нежные голоса лесных обитателей, которые живут в этой огромной забытой стране, такой далекой и дикой и в то же время такой прекрасной,— в стране Северозападных Ветров.

Индивидуальная гимнастика*

М. Черевков

Полутемная тюремная камера. Узкое решетчатое оконце, прорезанное в непомерно массивной каменной стене, едва пропускает бледный свет раннего утра. Затхлый воздух, пятна плесени по углам, тяжелый сводчатый потолок напоминают о застенках средневековья.

В эту мрачную одиночку царской охранкой в 1905 году был заключен человек атлетического вида.

Каждое утро удивленный стражник видел в глазок, прорезанный в обитой железом двери, как узник, скинув тюремный халат, поднимал и сгибал руки, напрягая мощные мышцы, приседал, наклонялся и выпрямлялся, как стальная пружина. Регулярно, изо дня в день, заключенный занимался гимнастикой.

После двух побегов из царской тюрьмы и одного с каторги этот человек писал:

«Только железная воля и решение во что бы то ни стало быть на свободе, жажда борьбы, ежедневная тренировка ввиде гимнастики спасли меня от гибели».

Имя этого человека, будущего легендарного героя гражданской войны,— Григорий Иванович Котовский.

* * *

Задумывались ли вы над тем, какое исключительное значение в жизни человека имеют воля, упорство, способность неуклонно идти к намеченной цели?

В воспитании этих качеств бесценную услугу вам окажут систематические занятия гимнастикой, спортом, закаливание тела водой, воздухом и солнцем.

Не нужно много упорства, чтобы играть в волейбол или кататься на коньках. Другое дело индивидуальная гимнастика. Она менее увлекательна. Чтобы ею заниматься, надо встать на полчаса раньше с постели, т. е. победить свою лень. Занимаясь индивидуальной гимнастикой, вы постепенно добиваетесь правильного выполнения все более и более сложных упражне-

* Написано по книге М. Черевкова и В. Арцишевского «Индивидуальная гимнастика для подростков», премированной на конкурсе, организованном Всесоюзным комитетом по делам физической культуры и спорта.

Как заниматься

Раннее зимнее утро. Еще темно. Резкая трель будильника нарушает ваш сон. Хочется повернуться на другой бок, укутаться с головой в одеяло и снова заснуть.

Еще лежа в постели, повернитесь на спину, положите руки на грудь и, нажимая ладонями на ребра, сделайте полный выдох (рис. 1). Затем медленно вытяните руки вверх пошире, прогните спину так, чтобы о подушку опиралась голова, а спина отделилась от постели, и одновременно сделайте медленный глубокий вдох (рис. 2).

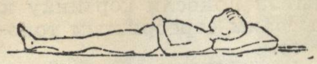
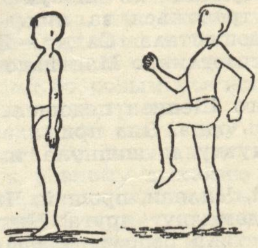

Рисунок 1

Рисунок 2

Повторив эти движения три—четыре раза, вы замечаете, что сна как не бывало. Теперь прочь с постели! Форточку настежь! Одеяло и простыни повесьте у окна, чтобы они проветрились.

Рисунки 3 и 4.

Первое упражнение — разминка

ЦЕЛЬ: «размяться» после сна, подготовить организм к более трудным упражнениям.

ИСХОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ: стойка смирно, пятки вместе, носки врозь, грудь слегка вперед, голова прямо, руки вниз (рис. 3).

ВЫПОЛНЕНИЕ: ходьба на месте, высоко поднимая колени и энергично размахивая полусогнутыми руками (рис. 4). Сделать 60—100 шагов.

ДЫХАНИЕ: на протяжении 3—4 шагов делать медленный полный вдох и на столько же шагов—выдох. Дышать через нос. Следить, чтобы выдох был возможно более полным, не задерживать дыхание.

ний, а ведь для этого также необходимы упорство и сила воли.

Упражнения индивидуальной гимнастикой подбираются с таким расчетом, чтобы они давали работу всему организму. Пятнадцать—двадцать минут ежедневных упражнений составят в год 100—120 часов. Такая работа не пройдет бесследно. Бодрость и жизнерадостность, повышенная работоспособность, сильное и ловкое тело — вот что даст вам индивидуальная гимнастика.

Маршал Советского Союза Нарком обороны Климент Ефремович Ворошилов писал:

«...Необходимо всякому честному и разумному командиру, политработнику, начальнику, где бы он ни работал и сколько бы ему лет ни было (хоть сто!), обязательно и непременно и немедленно заняться, а затем уже систематически заниматься, как правило, ежедневной физической тренировкой. Нужно усвоить, что это так же полезно, как ежедневное принятие пищи».

В детском возрасте, когда идет рост организма, ежедневная гимнастика еще более необходима чем взрослому. Вместе с командирами Красной Армии вы, ребята, должны выполнить наказ товарища Ворошилова. Каждый из вас должен сказать: «Хочу, могу и буду ежедневно, систематически заниматься индивидуальной гимнастикой!»

Что делать после гимнастики?

Постелите постель и идите умываться. Почистив зубы, вымойте с мылом лицо, шею и руки, а затем возьмите чистую тряпочку, еще лучше губку, намочите ее в воде и оботрите сначала руки, потом плечи, подмышками, далее грудь и живот, наконец, спину. Сделав холодное обтирание по пояс, сейчас же насухо вытрите кожу грубым полотенцем и одевайтесь.

Только после обтирания вы почувствуете благотворное влияние гимнастики. Вам станет весело, сильно захочется есть, кожа будет приятно гореть от холодной воды.

Если после обтирания вы озябнете, то значит вода была слишком холодна, или комната плохо натоплена, или, наконец, ваше тело слишком изнежено и не выносит холодной воды. Во всех этих случаях обтирание принесет вред вместо пользы. Поэтому вначале лучше обтираться слег-

Рисунок 5

Второе упражнение

ЦЕЛЬ: научить выгибать грудной отдел позвоночника, укрепить мышцы, разгибающие спину и отводящие плечи назад.

ИСХОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ: сесть «по-турецки», т. е. скрестив согнутые ноги, спиной к стене (шкапу), наклониться вперед, руки свободно опустить на пол, голову на грудь, сделать полный выдох (рис. 5).

ВЫПОЛНЕНИЕ: медленно выпрямить туловище, прижимаясь спиной к стене, одновременно согнуть руки за головой; не останавливаясь, прогнуть спину так, чтобы затылок и локти касались стены (рис. 5). Выпрямляясь и прогибаясь, делать медленный и полный вдох. Затем снова наклониться вперед и сделать полный выдох. Повторить упражнение 6—8 раз.

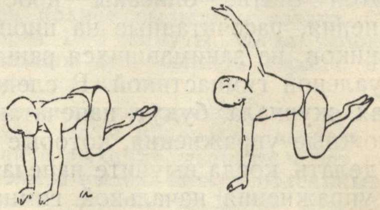

Рисунок 6

Третье упражнение— вращение

ЦЕЛЬ: укрепить косые мышцы брюшного пресса и мышцы поясницы.

ИСХОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ: встать на четвереньки: руки перпендикулярно к полу, ладони на ширине плеч, пальцы вперед; спина прямая (не сутулиться), голова немного приподнята (рис. 6).

ВЫПОЛНЕНИЕ: медленно поднять одну руку в сторону и повернуть туловище доотказу в том же направлении (вдох); медленно вернуться в исходное положение (выдох). Повторить, попеременно поднимая в сторону то одну, то другую руку, 6—8 раз. При поворотах туловища в стороны не отрывать колени от пола.

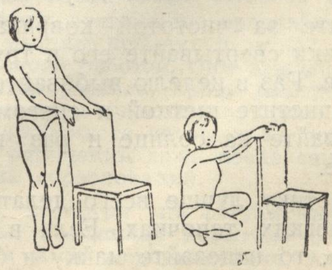

Рисунок 7

ка подогретой, как парное молоко, водой и не сразу смачивать тело до пояса, а первую неделю обтирать руки до плеч, вторую — руки, плечи и грудь, третью — добавить обтирание спины и живота.

Всем ли полезна гимнастика?

При некоторых заболеваниях (например при пороке сердца) самостоятельные занятия индивидуальной гимнастикой могут принести вред. Поэтому, если вы чувствуете себя нездоровым, то, прежде чем приступить к занятиям индивидуальной гимнастикой, покажитесь врачу и посоветуйтесь с ним. При повышенной температуре, головной боли и т. п. гимнастику делать не надо. После болезни нужно осторожно начинать гимнастику: уменьшить количество повторений каждого упражнения, увеличить продолжительность отдыха между упражнениями.

В этой статье описаны простейшие упражнения, рассчитанные на пионеров и школьников, не занимавшихся раньше индивидуальной гимнастикой. В следующих номерах журнала будут напечатаны более сложные упражнения, которые вы сумеете делать, когда выучите напечатанные здесь упражнения начальной гимнастики.

Что надо для занятий гимнастикой?

Прежде всего необходима чистота. Нельзя заниматься гимнастикой в грязной комнате. Пыль будет проникать в легкие, кожа загрязняться.

Помогайте родителям убирать комнату, следите за чистотой пола, почаще выносите на воздух постельные принадлежности, матрацы, не держите в комнате старых, ненужных вещей.

Многие упражнения приходится делать лежа, сидя и т. п. Заведите коврик и выполняйте эти упражнения на нем. Для этой цели можно взять кусок половичка — дорожку длиною около двух метров.

Следите за чистотой коврика. После гимнастики свертывайте его в трубочку и убирайте. Раз в неделю выбивайте на воздухе и чистите щеткой и снегом. Летом вывешивайте на солнце и раз в месяц стирайте.

Гимнастику лучше всего делать в трусах и легких тапочках. Если в комнате холодно, то надевайте майку и байковые брюки, какие носят лыжники.

Упражнение четвертое — для ног

ЦЕЛЬ: укрепить мышцы ног.

ИСХОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ: встать у стула, положив руки на его спинку, пятки вместе, носки врозь (рис. 7).

ВЫПОЛНЕНИЕ: медленно присесть, широко разводя колени, туловище и голова прямо, пятки соприкасаются (выдох); медленно выпрямиться (вдох). Повторить 8—10 раз.

Когда научитесь приседать правильно, т. е. сумеете при приседании широко разводить колени и не наклонять туловища вперед, проделывайте это же упражнение без опоры руками о стул. Руки ставьте на талию, большие пальцы назад.

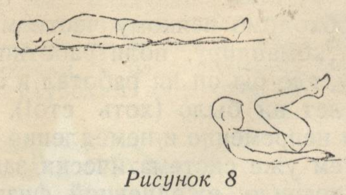

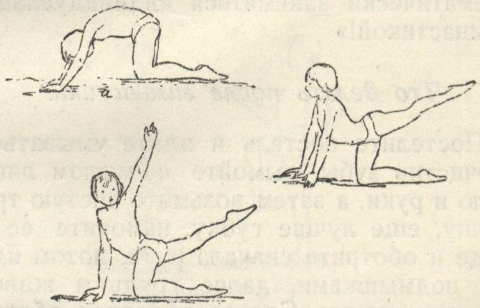
Рисунок 8

Упражнение пятое

ЦЕЛЬ: укрепить прямые мышцы брюшного пресса.

ИСХОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ: лечь на спину, ноги выпрямлены и соединены, руки вытянуты вдоль туловища и лежат на полу ладонями вниз (рис. 8).

ВЫПОЛНЕНИЕ: медленно согнуть ноги и притянуть колени к груди, одновременно поднять голову и плечи (выдох); медленно опуститься в исходное положение (вдох). Повторить 6—8 раз.

Рисунки 9 и 10

Упражнение шестое — для спины

ЦЕЛЬ: укрепить мышцы спины.

ИСХОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ: стоя на четвереньках.

ВЫПОЛНЕНИЕ: медленно опустить голову, согнуть спину (выдох) (рис. 9); медленно поднять голову, прогнуть спину, поднять одну ногу назад, выпрямив ее в колене и оттянув носок (вдох). Повторить 6—8 раз, поднимая то одну, то другую ногу.

Когда упражнение будет выполняться правильно, его можно усложнить: поднимать одновременно ногу и противоположную руку (рис. 10).

Седьмое упражнение — нагибание вперед

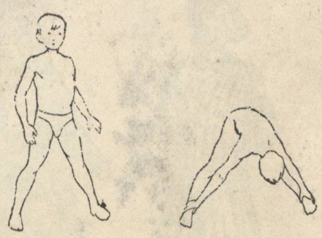

Рисунок 11.

ЦЕЛЬ: растянуть мышцы поясницы и разгибатели бедер, предельно сокращавшиеся в предыдущем упражнении.

ИСХОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ: ноги врозь пошире, руки висят свободно, грудь вперед, голова прямо, плечи отвести вниз и назад (рис. 11).

ВЫПОЛНЕНИЕ: медленно наклониться вперед, скользя ладонями по ногам вниз к ступням (выдох); медленно выпрямиться (вдох). Повторить 6—8 раз.

Восьмое упражнение—поскоки

Рисунок 12.

ЦЕЛЬ: усилить дыхание и кровообращение, развить упругость ног, необходимую для бега и прыжков.

ИСХОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ: стоять, ноги вместе, ступни соединены, руки на талии, локти назад, голова прямо, грудь вперед (рис. 12).

ВЫПОЛНЕНИЕ: делать невысокие частые прыжки—поскоки на носках. Стараться как можно меньше сгибать ноги. Глубоко и ровно дышать, выполняя на 4 поскока вдох и на столько же поскоков выдох. Сделать в 15—20 секунд 30—40 поскоков.

Сразу после поскоков перейти на ходьбу с высоким подниманием колен (смотри выше первое упражнение, рис. 4). Постепенно замедлять быстроту ходьбы и ниже поднимать колени. Глубоко и ровно дышать, стараясь полнее выдыхать воздух.

Через 1—2 минуты, когда успокоится повышенная деятельность сердца, прекратить ходьбу на месте.

Выполняя упражнения, все время следите за тем, чтобы правильно дышать: не задерживайте дыхание, дышите через нос, делайте полнее выдох. Между отдельными упражнениями отдыхайте 15—30 секунд. Во время отдыха спокойно ходите по комнате. После четвертого упражнения (для ног) отдохните около минуты.

Внимательно прочтите описание упражнений, следите за правильностью движений.

ЧЕМ БОЛЕЛ КОЛЯ*

Колина бабушка неправа. От лыжной прогулки или катанья на коньках не заболеешь ревматизмом. Боль в ногах появилась у Коли совсем по другой причине.

При физических упражнениях, в частности при ходьбе на лыжах и беге на коньках, мышцы выполняют большую работу. Работающие мышечные клетки выделяют продукты распада. Эти-то продукты, накапливаясь в мышцах, и вызывают болевые ощущения.

Боль обычно появляется у новичков, в первые 4—10 дней занятий спортом, и у спортсменов, начинающих тренировку после большого перерыва. Она возникает на другой день после первой тренировки. Спортсмен, проснувшись утром, замечает, что мышцы у него набухли и затвердели, двигаться больно.

Если он опытен, то не станет обращать внимание на свое состояние и либо проделает гимнастику либо пробежится по воздуху. Движения усилят кровообращение, ток крови вынесет из мышц большую часть продуктов распада, и боль значительно уменьшится.

Чтобы быстрее освободиться от продуктов распада, полезно также проделать массаж, растирая и разминая мышцы по направлению к сердцу, т. е. ноги—от ступней к тазу, руки — от кистей к плечам. Еще лучше действует горячая баня. Вместе с обильным потом выносятся из организма и продукты распада, боль в мышцах резко снижается или совсем исчезает.

По мере втягивания организма в тренировку мышцы крепнут и лучше справляются со своей работой. Они выделяют меньше продуктов распада, кровь быстрее выносит эти продукты из мышечной ткани. Поэтому у тренированного человека не возникает болевых ощущений даже после самых утомительных соревнований.

Если, несмотря на регулярные занятия спортом, в мышцах держится боль, то это признак либо переутомления либо заболевания. В таком случае необходимо показаться врачу.

* Смотри заметку «Летучий ревматизм» в № 11.

Карнавальные костюмы

Тут нарисовано несколько национальных костюмов народов СССР. Их нетрудно сделать каждому.

Девочка, у которой есть вышитая кофточка, легко может одеться украинкой. Кроме кофточки ей понадобится юбка (лучше клетчатая, но годится и гладкая), цветной фартучек, какие-нибудь бусы и венок из бумажных цветов с лентами.

Чтобы стать «украинцем», нужна барашковая шапка, вышитая рубашка и лыжные штаны, которые заправляются в сапоги или чулки. Бант и пояс делаются из ленты.

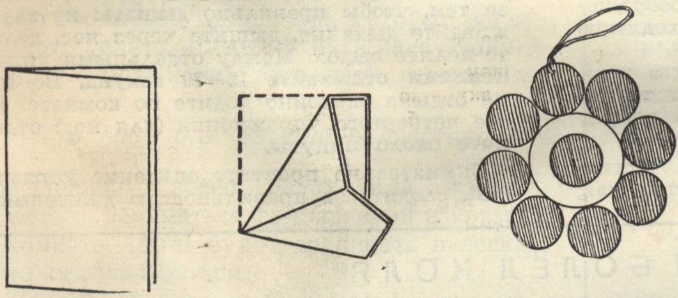
Можно на карнавале обратиться в таджика, обмотав голову полотенцем, надев любой халат (рабочий, докторский и т. д.) и подвязав его ситцевым платком. Чтобы стать совсем похожим на таджика, можно на гладкий халат нашить полоски из ярких тесемок или лент.

Для «узбека» годится тот же костюм, только вместо чалмы из полотенца надо надеть тюбетейку.

Для карнавала на льду очень интересен северный ненецкий костюм, но его сделать гораздо сложнее. Этот костюм надо сшить из светлокоричневой байки (можно использовать старое одеяло или ненужный лыжный костюм) и отделать его разноцветными кусочками материи и мехом. На ноги надеваются валенки, украшенные цветными тесемками.

И. Работнова

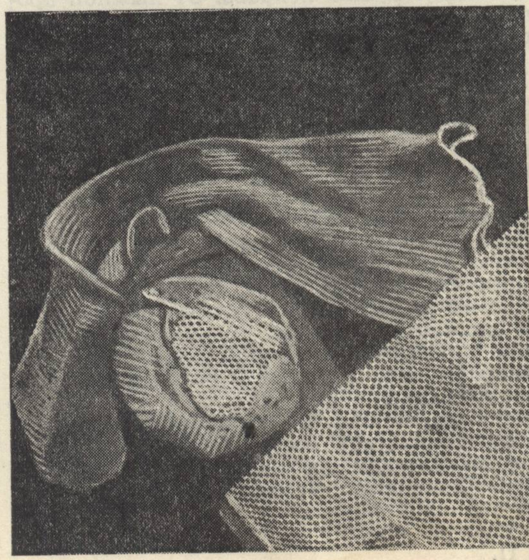
РОЗЕТКА ДЛЯ ЕЛКИ

Квадрат цветной бумаги сгибают пополам, еще раз пополам, потом по диагонали и еще раз пополам. На полученном треугольнике рисуют узор, который по контуру вырезают ножницами. Осторожно развернув сложенную бумагу, получают розетку, которую наклеивают на картон, и снова вырезают. Розетку раскрасьте в яркие цвета.

Прочная штопка чулок

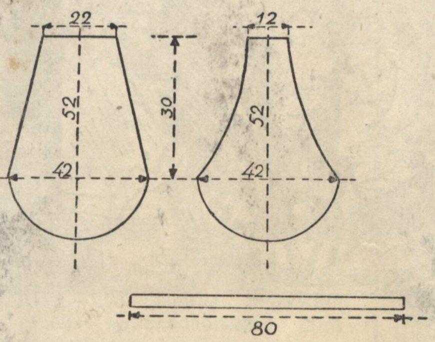
Вставьте в дырку на чулке кусок тюля или марли и легко пришейте его по краям дыры (см. фото). После этого штопайте чулок акуратной решоткой, проводя нитку через тюль. Это очень легкий и прочный способ штопки больших дыр на чулках и носках.

Полезные советы

Как сделать лыжные ботинки непромокаемыми

Растопите в жестянке немного чистого пчелиного воска и влейте туда касторового масла (продается в аптеке) или положите несоленого свиного или говяжьего сала. Застывшая смесь должна представлять мягкую густую массу, легко растирающуюся жесткой щеткой или тряпкой. Для черноты можно добавить порошка костяного угля или голландской сажи. Перед употреблением мазь и ботинки надо нагревать, тогда мазь лучше впитывается и делает кожу непромокаемой.

ИСПАНСКИЙ ПЕРЕДНИК

Если вы занимаетесь вязаньем, вышивкой, штопкой или хотя бы помогаете матери по хозяйству мытьем посуды, уборкой комнат и т. п., сшейте себе для работы такой передник. Удобство его заключается в очень большом кармане, куда вы можете класть клубок, крючок, вязанье, вышивку, нитки, игольник, носовой платок, ключи и т. п. Даже круглые ручные пяльцы поместятся в этом кармане. И, наконец, самое главное — передник предохранит ваше платье от грязи во время домашней работы.

Такие передники носят испанские женщины в районе Лагартеры. Это неотъемлемая часть туалета лагартерок, и потому они стараются сделать свои передники как можно наряднее, расшивая их многоцветной вышивкой.

Сшить такой передник можно из любого материала: полотна, парусины, сатина, ситца и т. п. По краям передник и карман, при желании, можно вышить крестом, елочкой, английским швом или гобеленовой цветной каймой.

ВОЛШЕБНАЯ СПИЧЕЧНАЯ КОРОБКА

Вы можете за несколько минут сделать волшебную спичечную коробку, которая удивит всех ваших товарищей. Возьмите две совершенно одинаковые спичечные коробки. Снимите с одной из них бумажную покрышку и наклейте ее на дно другой коробки, чтобы она имела сверху и снизу одинаковый вид. Теперь выньте из этой коробки ящичек и приклейте ко дну его слой спичек, надавливая на дно ящичка (но так, чтобы не сломать дна), пока спички не окажутся на одном уровне с боками коробки. У вас получится спичечная коробка, которая, если ее открыть в правильном положении, будет пуста, если же открыть ее вверх дном, будет казаться полной спичек.

Вы можете не только показывать, как спички появляются и исчезают, но, наполнив ящичек конфетами, вы можете показать сперва, что ящик полон спичек, а потом, проговорив несколько «магических» слов, вы можете спички «превратить» в конфеты и угостить ваших зрителей.

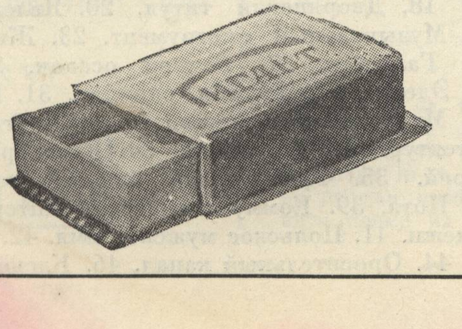
ТРАФАРЕТЫ РИСУНКОВ НА СНЕГУ

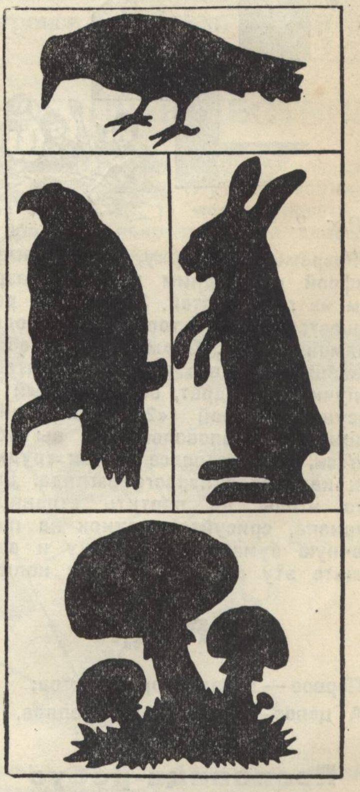
Чтобы получить такой трафарет, нужно на картоне нарисовать в увеличенном виде контур картинки и акуратно вырезать его ножницами. Выбрав на снегу ровное место, наложите на него трафарет, посыпьте тонким слоем песку и осторожно поднимите трафарет; на снежной площадке появится желтый силуэт.

Такие картинки могут быть и разноцветными. Например если шапочку гриба засыпать толченым кирпичом, ножку гриба — желтым или серым песком, а траву — сухой просеянной землей или угольной пылью,— получится четырехцветная картинка.

Если трафарет желают применять несколько раз, его следует пропитать каким-нибудь маслом: тогда трафарет не будет промокать, так как к нему снег не пристанет.

Микрон

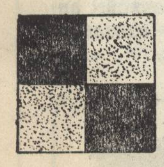
Напишите нам, какие самоделки вы хотите делать

Загадки

РАЗРЕЖЬТЕ И СЛОЖИТЕ

Рис. 1.

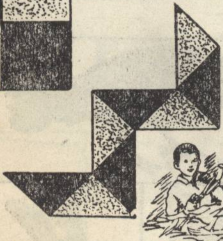

Рис. 2.

Разрежьте фигурку, обозначенную цифрой «1», одним прямым разрезом на пять частей. Запомните: разрешается сделать только лишь один прямой разрез. Сложите пять образовавшихся у вас частей так, чтобы получился квадрат, обозначенный на рисунке цифрой «2». Попробуйте решить эту головоломку, и вы убедитесь, что она вовсе не так трудна, как кажется с первого взгляда. Для того чтобы не портить страницы журнала, срисуйте рисунок на прозрачную бумагу или кальку и разрежьте эту сделанную вами копию.

ШАРАДА

Первое — нота; второе — игра;
А целое — инструмент столяра.

Пословица-ребус

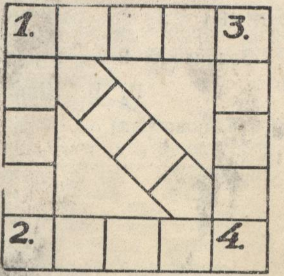

Кроссворд

По горизонтали: 1. Деревянный духовой инструмент. 4. Измеритель глубины. 5. Стихотворная форма. 7. Шифр сигналов. 9. Остроконечная вершина горы. 10. Пришелец к славянам в IX веке. 12. Корабельный повар. 14. Настенная люстра. 16. Часть лица. 18. Дворянский титул. 20. Явление природы. 21. Музыкальный инструмент. 23. Житель Аравии. 25. Галлоген. 27. Речной осадок. 28. Волнорез. 30. Электротехническая единица. 31. Размер стиха. 32. Мифическое божество солнца у египтян. 33. Архитектурное сооружение. 34. Ракообразное южных морей. 35. Французский бактериолог. 36. Пища. 38. Нота. 39. Коммунистический интернационал молодежи. 41. Польское мужское имя. 42. Порода дерева. 44. Оросительный канал. 46. Клеющее вещество.

Кроссворд-шарада

Значение слов по горизонтали:

1) первое — обозначение окружности; второе — приспособление для измерения водных глубин; целое — водитель самолета;

2) первое — заграждение в портах; второе — предлог; целое — орудие кузнеца.

По вертикали:

1) первое — состояние воды при кипении; второе — фамилия знаменитого физика: целое — приспособление для передвижения на реке;

2) первое — местоимение; второе — частица; целое — смазочное вещество.

По диагонали:

Первое — река, впадающая в Адриатическое море; второе — переход на реке; целое — деревянный настил.

Число рядов

Маневрирующие красноармейские части шли по шоссе. Они нагнали пионерку Нину, которая шла с вдвое меньшей скоростью. Через некоторое время им встретился Сережа, который шел с такой же скоростью, как и Нина.

Красноармейцы шли равномерно ряд за рядом. В течение нескольких минут Нина насчитала 147 рядов.

Сколько рядов в течение того же времени насчитает Сережа?

РЕБУС

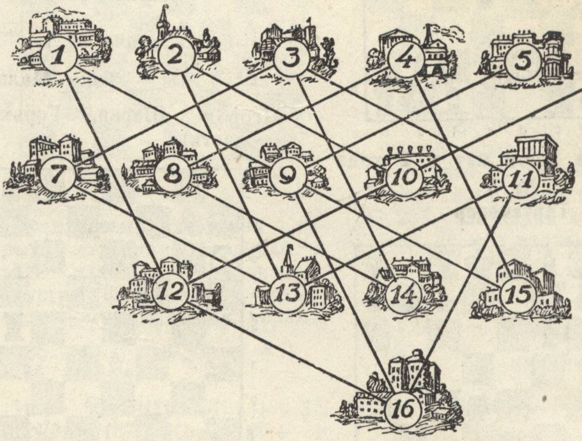

48. Строительная деталь. 50. Часть света. 52. Густой лес. 53. Болезнь. 56. Столица Греции. 58. Волосы на шее лошади. 61. Напиток. 63. Союз. 64. Буква латинского алфавита. 65. Нота. 67. Смола. 69. Река в Европе. 70. Поперечная часть ткани. 72. Полководец, нанесший первое поражение римлянам. 73. Река в СССР. 75. Газообразное состояние вещества. 76. Гора в Европе.

По вертикали: 1. Морское животное. 2. Первобытная община. 3. Течение электричества. 4. Овощ. 5. Насекомое. 6. Имя девочки. 8. Место ремонта кораблей. 9. Инструмент для резки дерева. 10. Неприятель. 11. Наземная возвышенность. 13. Остров на Средиземном море. 14. Удав. 15. Игра. 17. Горный козел. 18. Радиотермин. 19. Знаменитый физик. 21. Часть света. 22. Союзная республика в СССР. 24. Небольшое парусное судно. 25. Индусское божество. 28. Злак. 29. Негодные металлические изделия. 31. Отрава. 37. Религиозная выдумка. 40. Инструмент портного. 43. Геометрическое тело. 45. Судьба. 47. Сарай для молотьбы хлеба. 48. Большое парусное судно. 49. Повозка. 51. Цветок. 54. Проводник туристов. 55. Порода страусов. 57. Снежный покров. 59. Овраг. 60. Преступник. 62. Упрек. 66. Галлоген. 68. Тетрадь из рисунков и фотографий. 69. Роскошный банкет. 71. Слипшийся сыпучий материал. 72. Лесное божество у греков. 74. Союз. 75. Фигура танца.

ЗАТРУДНИТЕЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Кружочки с номерами обозначают города, а соединяющие их прямые линии — дороги между ними. Путешественник, отправляющийся в путь из города № 1, желает посетить каждый из шестнадцати городов только лишь по одному разу, путешествуя по дорогам, обозначенным прямыми линиями.

Ответьте на вопрос: сколько имеется различных путей, которые может выбрать путешественник?

Понятно, что путешественник должен окончить свой путь в городе № 1, из которого он отправился в дорогу. Он не должен поворачивать на пересечениях дорог, а должен идти прямо из города в город.

ШЕСТЬДЕСЯТ ЧЕТЫРЕ КЛЕТКИ

№ 2

(Под редакцией мастера А. И. Рабиновича)

О комбинациях

Шахматной комбинацией мы называем серию связанных между собою ходов, которые, даже при лучших ответах противника, приводят к достижению определенной цели. Цели могут быть разнообразные: мат, пат, вечный шах, выигрыш фигур, пространства, улучшение позиции своих фигур и, наоборот, расстройство позиции фигур противника. Отсюда ясно, насколько важно уметь правильно комбинировать.

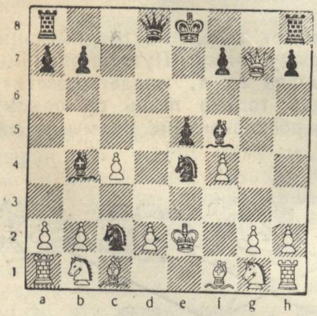
Из напечатанных в нашем журнале задач, этюдов, партий, окончаний партий наши читатели более или менее знакомы с различными комбинациями. В дальнейшем мы познакомим читателей со всевозможными комбинациями, изучение которых поможет им совершенствоваться в практической игре.

ОКОНЧАНИЯ ПАРТИИ

Матовые комбинации

Найдите продолжения

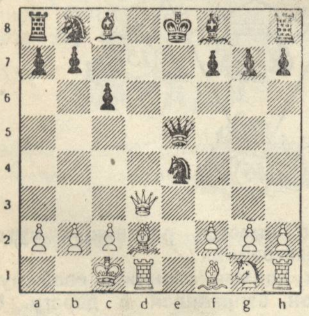
№ 4

Черные дают мат в 2 хода

№ 5

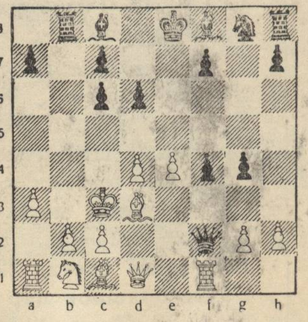
Тартаковер

Рети

Белые дают мат в 3 хода

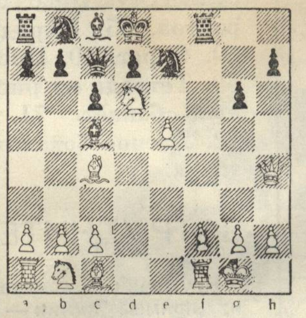
№ 6

Белые дают мат в 4 хода

№ 7

Стейниц

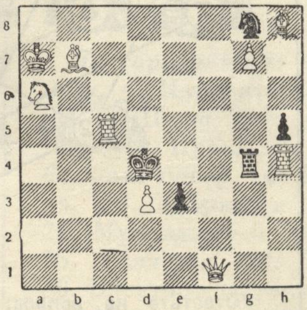
Белые дают мат в 4 хода

Композиции наших читателей

Задача № 1

Толя Малышев

(город Шарья, Горьковская область)

Белые: Кра7, Фf1, Лс5 и h4, Сb7 и h8, Ка6, пd3, g7(9)

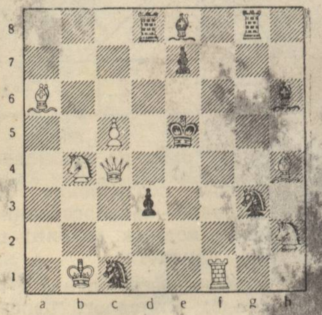
Черные: Крd4, Лg4, Кg8, пе3 и h5(5)

Мат в 2 хода

Задача № 2

П. В. Шпилевой

(Кировоград)

Белые: Крb1, Фс4, Лf1, Са6 и h4, Кb4 и h2, с5(8)

Черные: Кре5, Лd8 и g8, Се8 и h6, Кс1 и g3, пd3 и е7(9)

Мат в 2 хода

Итальянская партия

№ 2

Сальве	Рубинштейн
1. е2—е4	е7—е5
2. Кg1—f3	Кb8—с6
3. Сf1—с4	Сf8—с5
4. Кb1—с3	Кg8—f6
5. d2—d3	d7—d6
6. Сс1—е3	Сс5—b6!

Сдвоение пешек белых 6... С:е3 f2:е3 с избытком компенсировалось вскрытием линии f для атаки их тяжелых фигур и в первую очередь королевской ладьи после 0—0.

7. 0—0

Преждевременно, так как на это следует неприятная «связка». Лучше 7. Фd2 или 7. h2—h3.

7. ... Сс8—g4

8. Кс3—d5 Кf6 : d5!

Предупреждая 9. С : b6 и 10. Кd5—е3.

9. Сс4 : d5 0—0

К упрощению игры и вероятной ничьей вело 9... Фf6 10. h3 С : f3! 11. Ф : f3 Ф : f3 12. С : с6 + b : с6 13. g2 : f3.

10. h2—h3 Сg4—h5

11. g2—g4

Только компрометирует позицию белого короля. Следовало продолжать 11. Фе2 и далее 12. С2—с3. 13. С : b6 и 14. Фе3, освобождаясь от связки.

11.... Ch5—g6
12. Kpg1—g2 Фd8—e7

Точнее было сразу 12.... Kpg8—h8, так как на ход в партии белые могли играть 13. Cg5 и на Фd7 14. Kh4 с контршансами.

13. Фd1—e2

Белые не к своей выгоде не используют упущения черных.

13.... Kpg8—h8!
14. a2—a4

Теперь бесполезно 14. Cg5 из-за f7—f6, и последним ходом белые пытаются захватить инициативу на ферзевом фланге, вынудив попутно размен слонов на e3.

14.... Kc6—d8
15. a4—a5 Cb6 : e3
16. f2—e3

После 16. Ф : e3 черные рано или поздно овладели бы пунктом f4.

16.... c7—c6
17. Cd5—b3 Kd8—e6
18. c2—c3?

Размен 18. C : e6 f7 : e6 (18.... Ф : e6 19. Kh4!) обеспечил бы черным с их дальнобойным слоном позиционное преимущество, но это было бы меньшим злом.

18.... Ke6—c5!
19. Cb3—c2 d6—d5!

Отсюда и до конца партии каждый ход черных заслуживает тщательного изучения. Угрожает не только 19.... d : e, но и 19.... K : d3.

20. e4 : d5 c6 : d5
21. Kf3—h2 e5—e4
22. d3—d4 Kc5—d3!
23. Cc2—b3

Плохо 23. C : d3, ввиду e4 : d3, 24. Фd2 Лae8 25. Лae1 Ce4 + 26. Kf3 (если 26. Kpg1, то Фh4) f7—f5! с выигрышной позицией.

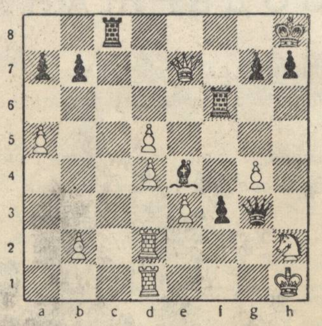
23.... Лa8—d8
24. Фe2—d2 f7—f5
25. c3—c4 f5—f4!
26. c4 : d5

Если 26. e : f4, то e4—e3! с различными угрозами, как нетрудно убедиться, достаточными для получения решающего преимущества.

26.... f4—f3 +
27. Kpg1—h1 Фe7—h4
28. Cb3—c4 Фh4 : h3
29. Cc4 : d3 e4 : d3,
30. Лf1—f2 Cg6—e4!
31 Лa1—c1 Лf1—f6!
32. Фd2—b4

С целью парировать явную угрозу черных 32.... Лh6 33.... Фh2 +! и 34....f2 × ходом 33. Фb4—e7 с двойным ударом.

Позиция после 32. Фd2—b4

32.... d3—d2!

Попытка отвлечь ферзя белых от пункта e7 или ладьи с линии «c».

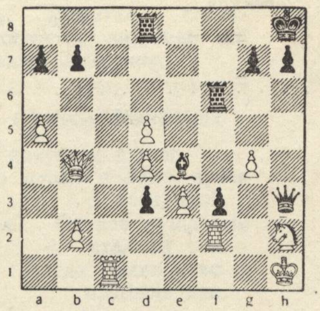
33. Лc1—d1

Если 33. Ф : d2, то Лh6 34. Kpg1 Фg3 + 35. Kpf1 Ф : g4!

33.... Фh3—g3!
34. Фb4—e7 Лd8—c8!
35. Лf2 : d2

Пешку необходимо, наконец, взять и именно ладьей f2: 35. Лd1 : d2 вело к мату в несколько ходов после 35.... Лc8—c1 +

Позиция после 35. Лf2—d2

Предлагаем читателям закрыть страницу журнала и найти изящную комбинацию, ведущую форсированно к немедленному выигрышу черных.

35.... Фg3—e1 +!!
36. Лd1 : e1

Или 36. Kf1 Лh6 + 37. Лd2—h2 (37. Kpg1 f2 + и 38... Лh1×) 37.... Фe1—f2!! с неизбежным матом.

36.... f3—f2 +
37. Фe7 : e4 f2 : e1 Ф +
38. Kph1—g2 Фe1 : d2+

Белые сдались.

А. К. Рубинштейн

Акиба Кивелевич Рубинштейн родился в 1882 году в местечке Ставишках, Гродненской губернии. Блестящие успехи в русских и международных турнирах с 1907 по 1914 год выдвинули Рубинштейна в первый ряд мировых гроссмейстеров. Вершиной его шахматной карьеры является 1914 год, когда его матч с Эммануилом Ласкером на первенство мира не состоялся из-за начала мировой войны. Эта война и пережитые Рубинштейном в связи с ней жизненные невзгоды оказали роковое влияние на выдающееся творчество гениального мастера. Он достигает еще триумфов в турнирах двадцатых годов, но прежнего Рубинштейна уже не было.

С 1933—1934 года тяжелая болезнь заставляет Рубинштейна бросить любимую игру.

Победители второго конкурса задач и этюдов

Правильно, со всеми вариантами решили задачи, помещенные в № 7 журнала, следующие юные шахматисты:

1) Ада Гиринис (Москва), 2) Володя Розенштейн (Ленинград), 3) Толя Николаев (Рыбинск), 4) Лев Гоголь (Клин, Московская область), 5) Ваня Габ (Золотоноша), 6) Семен Мордухович (Кременчуг), 7) Коля Дикарев (Мичуринск), 8) Коля Леликов (Егорьевск), 9) Шамиль Азизов (Дербент), 10) Коля Погудкин (город Калинин). Всем им выслали премии.

Сорок четыре участника конкурса прислали в общем правильные решения, но не указали всех вариантов. Остальные 237 участников конкурса решили не все задачи и этюды.

Товарищи читатели!

Сообщите, нравится ли вам наш шахматный отдел, что бы вы хотели видеть в нем. Присылайте свои предложения и задачи.

СОДЕРЖАНИЕ

На обложке: картина художника Б. Берендгофа „Советский флот на Балтике"

Адрес редакции: Москва, ул. „Правды" 24 комната 822, телефон Д 3-30-73.

Отв. редактор **П. К. ШАРИ.** Отв. секретарь **В. А. Поддубная**
Зам. редактора **Н. В. ИЛЬИНА.** Худ. редактор **М. З. Аскинази**

Сдано в набор 10/XII 1939 г. Подписано к печати 17/XII 1939 г. Изд. № 1245

Уполномоченный Главлита № А — 18054. 82 × 110. 1/16 бум. листа. 38 400 печ. зн. в печ. листе. 16 п. л.

Типография газеты „Правда" имени Сталина. Москва, ул. „Правды", 24. Зак. № 3571. Тираж 90 000

Загадки

1. Как ни прочтешь,— растение найдешь.

2. Лежит брус через весь Советский Союз; если встанет —до луны достанет.

3. Летом одеваются, а зимой раздеваются.

4. Половина буквы нам дана,
А на ней зеленая трава.

5. Сыплюсь как из сита,
А не порошок;
Залезаю в жито,
А не червячок.

6. Какие две буквы надо соединить, чтобы получить красноармейский головной убор?

7. Какая мушка не летает?

Ответы на задачи №№ 10 и 11

ЗАГАДОЧНЫЙ КВАДРАТ

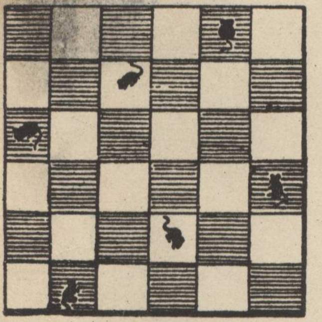
Овес, волк, елка, скат.

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Быки. 2. Рис. 3. Пшеница. 4. Лошади. 5. Рожь. 6. Мотыга. 7. Люди. 8. Овес. 9. Просо. 10. Соха.

По вертикали: I. Борона. II. Ячмень. III. Трактор. IV. Плуг. V. Дерево. VI. Палка. VII. Маис.

ШЕСТЬ МЫШАТ

РЕБУС

Ниша т кони вал ко (л) = ни шатко, ни валко.

ПРОСТАЯ ЗАДАЧА

Ребята прошли 6 километров. Чередований должно быть 5, но одно они пропустили. Следовательно, чередований было 4.

ЗАМЕРЗШИЕ ОКНА

Как бы ни были замазаны окна, воздух через них проходит. Ветер входит в междуоконное пространство и вытесняет теплый воздух, попавший из комнаты. Давление воздуха в комнате всегда равно давлению наружного воздуха. Поэтому взамен вошедшего холодного воздуха выходит из комнаты теплый. Он проходит в междуоконное пространство противоположной стены. Пары его оседают на холодном наружном стекле, которое от этого замерзает.

КТО Я?

Куница — кузница.

ЧАЙНВОРД

1. Авача. 2. Александрит. 3. Тютчев. 4. Верн. 5. Никарагуа. 6. Агути. 7. Ирвинг. 8. Гейке. 9. Енисейск. 10. Колорадо. 11. Остракизм. 12. Маори. 13. Иллинойс. 14. Сервантес. 15. Сага. 16. Ага. 17. Аксессуар. 18. Роллан. 19. Нигерия. 20. Яранга. 21. Альбатрос. 22. Семга. 23. Антрекот. 24. Толедо. 25. Остяк. 26. Краб. 27. Буссенар. 28. Рея. 29. Ямс. 30. Силос.

КТО ЖИВЕТ В КОМНАТАХ

Летчик, артистка, спортсмен, архитектор, писатель, моряк дальнего плавания.

ЧЬЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Простой цветочек дикой
Нечаянно попал в один пучек
с гвоздикой.
И что же? От нее душистым
стал он сам.
Хорошее всегда знакомство в
прибыль нам.

ПОМОГИТЕ

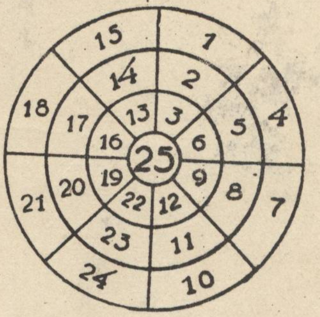
2 + 9 + 4
+ + + + + +
7 + 5 + 3
+ + + + + +
6 + 1 + 8
Всюду 15.

КРОССВОРД

По горизонтали: 2. Дом. 4. Касик. 6. Ром. 8. Пар. 10. Рис. 12. Вазон. 13. Топор. 15. Барак. 17. Токио. 19. Лук. 20. Луб. 22. Том. 24. Кол. 26. Кабул. 28. Раб. 30. Колас. 31. Тур. 32. Бек. 33. Кагор. 34. Кук. 36. Метод. 39. Кир. 40. Бак. 42. Кон. 43. Таз. 45. Силос. 47. Бутан. 48. Сироп. 49. Валек. 50. Мак. 52. Сор. 53. Лир. 55. Лекок. 56. Сев.

По вертикали: 1. Посох. 2. Дар. 3. Мим. 5. Казак. 7. Капот. 8. Парус. 9. Рок. 10. Рот. 11. Сокол. 12. Вал. 14. Рим. 16. Куб. 18. Колун. 20. Ларек. 23. Тагил. 24. Кок. 25. Лак. 26. Кум. 27. Лед. 28. Рак. 29. Бор. 35. Налим. 37. Тон. 38. Катер. 40. Бис. 41. Коран. 43. Тулон. 44. Зак. 46. Сок. 47. Бас. 51. Ликер. 53. Лес. 54. Ров.

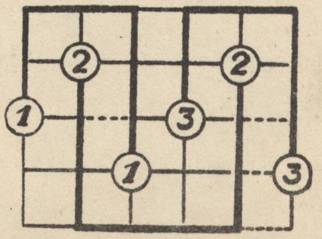
ВЕЗДЕ СТО.

ЧТО ЗА ЧИСЛО?

119

ТРИ СВЯЗИСТА

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА

1. Кольский. 2. Ирландия. 3. Камчатка. 4. Калахари. 5. Тасмания. 6. Японское. 7. Аппалачи. 8. Магеллан.

АКРОСТИХ В КАРТИНКАХ

1. Европа. 2. Санитар. 3. Лыжник. 4. Истребитель. 5. Зис. 6. Артиллерия. 7. Вышка. 8. Танк. 9. Рупор. 10. Аэростат. 11. Всадник. 12. Пулемет. 13. Обойма. 14. Хобот (орудия). 15. Окоп. 16. Десант. 17. «...Если завтра в поход...»

Цена 1 руб. 50 коп.